

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №1

2010
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РМ

СОДЕРЖАНИЕ

	«Поле. Русское поле...».....	3
 Куликово поле	Виктор Кочетков. За Родину!.....	7
 Звезда над полем	Олеся Рудягина. Память	15
 Пушкинская горка	Валентина Костишар. Поэзия.....	20
	Александр Челышев. Поэзия.....	47
	Наталия Родина. Поэзия.....	87
	Сергей Пагын. Поэзия.....	102
 Поле зрения	Николай Савостин. Из новой книги	30
 Поле притяжения	Татьяна Орлова. Проза.....	37
	Яна Казаченко. Проза.....	54
	Тамара Артемьева. Проза.....	136
 Поле 65 Победители славы	Марат Калиненко	64
 Взлётная полоса	Виктория Чембарцева. Голоса молодых.....	70
 Casa mare	Геннадий Рудягин. Гость «РП»	94

Поли-АРТ

Памяти друга.....	109
Виктория Алесенкова. Беседы о театре	110
Елена Кушнир. Драматургия.....	119

Один в поле – воин

Пётр Шорников. Страницы истории	142
---------------------------------------	-----

ИНФО-поле
АРП РМ

Будни и праздники	154
-------------------------	-----

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова,*

Сергей Пагын, Татьяна Орлова

Литературный редактор и корректор – *Марина Попова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Пелина*

Авторы и разработчики сайта Ассоциации русских писателей РМ

Александр Чельшев, Михаил Полевой

<http://www.arprm.com>

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ПОЛЕ. РУССКОЕ ПОЛЕ...

Почему «Русское поле»? Что за поле такое появилось среди виноградных холмов Молдовы? Поле – многозначное слово в русском языке. Обо всём самом важном в жизни можно рассказать, применив его. О хлебе, вечной заботе человеческой (Поле пшеничное, ржаное). О неприкаянности, отсутствии корней (Перекасти-поле). О широте взгляда (Поле зрения). О полёте (Поле лётное). О воинской доблести, о битве, земной и горней, за свободу отечества (Куликово Поле) и – Личности (Один в поле – воин). О трагедии оставшихся без Родины (Голое поле). О первом осознании образа и мелодии России («Во поле берёзка стояла...»). О притяжении. Игре. Материи. О материнстве. О неизбывной любви к России. Помните, как в давней, из другой жизни, песне поётся: «Я твой тонкий колосок...» Вот и рубрики наши соответствуют многому из названного здесь.

Сердце каждого русского, «русскоговорящего», «русскодумающего» человека, оставшегося после развала СССР за пределами России, больно иссечено границами и таможенными, отделившими новые независимые государства от Москвы. Ожог, испытанный в 90-х, со временем не затягивается. Мы смотрим «Время», забывая, что на экране – чужие новости, и говорим «наши», болея за российскую сборную на самых ответственных спортивных поединках. Мы встречаем новый год дважды в ночь на 1-е января: «по Москве» и «по Кишинёву». Так продолжается 20 лет. Уже выросло поколение людей, которым почти невозможно объяснить, что значит, каково это – быть одной страной. Чувство утраты великой страны – неизменно. Но Молдова – родной дом! Столетия – единственный дом на земле. И, приезжая в Россию, мы, родившиеся в Молдове, несём её солнечный отсвет на лицах, и нас называют молдаванами, вне зависимости от того, кем мы себя на самом деле считаем.

Именно поэтому творчество поэтов конца XX – начала XXI века в русской поэзии Молдовы, за редким исключением, отмечено «распятостью» между Россией и Молдовой, неутраченной ностальгией – если не по СССР, то уж точно по единству. В сердце молдавских русских Россия и Молдова переплетены, как красная и белая нити Мэрцишора, как кровеносные сосуды человеческого тела!

Русские вне России на протяжении веков сохраняли родной язык, культуру и дух своего народа. Думается, что русские литераторы Молдовы (а «русский» сегодня здесь – признак не только и не столько этнической принадлежности!) все эти годы вольно или невольно осуществляли подобную миссию «России в Молдове», отстаивая и сохраняя русское слово и русскую ментальность в условиях далеко не благоприятных.

В мире до крайности обострившихся противоречий, «двойных стандартов» поведения западных держав по отношению к России духовное «стояние» русских поэтов и писателей Молдовы могло бы способствовать лучшему пониманию между Россией и дорогой сердцу «малой родиной». Однако в стране происходят совсем не поэтические вещи. Культивирование на протяжении десятилетий в лицах и вузах сфальсифицированной истории принесло вполне прогнозируемые плоды. Взгляды юного поколения молдаван, не признающих себя молдаванами, воспитанных в недоверии и ненависти к «русским оккупантам», устремлены в противоположную от России сторону.

Наверное, никогда ещё так остро не стоял вопрос о сохранении русского языка, русской литературы на этой земле, как теперь. Хотя и раньше волны истории пери-

одически обрушивались на эти берега, подминая предыдущий «культурный слой», нанося новый и снова откатываясь. Что будет? Куда вырвет на этот раз? Потерю государственности мои русскоязычные соотечественники и огромное количество молдаван, которым запрутскими «братьями» вообще отказано в молдавской идентичности, воспринимают как катастрофу. Поистине, «Мы живём, под собою не чуя страны...»: под ногами не почва – каток, подобный тому, в который превратился весь город в февральские дни нового года из-за бездействия властей. Больницы не успевали принимать поломавших руки, ноги, ключицы и позвоночники на небывалом гололёде. Что будет, если жизнь пойдёт по «либеральному» сценарию? Несомненно, жертв – покалеченных судеб – будет в миллионы раз больше, чем в эту знаковую зиму.

Но при чём тут литература, нетерпеливо спросит, поморщившись, читатель. А литература, особенно поэзия, вообще – при чём! Всегда. Самые искренние пронзительные строчки о происходящем в обществе, о Времени оставляют поэты. Настоящие поэты. С их удивительной провидческой способностью видеть и слышать суть настоящего и грядущего, свойством чутко откликаться на беду и радость своего народа. С неистребимым любопытством и любовью к жизни. С вечным поиском гармонии, стремлением к истине, распахнутостью всем ветрам и незащищённостью. С их удивительной сосредоточенностью на внутренней музыке.

Сегодня в Молдове, где, как и в России, без сомнения, «поэт – больше, чем поэт», поэты – по разные стороны баррикад, как и вообще расколотое ровно напополам молдавское общество. У каждой стороны – истина своя. И, как это ни трагично, примирения не предвидится. Пути два. Остаться Молдовой, у которой – традиционно мощные исторические, духовные, экономические и культурные связи с Россией. Или стать провинцией Соседнего государства. Молдовой быть перестав. 7 апреля – ливнем булыжников, крошащих черепа безоружным полицейским, поджогом зданий Парламента и Президентуры – навсегда останется в нашем сознании символом воплощения этой возможности. Такова почва, питающая современную литературу Молдовы.

К чести моих товарищей по перу, за 20 лет выживания в русской поэзии Молдовы ни разу не прозвучали экстремистские или просто злобные ноты. Растерянные – да, полные горечи и обиды – да, но никогда русская строка не стала прибежищем ненависти, провокаций или ответного оскорбления представителей «титупольной нации»!

Недавно услышала фразу «обессилевшая русская литература Молдовы» и удивилась. Будем справедливы. Что вообще сегодня «в силе» и радует «показателями»? Промышленность? Может быть, достижения в области науки? Спортивные рекорды? Или успехи в медицине, социальном обеспечении и образовании? Пребывая в духовном подполье, оторванная от «широких читательских масс», – русская литература Молдовы тем не менее жива. Это уже много в период затянувшейся «великой депрессии», в период рассеяния по всей земле ищущих средства к существованию сограждан. Да и «обессилевшей» не рискнула бы я её обозвать.

Имена действующих литераторов яркие и самобытны, известны за пределами республики. Многие из них могут гордиться не только талантливыми публикациями, но и международными премиями. Валентина Костишар, Александр Милых, Александра Юнко, Игорь Мухудинов, Ирина Ремизова, Сергей Пагын, Михаил Флоря, Олег Панфил, Елена Шатохина, Владимир Лорченков, Сергей Узун – этих

литераторов охотно печатают в российской прессе, они известны огромному количеству почитателей русского литературного слова в Сети, а у заключающей список счастливой четвёрки за пределами Республики выходят книги.

Недавно ушедшая из жизни блистательная Зинаида Чиркова выпустила в Москве 10(!) исторических романов, вошедших в «Золотую серию России».

Русская литература Молдовы, пережив трагические времена отрыва от этнической родины и обречённой замкнутости, сегодня возвращается на «материк». Она интересна за пределами республики. Не случайно с прошлого года организаторы Международной литературной премии имени Юрия Долгорукого, до сих пор работающие в нашем регионе только с Украиной, обратили свои взоры и на Молдову. Мы представили на суд высокого жюри книги, вышедшие в республике, и лауреатом премии стал старейший русский писатель Молдовы – Николай Савостин, а дипломантами – ведущий прозаик Молдовы Лидия Латьева и поэт, журналист Борис Мариан.

Совсем недавно, в конце марта, из Киева с Дипломом этой престижной премии вернулась Валентина Костишар – удивительно мудрый, тонкий и глубокий автор, покоровший пронзительными стихами и жюри, и аудиторию переполненного зала музыкальной академии им. П.И. Чайковского, где вручалась премия.

Продолжают плодотворно работать корифеи русской литературы Молдовы – Константин Шишкан, Алла Коркина, Юрий Павлов.

С недавнего времени в республике действует литературная группа «Белый Арап» под неформальном руководством Олега Краснова, куда вошли такие неординарные авторы, как Олег Панфил, Елена Кушнир, Михаил Поторак и другие, учредившая в 2008 году независимую литературную премию «Белый Арап». В 2009 году её получил Олег Панфил, а в этом – вручили Александру Попову. По итогам конкурса издаётся книга рассказов, в прошлом году этот сборник назывался «Толстый журнал», нынче – «Белый Арап».

Молодые авторы Ассоциации русских писателей РМ Екатерина Тарлева, Татьяна Орлова, Елена Брагина участвовали в литературном Фестивале в Санкт-Петербурге «На ветру времён», а Виктория Чембарцева – в работе международного Форума молодых писателей в Липках.

Подробный отчет о деятельности Ассоциации мы решили опубликовать в завершении первого выпуска «РП». Здесь только упомянем, что десятки книг прозы и поэзии изданы по рекомендации АРП с помощью Конгресса русских общин Республики Молдова. Если вспомнить, что в государственном издательстве за последние 20 лет художественная литература на русском языке практически не издавалась, это направление работы Ассоциации трудно переоценить.

Как бы ни хотелось кому-то забыть о преемственности поколений, но в русской литературе Молдовы она – налицо!

Символично, что «Русское Поле», первый номер журнала Ассоциации русских писателей Республики Молдова, выходит в канун святого для нас праздника 65-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией! Хотя бы потому, что солдат Великой Отечественной, замечательный русский поэт Виктор Кочетков горячо поддержал в 1998 году идею создания этой творческой организации молдавских литераторов, пишущих на русском языке.

«Есть апостольское число. Для России оно – двенадцать!» Ассоциации русских писателей Молдовы 12 лет. Это были годы становления, роста, понимания задач организации и осознания роли каждого из нас, личной позиции в современном

непростом мире. Сегодня любая творческая русская организация в новой демократической стране СНГ – вовсе не «клуб по интересам», более или менее профессиональный, а сообщество единомышленников, считающих своим долгом пропаганду русского языка, культуры, сохранение их на земле некогда братских республик. Людей, не за страх, не за мзду – за совесть – этот долг исполняющих, уж простите мне высокий слог! Как в любую творческую организацию, в Ассоциацию русских писателей входят люди разного уровня дарований, жизненного опыта, возраста. АРП РМ – живой организм со своими традициями, со сложившимся дружеским искренним настроением и неколебимым единодушием в главном – в отношении к памяти, к истории. В благодарности нашим дедам и отцам за отвоёванный ценой чудовищных испытаний, лишений и жертв мир. Поэтому на обложке журнала – георгиевская ленточка, которую с таким трепетом и гордостью носим мы слева – ближе к сердцу – в мае, ленточка, с которой 10 марта вышли на митинг в защиту Дня Победы.

Тема Великой Отечественной войны и Великой Победы не исчезнет со страниц «РП» с окончанием юбилейных торжеств! На протяжении всего года мы будем печатать литераторов-фронтовиков и произведения современников, приславших стихи и прозу на конкурс «Шерпенский плацдарм», объявленный в этом году АРП и КРО РМ.

Без прошлого нет будущего. Это затёртое в прошлом частым использованием выражение необычайно актуально сегодня.

Редакция «Русского поля» намерена знакомить своих читателей как с представителями современной русской литературы Молдовы, так и с её ушедшими, но до сих пор дарящими добрый свет звёздами.

Наш журнал уделит особое внимание переводам, в которых сейчас так нуждаются и молдавские, и русские авторы Молдовы.

«Русское поле» обязательно пригласит на свои страницы близкие по духу издания и авторов – выходцев из Молдовы, рассеянных по всему свету, а также представителей объединений русских писателей в «ближнем» и «дальнем» зарубежье.

«Русское поле» познакомит читателей с многообразием культурных мероприятий Российского Центра Науки и Культуры в РМ.

«Русское поле» надеется сплотить вокруг себя русский мир нашей Республики, представители которого вносят огромный вклад в становление и развитие независимого государства Молдова, в культуру нашей полиэтничной страны.

«Здравствуй, «Русское поле!» – может вместо одобрения напеть читатель и открыть следующую страницу...

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

Председатель Ассоциации русских писателей РМ

ЗА РОДИНУ!

Куликово поле

ВИКТОР КОЧЕТКОВ

ВЕСТЬ

«Поэзия – весть, – утверждает Овидий.
Судьбою приказано мне
быть вестником тех корпусов и дивизий,
что в Вечном сгорели огне.

Я – воин, которого шлют Фермопилы,
чтоб знали во все времена,
какую огромной ценою купила
Победу родная страна.

Грядущему весть я несу из былого
о тех, кто не может прийти.
Мне надо сказать их заветное слово,
чтоб право на смерть обрести.

* * *

Детства
Красочный мир
Берегу
Чистым,
Незамутненным...
Стаи гусей
На заречном лугу –
Белое на зеленом.
Память,
Давнее повтори:
Полям гречихи
Спелым
Ровной цепочкой
Идут косари –
Дымчатое на белом.

Не акварель,
А почти плакат
О времени том
Суровом:
Кони, летящие
на закат, –
Белое на багровом.
Какой неожиданный
Красок подбор.
Строгий ценитель,
Вот красное – друг,
а черное – враг,
а желтое – поле их боя.

Но выцветает детства страна.
И властвуют через годы
не чистые краски, а полутона,
не грани, а переходы.

Тускнеет и гаснет младенчества свет,
вчера еще бивший так резко,
под напластованьями прожитых лет
скрываясь, как старая фреска.

ИЮЛЬ 41 ГОДА

Нет, вовсе не из уст всеведа мудреца,
Она из уст солдат – та истина звучала:
«Чтоб знать, кто победит, не надо ждать конца,
Умеющий судить поймет и по началу».

Пылающий июль. Тридцатый день войны.
Все глубже, все наглей фашист вбивает клинья.
В руинах хуторок на берегу Десны.
Просторные дворы, пропахшие полынью.

Разрывы редких мин. Ружейная пальба.
Надсадный плач детей. Тоскливый рев скотины.
На сотни верст горят созревшие хлеба –
Ни горше, ни страшней не видел я картины.

Не утихает бой за лесом в стороне,
Густеет черный дым над поймой приречной.
И мечется фашист в бушующем огне,
На факел стал похож мешок его заплечный.

Закрота жаркой мглой последняя изба,
И солнце в этой мгле едва-едва мигает.
На сотни верст горят созревшие хлеба –
Последний страх в себе Россия выжигает.

И плаваются в ночи, как свечи, тополя,
И слышен орлий крик над потрясенной далью,
От Буга до Десны пропитана земля
И кровью, и бедой, и горькой хлебной палью.

Все впереди еще. Смертельная борьба –
Москва и Сталинград, и Курск, и штурм Берлина.
Но тот, кто видел их горящие хлеба,
Тот понимал, что Русь вовек необорима.

ОТКРЫТИЕ

Нас именем России
В атаки поднимали.
Но если б нас спросили:
Что про нее мы знали?

Две-три ее деревни,
Да городок поглуше,
Да сказку о царевне,
Да песню о Катюше.

Сведенные в дивизии
Крестьянские парнишки,
Мы всю Россию видели
Покуда только в книжке.

Там на одной странице
Сумели уместиться
И все ее столицы,
И все ее границы.

Россия ж настоящая
Лежала за окопами –
С неведомыми чащами,
С нехожеными тропами.

С московским многолюдьем,
С уральским многотрубьем,
С Полесьем и тайгой,
С весельем и тоскою.

Сначала мы спасли ее,
В бою отвоевали.
И только после этого
Россию открывали.

* * *

Под громкие крики ворон и грачей
Мы утром в деревню входили.
Маячили остовы чёрных печей.
Руины устало чадили.
И в редком разбросе лежали тела
В тени колоколенки древней,
Как будто бы смерть неохотно брала
Ясак с белгородской деревни.
И в этом, ещё не дотлевшем аду,
Где горе уже накричалось,
Под старой берёзкой у всех на виду
Ременная люлька качалась.
Играла малиновой медью колец
С июньскою синью небесной.
И тихо сидел годовалый малец
В той зыбке, плывущей над бездной.
Нет, он не кричал, ни о чём не молил,
Ко рту подтянув кулачонки.
И ветер, пропахший бедой, шевелил
Седые его волосёнки.
Как свечка, обугленный тополь горел,
И хлопья с него опадали.
А тихий мальчонка смотрел и смотрел
В какие-то дальние дали.
Поверх этой битвы и этой войны,
Поверх современности грозной
В далёкие дали, что нам не видны,
Смотрел не по-детски серьёзно.
Как будто дорогу свою примечал,
Забыв даже сглатывать слёзы.
А зыбка, как лодка о старый причал,
Стучала о скосок берёзы...
Я знаю. И вера и правда живёт
На нашей планете любезной,
Покуда та зыбка, та лодка плывёт
Над гарью, над смертью, над бездной.

* * *

Шел смертный бой. Земля в огне кипела.
Был сужен мир
До прорези прицела.
Но мы, полны решимости и веры,
Ему вернули
Прежние размеры.

* * *

Отзвучало лучистое утро.
Стихла жаркого полдня гроза.
Тихий вечер, усталый и мудрый,
смотрит пристально в наши глаза.
Не пылит полевая дорога
среди безмолвья вечерней земли...
Не судите, потомки, нас строго,
мол, не сделали все, что могли.

Мы бессмертных творений примеры
вам явить не сумеем, зане
наши Данты и наши Гомеры
все остались на прошлой войне.

Мир лучился б, восторженно-ярок,
в полных юного буйства строках,
если б наших нежнейших Петрарок
не зарыли в бескидских песках.

Мы поспорим с забвением Леты,
Путь нелегкий пройдя до конца,
не Шекспировой страстью сонеты,
не Роденовой мощью резца.

Не письма византийского ликом,
не рублевским распятым Христом,
комиссаровым яростным криком:
– За р-о-д-и-н-у, за Ста...

* * *

Во мраке судьбы
открывается новая дверца.
О милая родина,
что же творится, гляди:
вчерашний хитрец

примеряет венец страстотерпца,
вчерашний подонок
уверенно лезет в вожжи.

Бездарность, шумя,
домогается званья таланта.
В сенаторской тоге
гаерствует шут площадной.
Лукавый проныра
становится в позу Атланта,
державшего своды
истории нашей родной.

Пираты пера
умножают набеги и рейды
на берег былого,
в священную землю отцов.
И вот уже Гоголь
стал эротоманом по Фрейду,
и вот уже Пушкин
стал жертвою литнаглецов.
Восторг удивленья
сменился усмешкой глумленья,
почтения нету
ни подвигам, ни именам.
Беспамятство злое
окутало жизнь поколенья,
крикливой толпою
на смену идущего нам.

О воле толкуют,
а жаждут не воли, а власти,
кричат о согласье,
а смуту куют на Руси.
Вороньею стай
тебя обступили напасти,
о милая родина,
выдюжить хватит ли сил?

ВОЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Жизни деления. Шкала деления
десятилетий двадцатого века:
«Потерянное поколение»,
«Забывтое поколение»,
«Невостребованное поколение»,

«Опоздавшее поколение»,
«Несостоявшееся поколение»,
«Поколение, не верящее в человека»,
«Поколение, пробавлявшееся делами малыми»,
«Поколение, жившее идолами, а не идеалами».
У каждого поколения своя биография.
У каждого поколения своя эпитафия.
И вот надпись,
 простая на удивление:
«Военное поколение».
Поколение, меньше других прожившее.
Поколение, больше других свершившее.
Стойкостью знаменитое,
В правде своей уверенное,
Убитое, но не забытое,
Погибшее, но не потерянное.
Другое такое еще назови
на трехвековом удалении.
Мир, как храм, стоит на крови
Военного поколения.

Как охранения боевые,
держат лавины железного ветра
наши окопные сороковые –
главные годы двадцатого века.
Планета пылала.
Даль и высь таяли.
Материки ходуном ходили.
Нам приказали выстоять,
и мы выстояли.
Нам приказали победить,
и мы победили.

ОДНОПОЛЧАНАМ

Из когорты спасавших,
не из племени богоспасаемых,
мы в ответе за все,
мы с себя не снимаем вины.
И медали звенят –
колокольчики неприкасаемых,
и седины дымят –
остывающий пепел войны.
Нас крестили огнем

в каменистых траншеях над Волгою.
Над могилами сверстников
ломкий шуршит чернобыл.
Мы Победу ковали,
но Победа сегодня оболгана.
Мы державу спасали,
но держава идет на распыл.
Современность беспамятна,
словно сын, позабывший родителей.
Рубежи фронтовые
успело песком замести.
Побежденные ныне
обучают как жить победителей.
Офицеры не в моде.
Менеджеры сегодня в чести.
Но у Времени есть
исключений не знавшее правило.
И в сегодняшних бедах
оно подтвержденье нашло:
исчезает бесследно,
что хитрость в наследство оставило,
сохраняется вечно,
что мужество в дом принесло.

ВИКТОР КОЧЕТКОВ (1923–2001) – поэт, прозаик, публицист, критик, переводчик. Родился в деревне Балахановке Самарской области. Девятнадцатилетним ушёл на войну. В 1942 с тяжёлым ранением попал под Харьковом в плен. Бежал. До конца войны сражался в действующей армии. Участвовал в боях на Воронежском, Украинском и Прибалтийских фронтах. После войны окончил филологический факультет Кишинёвского госуниверситета (1951), высшие литературные курсы в Москве (1957). Первые стихи опубликованы в Кишинёве. Автор поэтических книг «Солдаты мира», «Соколиная страна», «Росный час», «Весть», «Тепло земли», «Материнское окно», «Осколок», «Прощание с Волгой» и многих других. Член СП СССР и СП России. Лауреат литературной премии имени М. А. Шолохова; премии им. А.С. Пушкина Конгресса русских общин РМ (посмертно).

ПОЭЗИЯ

Звезда над полем

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА

МОЛДОВА ВИКТОРА КОЧЕТКОВА

В блестящей плеяде поэтов, прошедших Великую Отечественную войну, одно имя особенно притягательно для литераторов, пишущих на русском языке в Молдове, – имя Виктора Ивановича Кочеткова. Именно его сборник стихов «Солдаты мира» (1950 г.), по мнению критиков, является точкой отсчёта современной русской поэзии Молдовы. Черты лучших представителей поколения победителей в полной мере присущи В. Кочеткову. Неприятие предательства, подлости, любой формы стяжательства и мимикрии, кристальная честность, истовое служение России и при этом неколебимая верность идеалам интернационализма, уважительное отношение к носителям иных культуры и языка делают его человеческий и литературный образ поистине легендарным. В смутные 90-е Виктор Кочетков горячо поддержал идею создания в Молдове Ассоциации русских писателей, а, значит, и её журнал «Русское поле», преодолевая пространство и время, незримыми духовными нитями связан с этим замечательным русским человеком. Второй председатель АРП РМ Александр Милых стал инициатором символического возвращения Виктора Ивановича в Молдову, теперь уже навсегда: в 2002-м году в издательстве «Инесса» при помощи Конгресса русских общин РМ был издан великолепный сборник избранных стихотворений Кочеткова «Возвращение», что стало знаковым событием в литературной жизни Молдовы начала XXI века.

Путь бескомпромиссного и мужественного поэта-воина простирается от упоительной нежности и любви к Родине до тяжких раздумий о трагических судьбах России, от гордых строчек, исполненных спокойного осознания подвига, свершённого его поколением в Великой Отечественной войне, – к невыносимой боли и «ярости благородной» обличения «новых батыев» и гайдаров, что попытались отнять у народа Победу, осквернив самые святые чувства.

Россия в стихах его – многомерна:

*Всё в тебе – и суд и милосердие,
Беспристрастье и страстей игра,
Псы Малюты и ягнята Сергия,
Меч Осляби и верстак Петра...
«Над страницами истории»*

Шагнувший на поле боя мальчишкой, не сломленный в фашистском плену, травленный в побегах из него немецкими овчарками, расстрелянный автоматными очередями, пройдя всю войну, Воин Победы свой последний смертный бой принял в мирное время. Теперь – с теми, кто

*Что ходили вчера
В марксистах испытанной пробы,
А ныне пошли в шафера
На свадьбу коварства и злобы...*

*Тех, что ради больших барышей
Готовы продать и Державу...*

«Три молитвы «шовиниста»

В мятежные времена попрания идеалов, крушения Великой страны и надежд целых поколений, поэт Виктор Кочетков сумел сохранить душевную чистоту и чёткую жизненную позицию, сумел не растратить и не разменять поэтический дар. Солдат Виктор Кочетков, тот самый, который «и один в поле воин!» становится на защиту оклеветанных своих ровесников-фронтовиков:

*Рассказы о ваших делах на войне
Будут читаться как новые веды.
На четыре столетия хватит стране
Золотого запаса Победы.*

«Моим ровесникам»

Стихи его, лишённые модернистских ухищрений и эпатажного лоска, и сегодня притягивают читателей. Особый терпкий аромат его произведениям, без сомнения, придали годы, проведённые в Молдавии, её степные ветра и мелодии, ласковое солнце, холмы, виноградники, плоды щедрой возрождаемой земли.

Виктор Кочетков счастливо и плодотворно работал на земле Молдавии в начале 50-х годов прошлого века. Здесь он окончил филологический факультет Кишинёвского госуниверситета, здесь в республиканской прессе впервые опубликовал свои стихи. В Кишинёве вышли шесть книг его стихов, рассказов и очерков. Молдавия стала для него второй родиной: «На первую похожа ты, моя вторая родина...» Именно в его устах прозвучит фраза, которая станет ключевой в мироощущении последующих поколений русских поэтов Молдовы: «В одну любовь сыновнюю две родины сливаются!»

В 60-х Виктор Иванович уже покинул Молдавию, откликнувшись на предложение возглавить новый журнал «Волга», но самые живые связи памяти и благодарности с тех пор связывали его с этим краем, с его людьми. Уже в Москве, радушно и хлебосольно принимал он молодых молдавских поэтов, становясь подчас надёжной поддержкой в издании первых книг стихов, много и с удовольствием переводил с молдавского языка.

Показательны слова из его вступления к сборнику стихов Николая Костенко:

«В одном из стихотворений последних лет он уподобил поэзию часовому, стоящему на страже красоты. В понятие красоты поэт включает и мир на земле, и новизну жизни, и братство людей, и духовную наполненность человека и его нравственное здоровье».

В полной мере это относится и к поэзии самого Кочеткова, это и он

*«... подбирал зерно к зерну,
Без спеха ставил слово к слову,
чтоб петь великую страну
И ветвь в саду её – Молдову».*

Н. Костенко

На мой взгляд, **стихи** – самое честное историческое свидетельство происходящих в мире перемен, кардинальных изменений в сознании народа!

Так, в современных русских стихах Молдовы совершенно отсутствуют молдавские типажи, густо населявшие «доперестроечные» стихи поэтов разных поколений. В этом – несомненная печать ожога 90-х годов с их многотысячными кипящими площадями, скандирующими «Чемодан! Вокзал! Россия!». Однажды пережив унижения по национальному признаку, предчувствие погрома, уйдя глубоко в духовное подполье, оставшись наедине с невесёлыми мыслями, человеку «некоренной» национальности, всё-таки не покинувшему родину, трудно обрести душевное равновесие, трудно вновь ощутить себя частью народа, поверить в доброту соседа и залюбоваться народным характером. И в этом отношении стихи наших учителей и старших товарищей по творчеству – бесценное свидетельство других времён, по-настоящему братских отношений, несправедливо ошельмованных и преданных забвению.

Так, в стихах, очерках и рассказах Виктора Кочеткова бок о бок живут и творят, понимая друг друга и поддерживая, люди Молдовы разных национальностей – мудрые и работающие молдаване, гагаузы, украинцы, русские, татары.

Кочетков прекрасно знает и географию, и историю страны, которой посвящает проникнутые глубоким сыновним чувством строки. Он, собирая материалы для очерков, осмысливая благотворные перемены, происходящие с краем и человеком советской эпохи, вдоль и поперёк исходит эту, так похожую очертаниями на виноградную гронку, республику, становясь своим и в степи, и в Кодрах, и в садах, и в плавнях, и на фермах, и на МТС республики:

*Режет воздух уток стая,
Гусь над озером трубит...
Степь молдавская, родная,
Как понятен мне твой быт!
«Росный Час»*

*Здесь негде разгуляться ветру,
Здесь полумрак и тишина.
На десять с лишним километров-
Садов зелёная стена.*

«В колхозе «Фруктовый Донбасс»

Виктор Кочетков впервые вплетает в свои стихи почти сказочные, непривычные для русского уха названия предметов молдавского, гагаузского и болгарского быта: «постолы», «кушма», «десага», «дойна», «кошара», «пэлэрие», «герлага», «чотра» и обиходные выражения: «бадя», «Буна зиуа», «саалык!». «Молдавский мотив», «гагаузский мотив», гайдуцкая песня органично звучат в устах совсем недавно сражавшегося здесь с фашистскими захватчиками русского солдата. Поэт Виктор Кочетков вдохновенно исследует приметы одухотворённого бытия этого края, словно вчитывается в строчки великого Поэта:

*И уже разбудила гроза тишину,
Первая молния
Вспыхнула резко....
Открываю не книгу –
Открываю страну
Поэзии Эминеску.
«Открываю не книгу – открываю страну»*

Образ созидательного труда, обязательный и подчас набивавший оскомину в произведениях классиков советского прошлого, сегодня бесследно исчез из произведений моих собратьев по перу. Стройки капитализма не вдохновляют! Труд, ставший подневольным, подёнщиной, не приносит морального удовлетворения. Стихи поэтов конца XX – начала XXI вв. изобилуют приметам нового времени – разбросанности по всему свету и неприкаянности наших соотечественников, обнищания, заброшенности покинутого родного гнезда.

С тем большей радостью узнавания и неожиданной – неизбежной – горечью утраты чего-то очень важного мы принимаем к полному уважения, понимания и любви строкам Виктора Кочеткова о вольном, осмысленном, радостном труде красивых, весёлых и трудолюбивых крестьян, механизаторов, рыбаков, даже рабочих-нефтяников Молдовы (были, были и такие!), голоса которых звучат в сборнике очерков и рассказов «Счастливый из Манешт». Интересно, что и в обычных газетных очерках удавалось ему прикоснуться и глубокой древности Молдовы и – непременно – заглянуть в Прекрасное её будущее, в которое он искренне верил.

Проникновенны слова, посвящённые буджакской степи. Видимо, особое чувство питал Виктор Иванович к истории этого края, связанного с историей славных побед русского оружия. Провидчески звучали 60 лет назад строчки, почти крамольные в те времена:

«– Завтра нас спросят, готовы ли мы получить письменность. Мы ответим: готовы, вот наши словари, грамматика, фольклор.

«Мы» – это гагаузы. Старик говорил от имени своего маленького народа.... – Прошло время, когда нас путали то с арнаутами, то с болгарами, то с турками».

В стихах этой поры мирный вечер ещё пахнет хлебом, как руки матери! Любые картины, рисуемые поэтом, неотделимы от размышлений о Родине.

И нежная Молдавия для него – своя потому, что неотъемлемая часть большой, могучей страны, потому, что за неё он умирал на этой земле в самой кро-

вавой и жестокой на свете войне; потому, что видит её – некогда разорённую и растерзанную – воссозданной, цветущей, неизбывно прекрасной.

И ещё, конечно, потому, что здесь – навсегда – осталось эхо голоса Александра Сергеевича Пушкина: «...кочую, Как те цыганы, вдоль Днестра» («Костёр»).

*...И мнится мне, что здесь, в саду,
Под сенью древнего ореха,
С живой природою в ладу
Всё бродит пушкинское эхо.*
«Пушкин в Пуркарах»

После Виктора Кочеткова тема Пушкина определилась как одна из основных в творчестве русских литераторов Молдовы. «Весёлое имя» Александра Сергеевича – вечный мост, соединяющий Россию и Молдову.

Сегодня, после кошмарных событий 7 апреля, когда в обществе до крайности обострились противоречия, когда политики ради своих амбиций готовы стереть с лица земли собственную страну, отказавшись от её независимости, от национальной молдавской идентичности, стихи Виктора Кочеткова особенно актуальны. Не думаю, что ошибусь, если посмею утверждать, что в стихах Виктора Кочеткова сконцентрировано отношение к Молдове и молдаванам многих поколений людей «некоренной» национальности, отдавших этой земле свой труд, вдохновение, творческий энтузиазм, свои лучшие годы. Всецело принадлежа «*сладчайшей муке*» – России, навеки преданный ей, он, горячий и запальчивый, учится у Молдавии – Мудрости и Терпению.

*– Несуетно живи, – она меня учила, –
Дай слову возмужать, не торопи в полёт.
Молчание садов весьма красноречиво,
Когда отяжелел и вызрел каждый плод.*
«Урок Молдавии»

История всё расставит по своим местам. Я верю, моя страна не исчезнет с карты мира, народ преодолет полосу смуты, испытаний и невзгод!

В любви, чувстве ответственности и созидании, исполненном дивными молдавскими напевами, солнцем, открытыми улыбками людей и тёплым виноградным дыханием земли – завещание нам настоящего русского поэта Виктора Кочеткова.

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА родилась в 1963 г. в Кишинёве. Окончила Молдавскую государственную консерваторию по классу фортепиано.

Публикуется с 1990 г. Стихи и публицистика печатались в республиканской и российской периодике, коллективных сборниках, альманахах, литературных журналах Молдовы, России, Эстонии, Беларуси, США. Автор пяти поэтических книг. Член СП Молдовы и СП России, Исполкома МСПС. С 2005 г. – председатель Ассоциации русских писателей Республики Молдова, Более 20 лет работает на Национальном телевидении. Преподаватель Славянского Университета. Магистр филологии.

Осенью 2009 г. Международным Советом Российских Соотечественников награждена Почётным знаком «За вклад в укрепление сотрудничества с Россией».

12 апреля 2010 г. награждена специальным призом «Русской премии» «За вклад в сохранение и развитие традиций русской культуры за пределами Российской Федерации» (Москва).

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ВАЛЕНТИНА КОСТИШАР

**Из книги «ПО КРУГУ ЗЕМНОМУ»,
за которую 26 марта 2010 г. в Киеве
автор была награждена ДИПЛОМОМ
Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого.
ПОЗДРАВЛЯЕМ, ВАЛЕЧКА!**

* * *

Брожу весь день в березняке,
Шагами задеваю тени
И чувствую тепло мгновений
Дыханьем ветра на щеке.
Ни лиц,
 ни лишних голосов,
Мир открывается с простого –
С молчанья озера лесного
И неозвученности слов.
Все в прошлом – то, что не сбылось,
И счет потерь,
 и груз сомнений...
Есть только этот день и тени,
И свет мерцающих берез.
И влажность веток под рукой,
И этот лес, родной и вечный,
И краткость жизни быстротечной,
С которой миришься легко...
И здесь одной в березняке
Так радостно с природой слиться
И ненадолго отразиться
В неярком крохотном цветке.

МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

Жди меня, родимая деревня,
Не печаль своих озерных глаз.
Зелено темнеет бор твой древний –
Здесь мой дом,
 и здесь я родилась.
Помню, помню, что зовусь твоею,
Что в чертах твоя краса видна,
И твоим дыханьем ветер веет,
И твоя мне снится тишина.
Скоро лягут первые покосы,
Отдыхает лодка на мели...
Твой негромкий зов многоголосый
Чувствую биением земли.
Дальний берег...
 Плеск воды у кромок...
А река бежит за вечный край...
Милая деревня – свет черемух –
Ты меня дождись
 – не умирай...

* * *

Пойдем –
 посмотрим на фиалки,
Которые с утра взошли.
Они томились в душном мраке –
В утробе матушки-земли.

Их время затаенно зрело,
Как свет восхода на воде.
Они еще глядят несмело
В свой первый незнакомый день.

Они еще тоски не знают
И увядания цветка,
И что другая жизнь – лесная –
Неимоверно далека.

Здесь, в суетливом шумном парке,
Их жизнь короткая пройдет...
Пойдем –
 посмотрим на фиалки,
Боюсь –

их кто-нибудь сорвет.

* * *

Цветы похожи на людей –
 Одни от ветра опадают,
 Другие долго умирают
 В роскошных вазах – без корней.
 Им в радость лестный хор похвал,
 Для них он – как вода и пища...
 А тем родней своя трава,
 Они другого и не ищут.
 В простой задумчивой красе
 Глядят в свое родное поле...
 А эти заслоняют всех
 И ослепительны до боли.
 И берегут свой блеск и сон,
 Кричат – Не проходите мимо...
 Те молча принимают все,
 Что есть,
 как дар неотвратимый...
 В цветах одних – нектар внутри,
 Другие копят соки яда.
 Одни не могут жить без сада,
 Другим милы и пустыри.
 Они встречают праздник дней
 И в тишину, и в непогоду...
 Права ты, матушка-природа,
 Цветы похожи
 на людей.

* * *

Проснуться в поезде нескором,
 Где не торопятся дела,
 И увидеть страну, в которой
 Когда-то в прошлом ты жила.

И с ней свои года делила,
 Гляделась в зеркала озер
 И по ее лугам ходила,
 Где выткан лютиков узор.

Ее молчание и речи
 По-детски чувственно-просты.
 Бегут мне радостно навстречу
 Леса, дороги и мосты.

Из сонной тяжести сомлевшей,
 Как из тоски небытия.
 Нездешним задохнувшись эхом,
 От глаз ладоней не отняв,
 Вдруг вспомню –
 прадед мой уехал
 В свой лес задолго до меня.

ОСЕННИМ УТРОМ

Еще поспим,
 пока в окне темно,
 Пока на полотне осенней прозы
 Взойдет рассвет – изысканные розы –
 Закрыть глаза –
 и в мягкий сон на дно.
 Еще подремлем...
 Ветры шелестят,
 И листопад к нам сверху вниз
 струится...
 Прочитаны зеленые страницы –
 Как быстро ты приблизился, октябрь.
 Не торопи – мы дремлем...
 не буди...
 В углах светлеют тени...
 Благо спящим,
 Которые живут не в настоящем...
 Как-кап – не дождь, а время,
 подожди –
 Еще есть утро, настроенье, чай,
 И новый день,
 и к счастью перемены...
 Окно искрится, розовеют стены –
 Обрадуй, жизнь, проснувшихся,
 встречай...
 Зажмуриться – от солнца или слез –
 А этот сон останется на память
 И то, что не досказано словами...
 Пора – встаем
 и примем жизнь всерьез
 С теплом или дождем...
 И сад – без роз
 С желтеющими поздними цветами.

НЕЖНОЕ

Как потемнели облака –
Должно, перед дождем.
Согреемся – к руке рука –
И что-нибудь прочтем.

Зажжем неяркой лампы свет,
Откроем первый лист.
Пусть кем-то выдуман сюжет –
Он так похож на жизнь.

Смеются, ссорятся и ждут,
И жаждут чувств простых,
Каких сперва не берегут,
А после ищут их.

О том, что будет впереди,
Не ведают сердца...
А дождь надолго зарядил,
И не видать конца.

Герои гордые смелы,
Да не просты пути.
А мы все острые углы
Сумеем обойти.

Еще одной страницы лист
Сейчас перевернем...
А дождь идет, как эта жизнь,
Которую живем.

Где мы вдвоем – щека к щеке –
Наедине с судьбой.
И дремлет счастье в уголке –
Не наше ли с тобой?

ВРЕМЕНА ГОДА

Летом пению птиц удивляюсь
и слаженной музыке ветра,
Дождь в ладони ловлю –
так цветы собирают росу.
Длинным радуюсь дням,

и ночам, и движению света,
И с природой поближе знакомлюсь
в моем необжитом лесу.
Поздней осенью грусть постигаю,
и опыт, и мудрость разлуки,
Облетевшему кланяюсь дубу
и вспаханной черной земле.
И учусь понимать
умирающей осени звуки,
И молчанью учусь,
и готовлюсь к холодной зиме.
А зимой свежевывавший снег
берегу, как бумагу,
Нежность в слове коплю
и тепло сохраняю в избе.
Навещаю друзей
и пишу терпеливую сагу
Обо всем, что связалось
и что не связалось в судьбе.
В жизнь врастаю весной –
и моя просыпается память,
Чтобы вспомнить себя
и названия трав и цветов.
С пробудившимся лесом
беседую только стихами,
И хожу, и пьянею
от птичьего пения слов.

* * *

Простая мудрость жизни –
не спешить,
Как лес,
как пашня,
как природа жить.
И по земле идти,
куда влечет,
Куда, не торопясь,
река течет.
Вдвоем идти шаг в шаг
или одной
И вслушиваться в каждый звук
земной.
Дни провожать

Как в темных зарослях бродила.
Но в закромах души своей
Два ваших имени
хранила.

* * *

Меня живому чувству учит слово,
А таинству мелодии – строка.
Я в этой жизни ко всему готова,
Но со стихами, как с детьми, строга.

Пока играют, разумом беспечны,
Пока растут и зреют на листке,
Я их учу страдать по-человечьи
И втихомолку плакать в уголке.

И не они, не я для них не значу
Глубокого доверия – зато
Взаимопонимания удача
Сама приходит истиной простой.

А все иное мы осмыслим после –
Вслед за листвой, плывущей по реке,
Когда сольются
мудрость, жизнь и осень
В едином ритме и в одной строке.

ВАЛЕНТИНА КОСТИШАР

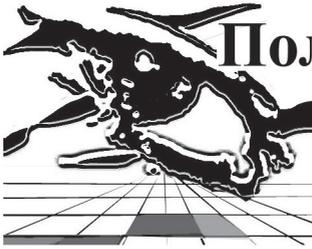
Родилась в 1946 г. в Архангельской области. Окончила филфак Молдгосуниверситета в Кишинёве. Преподавала русский язык и литературу.

Первые публикации – в 1959, дебютная книжка «Морошка» – в 1990 г.

Автор десяти поэтических книг.

Член Союзов Писателей Молдовы и России. Член Правления Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

Имя Валентины Костишар вошло в семитомную «Антологию русского зарубежья» (поэзия).

Поле зрения

НИКОЛАЙ САВОСТИН

ПРАВИЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЦА или КОГДА ЖИЛ Я

Лирическая хроника
(Отрывок из новой книги)

«На утлой ладье возвращается в гавань старик»
Ф. Шиллер

Минувшее – желанное убежище. Как хорошо там рыться в славных днях детства, в просветах безмятежной дружбы, в радостях, скажем, упоительного сенокоса, азартной колки дров, тихой рыбалки или охоты в таежных урочищах, ночных бдениях над заветной тетрадкой стихов, и даже – в бурных волнах пусть и драматически неудачной любви. Минувшее – оно и пекло преисподней, обостряющее незаживающие обиды, невольные промахи. Оно и райская нега, растворяющая в волшебном потоке все твои боли, всякие соринки, занозы, мозоли совести, мешающие во всей полноте видеть красоту мира. Там – громадный земной простор, там – и целый мой век... Там сто моих лучших жизней.

«Минувшее меня объемлет живо...» – пусть эта строка и станет запевом...

Как-то иду по летнему базару в беспорядочном движении разных людей, ни на ком особенно не останавливая взгляда. Голова занята прозаическими расчетами: что купить, как уложиться в свои финансовые возможности. Внезапно рядом над одним из киосков, торгующим музыкальными дисками, взмывает кипящая пламенем мелодия «Молдовеняски». И тут одна из женщин средних лет, с открытыми, сильно загорелыми плечами, с двумя наполненными снедью сумками в руках и дочкой, держащейся за ее юбку, тоже с сумкой – поменьше, бросила ношу, грациозно вознесла руки и, ликуя, принялась вдохновенно танцевать среди толпы, занятой своими земными заботами. Видимо была не в силах не поддаться подмывающему душу соблазну. Дочка-тонконожка в выцветшем ситце тоже опустила свою сумку с небольшой рыхлой головкой молодой капусты и по-балетному легко и красиво ринулась в водоворот танца, не обращая внимания на недоумевающие взгляды. Они танцевали, так сказать, для самих себя. Как они были на удивление хороши! И как необычно светло

сделалось здесь в сборище рынка, где больше места греху и пороку... Пока длилась мелодия, те, кто был поближе к танцующим, остановились, залюбовавшись. Другие, не взглянув, с гримасой недоумения ухмыльнулись, пошли дальше. А я думал: чем отмечена эта домохозяйка с сумками, наполненными картошкой, морковью, зеленью? С чего это она стала плясать в неподобающем месте? Может быть, она цыганка? Они такие. Вроде, по облику не похожа на цыганку – обычная, так сказать, средняя горожанка, недавняя сельская баба. А, может, просто такое устройство ее натуры, что музыка действует на нее магически. Нет, нет, они – мать и дочь – были просто восхитительны. Я проводил их взглядом, когда музыка иссякла. Они ничем не отличались от остальных граждан, пошли дальше, толкуя о чем-то...

С чего это я – уже старик – среди базара жизни, не надеясь ни на какое вознаграждение, ни на какое внимание окружающих, ни на какое сочувствие и внимание, забыв о всяческих необходимых бытовых ежедневных заботах, не могу удержаться, чтобы не ринуться, отдавшись какому-то наитию, в вихрь подобного же «танца»? Чего это я ныряю в море воспоминаний и всепоглощающих раздумий, далеких от бытовой повседневности, чтобы открыть миру что-то, еще не ясное даже самому себе, но такое важное и такое увлекающее? И близкие, встретившись на улице, бросают на меня недоуменные взгляды, когда я, поглощенный своим потоком мыслей, не узнаю их и забываю поздороваться...

Какая скука – добираться до сюжета, до конфликта и существа дела через описание персонажей, их внешности, их привычек, их происхождения, предистории их взаимоотношений, обязательных пейзажей, на фоне которых развивается действие, состояния природы, шумов, веяния ароматов и так далее, и так далее! Когда книга начинается фразой: «Весна вступала в свои права» и дальше следует страница или две ординарных примет смены времен года, восходов и закатов, всяких «мороз крепчал», так ненавидимых Чеховым, я пробегаю мимо, ищу место, где начинается собственно действие. Да и то, если оно ново и касается каким-то образом тебя, читающего. Представьте – самые драматические и даже трагические события, скажем, на шахматной доске обозначаются буквами, и ты понимаешь: это – тура (ладья), это – король, это – конь. И тебе ясны их действия без всяких психологических мотивировок, без описания пейзажей, запахов, тона речи, шороха листвы или рокота речного переката, жестов героев и т. д. Тебе нет нужды рассказывать о характерах действующих лиц, их силе и возможностях, валяй: 1. e4 e5 2. f4 ef 3 Kf3 g5 4 Cc4 g4 5Ke5 Fn4+ 6Kpf1 f3 7d4 Kf6... А между тем через строчку ты будешь захвачен драматической интригой, развитой в партии Чигорин-Винавер (королевский гамбит)... Между прочим, даже это совершенно отвлеченное действо тесно связано с моралью. Цитирую Эмануила Ласкера, знаменитого немецкого шахматиста, чемпиона мира, который мыслил очень даже широко, так как помимо всего являлся доктором философии и математики: «На шахматной доске лжи и лицемерию нет места. Красота шахматной комбинации в том, что она всегда правдива. Беспощадная правда, выраженная в шахматах, ест глаза лицемеру». («Теория и практики шахматной игры». Москва, «Высшая школа», 1981 г.). Да-а... Как же должна есть глаза лицемеру правда, выраженная в живых образах, а не деревянными фигурами на клетчатом поле!.. И в литературе (подлинной) нет места лжи и лицемерию.

Хотя, сказать откровенно, читая нынешнюю печать, я то и дело натываюсь, как на острие, на двуличие, фарисейство, корыстное вранье...

Теперь вообразите, вам надо рассказать о сложной судьбе какого-то человека, и вы должны хоть вкратце ввести в суть дела... Боже, читатель уже зевает, – да не томи ты душу мертвыми сведениями, давай саму игру, саму жизнь!!! Как мне хотелось бы эту книгу, задуманную более полвека назад, изложить на одной страничке. И избежать ненавистного мне «сюжета». Так это все узнаваемо. Ну, к примеру, он ее любит, она его нет, или они любят друг друга, но тут появляется третий (третья), они расстаются, потом жалеют об этом. Или его не оценили, но он доказал, что он значит... И так далее, так далее – одно, одно, одно... Все эти варианты тасуются, и этих разновидностей, оказывается, гораздо меньше, чем положений на шахматной доске. Фабула, интрига... Валентин Петрович Катаев в разговоре со мной спросил, что я написал. Перечисляю свои книжки и с неким огорчением добавляю: «Пишу в основном без сюжета». «Ха! – воодушевившись, ободрил он. – Дай сюжет, так даже дурак накарябает что-нибудь. Ты попробуй без него увлечь читателя. В этом и состоит искусство».

Без сюжета?
Так вот, без сюжета –
Просто, как зима идет за летом,
Как растут деревья, как река
Далеко течет издалека.

Просто я живу на белом свете,
Не заботясь вовсе о сюжете –
Горестно ли, весело ли, грустно.
И уже далеко вьется русло...

А, может быть, я неправ или не совсем прав. Сюжет, вот он – сквозной. С вечера пропало тепло в батареях отопления, позвонил в ЖЭК, чтобы прислали сантехника. А мне говорят, сантехник будет, если успеет освободиться от срочной работы, а я должен, чтобы получать какие-то компенсации, принести копии домовой книги, паспорта, свидетельства о браке, а также документ о смерти жены, копии квитанций оплаты за свет, тепло, электричество и т. д. Я принес все это. О!!! Это только завязка! Надо идти в собес, а там принимают по вторникам и пятницам, а очередь! Но это только начало. Нужно бумагу из БТИ... Дайте передохнуть. Оф! В БТИ отстоял очередь, оказывается, нужно было обратиться в другое окошечко. А там хвост подлиннее. Тут материала на трехтомный роман. Это продолжу чуть позже, когда приду в себя...

Эту эпопею можно продолжать бесконечно. Бог с ним, с сюжетом, с фабулой, с интригой. Больше всего меня с детства, с самого начала увлечения чтением занимало другое – это придумано или было на самом деле.

Одно время приходилось часто выступать перед читателями. В давние времена собирались полные залы, чтобы послушать нас, еще совсем зеленых, начинающих литераторов. И вопросов задавалось немислимое количество. Здесь, в Молдавии, как-то выступали в клубе районного центра. Заклучая встречу,

старый писатель Якоб Кутковецкий спросил для проформы (нетерпелось перейти к застолью): «Вопросы есть?» И тут встает в заднем ряду старичок: «Скажите, а почему у нас в магазине нет селедки?» Да-а, вопрос литературный, по существу... Сразу убавился накал патетического настроения. Но Кутковецкий, успевший немного «принять», не дал дорогу низкой прозе: с широким жестом оратора он обернулся к сидевшим в президиуме руководителям района: «Кто у нас министр торговли? Снять его к чертовой матери!» Тем бы дело и кончилось, ну, посмеялись немного... Ан нет, утром в газетах был напечатан указ об отстранении министра торговли от занимаемой должности. Так совпало. Но в людях долго еще жило представление о писательском слове как самой мощной, почти магической силе.

Вообще-то так оно и есть. Случайность – проявление закономерности.

Но это присказка. Мы же, совсем юные забайкальские сочинители, в давние годы выступали как-то в обществе с Константином Федоровичем Седых, автором знаменитого в то время романа «Даурия». Эта книга заслуженно получила Сталинскую премию и была настольной, пожалуй, в каждой семье Забайкалья. Все с нетерпением ждали, когда мы, задиристые лирики, прокукарекаем свои вирши, и наконец выйдет к трибуне сам Константин Федорович. Он порассказал кое-что. А когда опять же бессмертный дотошный старичок (по выражению Твардовского, «в коммунизм идущий дед») из заднего ряда спросил, где теперь и чем занимается главный герой «Даурии» Роман Улыбин, Седых развел руками и всерьез стал объяснять колхозникам принципы художественного творчества, методы и пути типизации персонажей произведения, его перебили уже несколько голосов: «Да ты не темни! Скажи – он из жизни или из головы?» Автор опять стал объяснять, что это, так сказать, собирательный образ, вобравший в себя лучшие черты... А народ, не дослушав, вполголоса ругаясь из-за напрасно потерянного времени, разочаровано потянулся к выходу, на ходу раскуривая кто трубку, кто самокрутку...

По дороге в другое село мы, юные дарования, стали уговаривать расстроенного старого мастера, чтобы он во время следующей встречи на тот же вопрос, который неминуемо возникнет, придумал бы что-то хорошее о дальнейшей судьбе своего героя, чтобы не разочаровать публику. И действительно, в конце следующей встречи, тоже старичок из заднего ряда, представившись старым партизаном, спросил: «А скажи-ка, Костя, чо делат нынетко Ромаха Улыбин? Служит али на пенсию подался?» Седых вдохновенно поднял над головой руку: «Во как вырос Роман! Генерал, Герой Советского Союза. Армией командует».

Что тут началось! Люди вскочили, некоторые стали обниматься и даже целоваться, некоторые вытирали слезы радости: «Наш Ромаха куда пошел!»

С тех пор я боюсь «сбирательных» типов. «Мало ли что в книжке можно намолоть?» (В. Маяковский). И пишу только о том, что было на самом деле, не меняя имен и времени действия. Пусть плохо, зато истинно. Другое дело – толкование события. Вот тут и лежит это самое чудо – поэзия.

Много-много лет назад я несколько лет трудился над романом. Очень мне хотелось излить на бумагу накопленное за жизнь, совпавшую с суровыми испытаниями страны и народа. Года три с перерывами долбил, как теперь выражаются, «текст». Потом отложил на полгода. Уже почти забыл о нем. А когда

взялся читать... Ну, похоже на что-то литературное, пожалуй, выше середнячка, – и что? Возьмут, напечатают, возможно, даже прочитают. Как там в «Чайке»: «Но у Тургенева лучше»... Да и надо мне соревноваться с кем-то? Хотел, чтобы было пусть и не так художественно-красиво, но «не из головы», чтобы все, что рассказываю (пусть неувлекательно), было наяву, однако открывало бы что-то, что знаю один только я. И выбрал из громадной рукописи десяток кусочков, которые обратились в короткие рассказы, и выпущенная в Кишиневе книжечка из них («Подробности бегущих дней») была признана Международным книжным салоном лучшей за год. Остальное – кипу исписанной бумаги – с неким садистским удовлетворением сжег на костерке в огороде своего загородного домика. С удовлетворением вдыхал горьковатый дымок, выжимающий слезу. Столько времени, столько сил отдано – впустую. А, может быть, это и полезно: золою удобряют почву... И вновь занялось в душе искушение. А что если перевернуть все – писать рассказы, которые обратились бы в конце концов во что-то похожее на что-то единое. А как этот жанр называется – мне неинтересно.

«Автобио напиши

Кратко и подробно...»

(А. Твардовский. «Теркин на том свете»).

В памяти остались мои следы, оставленные не где-нибудь, а...

Дело было в декабре 1934 года, когда мне вот-вот должно было исполниться восемь лет. Почему запомнил точно время? Да на каждом вокзале станций, которые мы проезжали, возвышались громадные портреты приятного вида мужика в черной раме и траурных лентах – это был только что убитый Киров. Мой отец уже года полтора как уехал в Сибирь в качестве прораба на новостройку, теперь вот вернулся, забрал семью, подгадав к зимним каникулам, чтобы мы с моей сестрой Олей не отстали в учебе, – ведь тогда эта дорога от нашего села неподалеку от Белгорода до Забайкалья длилась больше полмесяца. В Москве на Ярославском вокзале мы ночевали на своих сумках и узлах, а утром отец, очень озабоченный и расстроенный всем происходящим (в его отсутствии черт знает что творилось на его стройке!), взял меня с собой и повел по грохочущим улицам столицы, забитыми повозками, пешеходами, трамваями. Надо сказать, что я был обут в лапти. Тогда для Москвы это было не диво – встречалось немало «лапотников». Так что мой вид никого не удивлял. Отец привел меня в громадный магазин. Я, ошарашенный его многолюдством, невиданными размерами, не очень соображал, что надо делать, когда отец велел мне разуться. И вот на моих ногах оказались новенькие черные ботинки. Теперь никто не поверит, что они мне не понравились. По сравнению с лаптями они мне показались хуже, в них моим ногам было как-то неловко, неудобно, как теперь сказали бы, некомфортно. Когда мы уходили из магазина, я оглянулся на оставленные мои обношенные лаптишки, и невольные слезы полились из моих глаз. Мне вспомнился соседский дед, который любил и опекал меня, который сплел мне эти лапти... Отец удивился: «Ты что?» Я не знал что ответить. Просто почувствовал, что часть моей малюсенькой жизни осталась за рубежом этого чужого громадного магазина, – там осталась моя деревня Тетеревино, замечательные мои друзья и родственники, маленький прудик, на льду которого я недавно катался в своих любимых лаптях. Много позже в одном стихотворении я вспомнил о том мгновении:

Кругом толкались, пили и галдели.
А у меня не шло из головы,
Как по-щенячьи жалобно глядели
Мне вслед те лапти посреди Москвы.

И вот в новых башмаках мы идем куда-то далеко. Отец, крепко держа мою руку, коротко объяснил: «Увидишь Кремль, Мавзолей, Красную площадь». Все эти слова мне были незнакомы. Отец, видно, уже бывал там, поэтому уверенно шел, не спрашивая ни у кого дорогу. Я увидел зубчатую красную стену, затейливый собор, большую пустую площадь. Мы остановились, чтобы оглядеться. И тут я, кинув взгляд назад, увидел невероятное... Это было действительно чудо... Оказывается, мои новенькие ботинки оставляют на камнях разметенной площади белые следы. Удивительно! Я и представить себе не мог, что каждый, кто идет по Площади к Кремлю, отмечает свой путь белоснежными следами. Словно оставляя за ее пределами все будничное, обыкновенное, телесное. Только почему-то белые следы с каждым шагом становились все бледнее.

Вот и теперь, по прошествии семи с половиной десятилетий, я чувствую загадочный трепет в душе – мне все время кажется, что это был не случайный знак, что это не объяснялось всего-навсего тем, что перед Площадью, на месте, где до последнего времени стояла гостиница «Москва», шли ремонтные работы, и мостовая была залита известкой... Это мгновение часто всплывает в моей памяти в периоды, когда время вызывает к высокому.

Я думал, что в столице буквально все – и дома, и еда, и люди – лучше, чем у нас в провинции. Каково же было мое удивление, когда, уже взрослым, впервые оказавшись в московском ресторане, я, начав поглощать салат, внезапно ощутил разочарование: это совсем не то, что у нас в Чите. Насколько слаще и приятней у нас те же помидоры! А вскоре убедился, что и люди у нас не хуже столичных, и наши разговоры – наши споры читинской полубогемы – гораздо глубже и естественней тех, что услышал в центре. И пропорция значительных личностей в обычной среде по сравнению со столицей у нас гораздо выше. То же было у меня в Америке – насколько наши блюда вкусней тех, что подали мне в изысканном ресторане под Нью-Йорком на банкете в честь моего приезда. Боюсь в этом сознаться, чтобы не обидеть моих американских родственников и друзей. Может, тут виновата привычка к «своим» блюдам. Да нет, наши овощи, наша даже повседневная еда не очень богатых людей гораздо вкусней...

Придирчиво впитывал заокеанские пейзажи, их небо, их воздух. Самые красивые и наполненные бетховенской драматической музыкой пейзажи запомнились во время путешествий по северу Забайкалья, в долинах не очень известных рек, таких, как Чара, Куанда, Витим, Олекма, Тунгир. А что, Америка тоже красива, избыточно ухожена, даже привлекательна. В особенности Бостон и дорога к нему со стороны Нью-Йорка – ты видишь, как лиственный лис сменяется елями и соснами, а стволы берез, растущих все гуще, все белее и белее...

С ужасом смотрю на то, что происходит на земном шаре. Какие причуды «выдумляют» (чудное выражение моей малограмотной матери) пресыщенные богачи, даже особый остров насыпали в океане с всякими увеселительными

заведениями. Мало им Лас-Вегаса и всяческих игорных притонов, так уже вышли на запредельные параметры. А говорят о Боге!!! И насмехаются над нашим мужичком, пьющим после работы какую-нибудь «бормотуху». А сами, если глядеть прямо, являются не человеками, а механизмами для переработки поглощаемых чудных ароматов садов, полей, виноградников в невыносимую вонищу... Зловоние охватывает планету, и люди еще терпят... Но погодите!

Такого тотального идейного наступления на наше прошлое даже вообразить было невозможно. Иные телевизионные каналы с утра до ночи долбят – и войну-то, оказывается, мы не выиграли, а проиграли, и довели людей до рабского состояния, и номенклатура-то объедала народ... Все-то в прошлом не нравится ревнителям «демократии». Да, иногда секретарь райкома получал с заднего хода в магазине курочку и палку колбасы... Ужасно!!! А то, что нынешние «хозяева жизни» возят на французский курорт на собственном самолете коллектив несовершеннолетних девчонок для постели, купают их в бассейне, наполненном лучшим шампанским – это никого не приводит в негодование.

А там, за толщей лет... Там самый тяжкий кусок жизни.

...Выезжает на главную площадь столицы боевой маршал на белом коне (теперь на открытой машине) перед застывшими четкими рядами войск. Все благоговейно замерло. И сердце бьется в приливе высоких, гордых чувств: мы победили, враг повержен, правда восторжествовала!

Знамена, овсянные славы, ослепительный блеск золота и серебра боевых наград.

И чувствуешь шелест времени, дыхание истории.

И так из года в год со Дня Победы, с Парада Победы на Красной площади в Сорок пятом. Приемы в Георгиевском зале, мундиры, все более стареющие лица, все более тяжелеющие панцири орденов на груди полководцев. И как бы забыто всенародное великое Горе – где-то за кулисами остался я, изможденный, в обмотках, в залатанной гимнастерке, во вшах, зачастую полуголодный – рядовой, пусть и гвардии... Как сказано Твардовским еще в разгар войны: «Города сдают солдаты, / Генералы их берут...»

НИКОЛАЙ САВОСТИН

Николай Савостин родился в 1926 г. в селе Тетеревино на Белгородщине. Отец – прораб, поехал на стройки в Забайкалье, так с раннего детства будущий писатель оказался в Читинской области, где закончил школу, затем поступил в Иркутское художественное училище, откуда семнадцатилетним призван в армию, участвовал в Великой Отечественной войне, отслужил солдатом шесть лет.

Печатается со школьных лет. Окончил Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Автор свыше сорока книг в разных жанрах, вышедших в издательствах Москвы, Иркутска, Читы и Кишинева. Заслуженный деятель искусств Молдовы, награжден несколькими орденами, лауреат Международной литературной премии имени великого князя Юрия Долгорукова, а также премий Международного книжного салона.

ПРОЗА

Поле притяжения

ТАТЬЯНА ОРЛОВА

ПИСЬМА

Комком желто-зеленого пластилина лежал посреди долины холм, на котором уютно, как в гнездах, нахохлились бело-голубые домишки. Когда мы, городские, в новеньком черном джипе, медленно карабкались на него, домишки испуганно тарацились на нас окнами. Они напомнили мне пластилиновый мультик. В одном из домов нас уже ждали. Двое. Она – большая, теплая, похожая на тесто, внутри которого замешана вишня или яблоко. Он – седой, легкий и сухой, как мучная пыль. Они не знали, что мы всего лишь парочка этнографов-практикантов, пришедших разузнать что-то о строительстве дома. Они смотрели на нас, как на диковинных хрупких птиц: с любопытством, настороженностью, тревогой то ли за себя, то ли за нас, в ожидании чего-то.

– ...если вы позволите, мы бы хотели посмотреть ваш дом изнутри, а потом перейдем к вопросам...

В ответ растерянные улыбки.

– roftim, roftim...¹

Мы взбираемся на крыльцо, похожее на пласты оплывшего свечного воска, скинув обувь, входим в так называемую тинду. Босые ступни приятно лижет шершавый язык домотканого ковра. «Кто ткал?» – спрашиваю. Вздыхают, бормочут что-то невнятное. А на стене, бордовая от времени, фотография молодой женщины с очень прямой осанкой. Хозяйка неловко вытирает большую грубоватую ладонь о подол платья, затем, с силой надавив на деревянные створки, распахивает дверь, и мы плавно перетекаем за порог.

– ...так вы говорите, раньше клакой называлось строительство дома сообща, всей магалой?

– da... dar amu...²

Мы сидим рядом с хозяйкой на высокой кровати. Теперь главное, чтобы не сели аккумуляторы нашего диктофона. Уж больно часто ее ответы превращаются в отдельные истории, совершенно не имеющие отношения к нашему заданию. Но они интересны. И мы слушаем о том, например, как в детстве из пожара икону спасала, и, что теперь та икона в храме чудеса творит, а еще о том, как на „şezătoŋi“³ с другом сердечным тайно крестами нательными обменялись и обещались друг другу... Вот и сейчас развела в стороны руки, и, поглаживая ладонями вышивку на покрывале, припоминает что-то.

¹ пожалуйста

² да, а вот сейчас

³ посиделки

– mă rog, puișorii... iată eu vă arăt fotografiile?⁴

Старый фотоальбом, уткнувшись своим крылом мне в колено, оживляет давно прошедшее. Его хозяйка, с грубоватой нежностью перебирая выцветшие снимки, рассказывает что-то. С усилием всматриваюсь в черно-белые силуэты и слова. Они сливаются во что-то одно светлое и грустное. Страничка переворачивается и неровно сложенные фотографии, выставясь по краям альбома, взерошиваются, как перья. Одно из них, вылетев, падает на пол. Я нагибаюсь, чтобы поднять и вздрагиваю. Игрой теней – глаза маленького инопланетянина и силуэт женщины с очень прямой осанкой. Кажется, до этого хозяйка рассказывала что-то про свое детство, войну и голод, а еще про то, как тогда удивлялась, почему в самый тяжелый месяц детям давали на два куса больше хлеба, чем другим. Мама так и не успела объяснить ей этого.

А из альбома уже глядят счастливые глаза невесты и жениха. В чертах последнего смутно угадывается лицо хозяина. Как будто в подтверждение моих мыслей, в комнату входит он и, бережно коснувшись плеча хозяйки, зовет обедать. Спрашиваю: «Сколько лет вместе?». Отвечает «60». Улыбается. Не нам. Ей.

Выходим во двор. Под деревом старой яблони – грубо сколоченный самодельный стол. Довольно улыбаясь, хозяин разливает в стаканчики красное домашнее вино. Не торопясь, вдыхает его аромат и, лишь затем, пьет. Говорит, в первое свидание так пахли волосы его жены. Хозяйка улыбается и вспоминает, что тогда на „sezători” они спели лучше всех. Спрашиваем, поют ли они теперь, и с удивлением узнаем, что поют и даже, бывает, сочиняют вдвоем. Уговариваем спеть что-то для нас. Посмотрев друг на друга, соглашаются. Хозяйка поёт, слегка покачиваясь. Губами, глазами, бровями, руками переживая песню. Хозяин, наоборот, будто глубоко задумавшись, трубит внутрь самого себя, как в колодезь. А песня – письмо из прошлого в будущее. Прочтешь его, и станут роднее и ближе вот эти почти незнакомые люди. Что же в письме? Жизнь. А еще... любовь.

Обратно мне пришлось уезжать раньше других. Они проводили меня до автостанции и теперь за матовым окном уныло маячили, ожидая отправки автобуса. Прижав к груди рюкзак, я добросовестно махала им рукой. Воздух сухо стрекотал лопающимися скорлупками семечек. Внезапно парень, сидевший напротив меня, поднялся. На его место, задвинув под сиденье большую клетчатую сумку, опустилась женщина в черном траурном платке. Что-то в ее неестественно прямой осанке тревожно отозвалось в сердце. Она взглянула на меня... Глаза инопланетянина. Нет! Разве такое возможно? Как будто ожила та старая фотография столь радушно принимавшей нас хозяйки. Неужели ее дочь? Но к чему этот траурный платок? Нарушая приличия, я не отрывая глаз, смотрела на нее.

Сокровищем показалось то, что хранил наш диктофон. Не дома, которые мы изучали, а голоса, воспоминания о неповторимых жизнях людских – вот, что на самом деле было бесценным. Это во что бы то ни стало нужно сберечь, сохранить! Успеть...

Автобус тронулся. Женщина, отвернувшись к окну, сгорбилась. Где-то, пробиваясь сквозь шум мотора, заиграла песня:

*«...Я почтальон, я почтальон.
Грядущему от Прошлого везу письмо...»*

⁴ ну что, голубушки, вот я вам фотографии покажу...

ВЕЧЕР ПАМЯТИ

Звонит мобильный телефон. Я не слышу его. Чувствую. Сквозь кожу сумки беспокоится что-то живое. Стонет, кричит, как совесть. Народ в переполненной маршрутке не слышит его. Зато очень хорошо чувствует меня. Судорожно расстегиваю сумку, неуклюже, как свернутый ковер, валюсь на чьи-то спины, плечи, головы (хоть бы уступил кто место!). Футляр для очков, кошелек, косметичка, футляр для очков... тьфу! ну, наконец-то – телефон!... Они чувствуют мои локти и сапоги без каблуков. Они слышат, как я футболю слова в трубку.

- Да, я вас слушаю...
- Вечер памяти? Сегодня?
- Не знала...
- Хорошо, постараюсь ...
- Нет... но... у меня работа
- А разве больше некому?
- Ладно... может, пару слов...
- Совсем никто?
- Хорошо, постараюсь...
- Ладно!

Они не слышат ответных голов, забиваемых в мои уши.

Вываливаюсь из маршрутки. Застегиваю на уцелевшие пуговицы пальто. Тороплюсь на работу. «И снова я! А Виктор Георгиевич постыдился бы уже беспокоить. Или хотя бы заранее. Конечно, мог бы заранее...». Обгоняю свои же мысли. Они скользят по омытому дождем льду. Вместо меня падают.

Парадная лестница с красной ковровой дорожкой. М-да. Согревает не хуже красного вина. Ни то ни другое не люблю. А еще не люблю эти вечера памяти. Кому они нужны? Наша организация настолько велика, что маленькие мирки ее организма никак не контактируют друг с другом. Да и возможно ли это? Институты, центры, секторы, отделы... Тут не знаешь кто за соседней дверью, что уж говорить про какую-то Марию Иосифовну из отдела не то лингвистики, не то журналистики. Но вечер памяти вынь да положи. А, между прочим, за это ничего не платят. И все на одного человека. Да еще в самый разгар отчетного периода. Виктор Георгиевич совсем стыд потерял. У меня ведь давление, должен понимать...

– Доброе утро, Виктор Георгиевич! Уже взяла материалы. Иду готовиться. Говорите, в три часа в Бронзовом зале?

И куда он так несется? Хорошо, ноги молодые, по этим лестницам бегать. Молодец, он, конечно, свалил все на меня, а сам бегаёт.

В отделе душно и пахнет бутербродами с колбасой. Вчера что-то праздновали. Запах до сих пор не выветрился. Кроме Михаелы, еще никого нет. Поработаю в тишине.

– Михаела, тебе нужен компьютер? Нет? Ну, тогда разреши мне, я сяду, сегодня вечер памяти Марии Иосифовны, мне нужно речь подготовить. Кто это? Работник нашей организации. Сегодня годовщина со дня ее смерти.

Личное дело № 57. Мария Иосифовна Светлич. Родилась в 1937 году 29-го февраля...

Как интересно. 29 февраля. В прошлом году этого дня еще не было. А в следующем уже не будет. 29... Стоп! Так, значит, сегодня юбилей не со дня смерти, а ее день рождение? Вовремя заметила.

– Ирина Петровна, можно? Планёрка через пять минут. В 306-й.

Ну вот, еще планёрка. Ладно, в случае чего скажу пару слов о ...

– Ирина Петровна!

– Да-да, Любаша, иду.

Половина третьего

Солнечный свет мягкими лапками ходит по пыльным страницам. Ему интересны машинописные буквы и цифры, пометки, сделанные сиреневой ручкой на полях. Шаги. Ближе. Солнечный свет замирает одними следами. Распахивается дверь. В кабинет вваливаются объедки с круглого стола планёрного собрания. Возмущения. Пересуды. А на часах половина третьего. Бог мой! Уже почти три! Следы солнечных лапок, как сухие листья, скатываются на стол. Нервно листаются страницы. Машинописные буквы, цифры зачеркиваются, подчеркиваются черным, карандашиком для глаз.

Без пяти три.

Пора идти. Из личного дела № 57 второпях вырывается самая сердцевина. На стол капают фотографии, какие-то мелкие бумажки, документы.

Три часа.

Тяжелые шаги, всхлипывая, приближаются к Бронзовому залу. Старый коридор оживает. В нем мечутся звуки. Не пол – одно название. А по названиям трудно ходить тихо, особенно если они старые и если не позволяет собственный груз накопленных знаний.

Девочки, стоящие у входа, недоуменно смотрят, не дают пройти. Хм! Как будто это мне нужно.

Выразительно шепчу им:

– Я ВЫСТУПАЮ.

Толкаю дверь..

Зал полон. Тишина. Все чего-то напряженно ждут. Пробираюсь поближе к президиуму. Там Виктор Георгиевич, кивает мне. А у трибуны, глядя на меня, нерешительно замерла девушка с гитарой. Несколько человек оборачиваются. И вдруг я понимаю, что мое несвоевременное вторжение отдалило то, чего ждут эти люди. Смущенно сажусь на первое попавшееся место. Снимаю очки и утыкаюсь носом в бумаги. В них гнездятся основные положения моей речи, хорошо, что есть возможность освежить их в памяти.

Голос девочки не очень сильный, но поет она правильно. Песня о чем-то человеческом, простом, радостном. И в то же время девочка поет ее как-то слишком серьезно. Врассыпную по спине разбегаются мурашки. Как предчувствие. Забыв про речь, бумаги, давление, надеваю очки, смотрю на девочку... но та уже кланяется и, бережно подхватив гитару, проходит на свое место.

– ... а теперь наша уважаемая коллега Ирина Петровна Носик расскажет о научных трудах Марии Светлич....

Спохватившись, торопливо семеню к трибуне. Снимаю очки, снова надеваю их. Оглядываюсь на Виктора Георгиевича. И что он все время сидит? Мог бы подняться, помочь. Хотя в чем?

Начинаю свою речь. Сидящие в зале заинтересованно слушают меня. Среди них вижу много знакомых лиц. Неужели все они знали ту, о которой я произношу эти пафосные слова вроде... «выдающийся ученый», «лауреат премии такой-то»... «удивительная женщина»? Неужели они забыли, что так говорят на каждом вечере памяти? Заканчиваю речь. Оборачиваюсь. Вижу небо после дождя. Глаза Марии Иосифовны Светлич. Портрет. Ее лицо неожиданно знакомо.

Пробираюсь к своему месту. Люди восхищенно шепчутся: более пятисот научных трудов... мировое имя... Прислушиваюсь. Из чужих уст рассказанное мной же кажется фантастичным. И вправду... чтобы успеть все это написать многим не хватило бы и двух жизней. А ведь она, кажется, еще и героиней Великой Отечественной...

Так... но где же мои очки?

К трибуне, опираясь на палочку, выходит старик. Не вижу, но, кажется, осязаю сухое, похожее на кашель, позвякивание медалей на его пиджаке. Неужели ее фронтовой товарищ? Обнаруживаю очки в собственной прическе.

Старик останавливается возле портрета, неловко оправляет галстук:

– Это было в начале 90-х. Что и говорить, непростое время. На работе шли увольнения... Ну и я, как говорится, попал под сенокос. Прихожу к нам в отдел, стараюсь улыбаться, а сам думаю – помру с голоду, родных – никого, кроме внука малолетнего. Его-то, малого, пристрою куда, а сам... Ан нет, Мáriaнька заметила, что неладно. Зыркнула глазами и ушла. Я не понял тогда, думал, может, руки помыть вышла или еще куда. А она приходит и так просто: «А я сегодня решила уволиться, у меня внучка растет, так что вы, Борис Игнатьевич, если не против, будете руководить отделом». Руководителем отдела я, конечно, не сделался, не то время было, но на работе остался. Теперь вот внук помогает, вырос. А Мáriaньку на работу вернули – опомнились. Она, знаете ли, незаменимая была.

А во время войны... да вы, верно, ждали, что я расскажу об этом... но Мáriaньку я узнал позже. Сам-то я не из здешних. Приехал уже в шестидесятых. Эх,... скажу одно, Мáriaнька весь свой небольшой отряд домой живыми привела. Уж как это она умудрилась сделать – не знаю. На передовой были, врага первые гнали из нашей теперешней столицы. Думаю, она просто любила их, как родных детей. А я вот, уберег только четверых. Наша Мáriaнька – настоящий воин. Да и не только на войне подвиги совершают. А вы попробуйте каждый день за тех, кого любишь, бороться, и тут уже не важно, огнем или словом...

Что это, хлынули аплодисменты? Как будто ливень... Невидимый дождь обрушился на меня. Вот они, струи, как мурашки, бегут по затылку, по спине, по плечам. Омывают душу.

А за трибуной уже интеллигентный человек средних лет. Что-то рассказывает про свою жизнь. Кажется, он теперь известный исследователь в Финляндии. Имя Марии Иосифовны звучит так часто из его уст, но... в ушах этот ливень... и трудно понять, о чем именно он говорит. Искренно. Горячо.

Но что это? За трибуной моя родная мама. Она – поэт, ученый, как и я, но на пенсии. Когда она успела прийти? Говорит, прочитаю «Горлышко». Странно. Зачем? Это стихотворение посвящено тому человеку, которому я, ее дочь, обязана тем, что живу. Неужели... Мария Светлич. М. С. Так вот как расшифровываются эти загадочные инициалы.

Стихи. Не слышу слова. Слышу голос мамы и ливень.

А мое выступление оказалось не таким уж важным. Вон сколько желающих сказать что-то. Оно важно для МЕНЯ. Кто-то невидимый как будто бы дал последний шанс МНЕ. Как страшно. А если бы я отказалась? Осталась бы составлять эти никому не нужные отчеты?

Солнечные лучи мелькают в окнах. Это плывут облака, то укрывая, то обнажая солнце. Но откуда же такое яркое ощущение, что плывем мы? Что вот этот зал с рыжими занавесками, с хрустальными люстрами в форме селедочниц вдруг покачнулся и плывет все быстрее и быстрее?

– Наш вечер памяти, посвященный Марии Иосифовне Светлич, подходит к концу. В завершении музыкальный подарок от учеников музыкальной школы-интерната.

В худенькой детской ручке замирает смычок, и вдруг как будто теплые нежные пальцы распахивают мое сердце. Ливень. Омывающий, смывающий все тяжкое черное.

Дети кланяются. Публика оживает, шевелится. Я поднимаюсь. Какие они... души, после дождя?

Виктор Григорьевич подходит ко мне, просит проводить гостей в банкетный зал. Просит отнести наверх к нему какие-то бумаги. Я прорываюсь к маме. В сумке недовольно гудит разбуженный телефон. Подходят знакомые. Смеются, что-то говорят. Смотрю им в глаза и вижу небо после дождя и радугу.

СЕМЬЯ

Захлопнув дверь в тамбуре и обменявшись с сонным проводником не особо любезными взглядами, он нырнул в утробу слабо освещенного вагона. На полках лежали коконы, завернутые в линияло-зеленые простыни, похожие на использованные медицинские перчатки. Из некоторых коконов торчали мужские и женские ноги. Стараясь не задеть их, он протиснулся вперед – к своему месту. Закинув рюкзак наверх, раскатал матрас, разодрал пакет с бельем и наспех постелив постель, взгромоздился на верхнюю полку. Промасленный тусклым желтым светом потолок внезапно оказался слишком близко. Чтобы не видеть его, он повернулся на живот, упершись лбом в окно. Внизу на нижних полках была ночь. В ее недрах стрекотал тонкий женский храп. Совсем как цикада, подумал он и улыбнулся. Внезапно поезд тряхнуло. Где-то за стенкой проснулся и захныкал ребенок. Тут же слегка простуженный мягкий голос забормотал что-то успокаивающее. Ребенок постепенно затих. В тишине голос стал более осязаем. Звуки слились во что-то одно мелодично-монотонное как будто где-то пел невидимый хор.

За окном мелькали кусты железнодорожных фонарей. Засыпая, он смотрел на них и чувствовал, как под ним устало похрустывают косточки старенького поезда. Смачно хлопая шлепанцами, казалось, кто-то резво бежал за ним. Кусты огней поредели. В окне мелькнул и исчез одинокий грустный фонарь.

«И-игрушки детские... пиво, лимонад... Девочки, берем хру-уста-аль». Вздвогнув, он проснулся и почувствовал, что ему невыносимо жарко. Вагон

бодро гудел пробуждающейся жизнью. Выпутавшись из простыни, он скатился вниз, пробормотал «доброе утро» мирно ошипывающей вареные яйца семье и поплелся в туалет. Стоя в очереди, он нервно теребил зажигалку, раздумывая выйти ли покурить. Кажется, ночью ему приснилось что-то доброе. Дверь тамбура хлопнула. В вагон протиснулся невысокий мужичок в леопардовом засаленном жилете. Выразительно округлив глаза, он поднял повыше руку, в которой была связка карманных фонариков. Двое сельских пареньков, кимаривших с бутылками пива на мусорном ящике, встрепенулись. Порывшись в карманах, они вытащили деньги и обменяли их на два фонарика. «Купить и мне что ли? В походе пригодятся...», – подумал он. Но в это время хрыкнула, распахнувшись, дверь туалета, подошла его очередь.

Возвращаясь обратно, он с любопытством поглядывал по сторонам. На удивление, в каждом купе было уютно и весело. Хорошо путешествовать с друзьями или с семьей. Люди беседовали, пировали, разложив на столе жареную курицу, колбасу, помидоры и хлеб. Целая группа друзей-студентов под дребезжанье маленькой гитары распевала «Звезду по имени солнце», уверенно коверкая мотив. Добравшись до своего места, он немного посидел на нижней полке и затем, чтобы не мешать завтраку семейства, ехавшего с ним в одном купе, полез наверх. Прямо под ним, как он успел заметить, располагалась худенькая черноволосая девушка. Прислонившись к окну и поджав к подбородку колени, она умудрялась в одно и то же время читать какую-то книжку, жевать подсовываемые ей бутербродики и улыбаться рассказам своей мамы о причудах и доброте турецкой семьи. По всей видимости, та ездила в Турцию на заработки и теперь, коротая дорогу, веселила родных рассказами. «А мандарины, то есть цветки ихние, знаешь ли, нельзя нюхать, они, видите ли, вянут сразу!». Забравшись наверх и отвернувшись к стенке, он почему-то продолжал вслушиваться в то, что совершенно его не касалось. Внезапно кто-то прикоснулся к его плечу. «Молодой человек, угощайтесь, вот бутербродик с брынзочкой свежей». Повернувшись, он увидел, что «турчанка» (как он про себя назвал маму темноволосой девушки) протягивает ему угощение. «Спасибо. Я обычно не ем в поезде», – почему-то не очень приветливо отозвался он и хотел было отвернуться, но женщина, суетливо порывшись в огромном кульке, стоящем на столе, достала оттуда две конфеты и положила ему на матрас. «Это за поману, у меня двоюродная сестра померла». Не зная, как реагировать, он хотел было вернуть конфеты, но бабушка, ехавшая с ними и до сих пор занятая игрой с глазастой, похожей на цыганку, внучкой, зацокала языком: «За поману-то грех отказываться, молодой человек. Ангелá-то все видят...» «Да! – задорно крикнула внучка, – а у меня есть ангел?» Пробормотав что-то вроде извинения, он взял конфеты, кинул их в рюкзак и отвернулся. Сквозь дремоту он слышал, как бабушка что-то долго рассказывала внучке про сущность «ангелов». Где-то смеялись, пели и громко храпел сосед на боковушке.

«Граница! Всем приготовить паспорта...» Очутившись внизу, он поймал на себе испуганный взгляд темноволосой девушки. Это его почему-то разозлило. Недовольно хмыкнув, он все же автоматически пригладил взъерошенные со сна волосы и полез в рюкзак за паспортом. Вместо него попалась в руки не начатая пачка сигарет. М-да... покурить сейчас не мешало бы... Как будто прочитав его мысли, из-за стенки соседнего купе донесся обрывок чьей-то бурной тирады: «Бросай, бросай курить! Если мои аргументы тебя не устраивают, посмотри на

пример Ванькиного отца. Думаешь, он как себе просто так заработал?» Пачка сигарет из упрямства задержалась на пару минут в руке. «Добрый вечер, предъявляем паспорта!», в вагон по-хозяйски вошли пограничники. Их поведение напоминало действия врачей в операционной, причем все пассажиры сразу ощутили себя в роли пациентов.

«Главное не бойсь! Я их знаю. Цепляются, сволочи, к тем, кто сильно суетится. А ты не бойсь!». Рядом на нижней боковой полке, привалившись к подушке, сидела беременная кругленькая женщина. Заметно нервничая, она вздыхала, хваталась то за живот, то за сумку. Рядом с ней, покровительски приобняв ее за плечи, сидел сосед с верхней полки, тот самый, чей храп не давал никому покоя. Женщина, слушая речи мужа, бодрилась.

Окинув пристальным взглядом два притихших семейства, пограничник проштамповал паспорта и, пожелав всем счастливого пути, прошел дальше. Не успели все опомниться, как в купе заглянул здоровенный амбал в форме и на полном серьезе спросил: «Что везем? Оружие, наркотики имеются?» Кто-то в соседнем купе неудачно пошутил, за что был грубо осажден. Оружия и наркотиков ни у кого не было, зато были накопленные лишние килограммы конфет и повод потрепать нервы. «Турчанка», накинув на голову черный платок, бормотала о том, что мол с похорон едет... Но это не спасло ее от заполнения декларации. Ее дочь заботливо бросилась помогать ей мерить давление после того, как таможенники перешли в другое купе.

Глядя на свой полупустой рюкзак, он не без облегчения думал о том, что своевременно отказался от бутылей домашнего вина, которые ему пытались всучить приятели. Беременной женщине и ее мужу пришлось тоже несладко, но когда господа из таможенного контроля вышли, а поезд тронулся, они уже весело ворковали о том, как бы в будущем не пришлось декларировать лишний метр из рулончика туалетной бумаги.

Поезд медленно вливался в ночь. По вечернему приглушились разговоры и залепетали ложки в стаканах чая. Он вздохнул. Спать совсем не хотелось, да и внизу было уютно. Правда, девушка, на постели которой он сидел, уже несколько раз выразительно на него зыркнула, мол «а не пошел бы ты... на верхнюю полку». Но он, насмешливо взглянув на нее, вышел покурить. В тамбуре было шумно. Те самые хлопчики, купившие утром фонарики, снова были тут и уже задиристо пихали друг друга. «Как два телёнка», – подумал он, закуривая. Вспомнились «дурилки» в школе с друзьями. Хотя эти двое скорее были братьями. Потушив сигарету, он почему-то остро пожалел о том, что не купил фонарик. Кажется, в сегодняшнем сне было что-то связанное с фонарями, что-то важное.

Вернувшись в свое купе, он застал обе семьи за прослушиванием детской баллады про лягушонка. Ее, сидя на краешке полки и свесив маленькие ножки, рассказывала наизусть бабушка. Внучка в это время плела косички девушке с темными волосами, время от времени удушая ее объятиями, а та плела браслетик из ниток. «Прям идиллия», – скривился он и полез на свою полку.

А ночью беременной женщине стало плохо. Все вокруг закопошились, засуетились. Кажется, кто-то побежал за чаем, а кто-то рылся в чемодане в поисках какого-то лекарства. Весь этот переполох почему-то раздражал, тревожил и притягивал его одновременно. Почему-то вдруг захотелось так же, как муж этой

женщины, волноваться о ком-то, предлагая выпить горячего чаю... Под утро самочувствие будущей мамы улучшилось. Все расплзлись по полкам. Стало тихо. Уткнувшись как в прошлую ночь лбом в окно, он смотрел на железнодорожные фонари. А потом незаметно уснул.

Следующий день начался примерно так же, как предыдущий. Вновь его разбудила болтовня торговцев всякой ерундой, вроде красных бархатных вазочек с золотистой каймой. Беременная женщина, уже отойдя после ночного недомогания, лузгала семечки и с напором сельского шарма торговалась с продавцом. Мельком взглянув в ее сторону, он увидел лежащий перед ней раскрытый набор ярко-розовых бокалов. Ее муж при этом безучастно лежал на своей полке и читал газету. Это обстоятельство показалось ему несколько странным, но он не обратил на него особого внимания. У туалета опять выстроилась довольно внушительная очередь. Досадую, он повернул назад и едва не столкнулся с молодой женщиной, тащившей за собой огромный чемодан на колёсиках и глазастую девочку в берете. «Везет некоторым, – подумал он, – а мне до самого конца ехать». «До свидания!» – внезапно крикнула ему девочка и помахала растопыренной пятерней. «И тебе приятно», – рассеянно пробубнил он и вдруг понял, что этот ребенок еще вчера принадлежал семье из его купе... Вернувшись обратно, он застал бабушку за разбором косметички. «Простите... а что за ребенок вчера играл у нас?» – в упор спросил он, когда она подняла глаза. «Это Настенька из соседнего купе. Мама ейная спала, а ребенку-то стало скучно, вот и пришла к нам знакомиться. Хорошая девочка».

Замедляя ход, поезд прибыл на какую-то станцию. Проверив наличие зажигалки и пачки сигарет в карманах, он направился к выходу. Среди покидающих поезд, он заметил одного из хлопчиков, купивших фонарик. Его братец с поразительным равнодушием жевал у ступенек поезда беляш. «Не братья», – пронеслось в голове, пока, ежась от холода, он докуривал свою сигарету.

На следующей станции сошли несколько студентов. Проходя мимо, он видел, как они обмениваются друг с другом телефонами. Не друзья.

К вечеру полвагона опустело. «А вы с семьей до конца едете?» – свесившись с полки, спросил он накрывающую на стол «турчанку». На что та, удивленно подняв бровь, ответила: «Я через две станции выхожу. А бабуля и девочка – не знаю. Да не семья мы вовсе. Просто подружились, дорога-то длинная. Может быть, все же бутерброд с брынзой?» Отрицательно покачав головой, он отвернулся. Прощались они просто. Желали счастливого пути и выходили.

Приближалась крупная станция. Муж и его беременная жена засуетились, собирая вещи. «Хоть эти, кажется, настоящая семья», – с облегчением подумал он и прильнул к окну. Почему-то хотелось увидеть, как они действительно вместе уйдут куда-то в свою жизнь. Но в поезде было еще слишком светло, а за окном окончательно стемнело.

Оголив подушку и матрас, он закатал их в неаппетитный рулет, потом скомкал простыни и наволочку и отнес проводнику. Вернувшись обратно, он придвинулся поближе к окну. Там мелькали железнодорожные фонари. Они, как гроздь, росли целыми семействами. Но время от времени встречались такие же как он, одиночки. Внезапно вспомнился сон. Странный такой. Как будто его рассказывали дети. Без картинок. Только голоса.

«Жи-ил-бы-ыл фонарь. Один-одинешенек. Грустный такой всегда. А еще он завидовал другим фонарикам, которые вместе были. А те над ним смеялись. А он обижался и плакал. Одна-ажды они все погасли. А потом зажглись. Все вместе зажглись, а потом погасли. А свет у всех один. Э-лек-три-че-ство»

Вдруг ему послышалось пение. Детский хор. Как в первую ночь. «Провода поют!» – сказал кто-то громко в соседнем купе. Он посмотрел в окно. Хоровод фонарей пронёсся мимо. Как руки, сплетались провода. «Электричество, которое бежит в проводах – одно для всех, ведь правда?», – тихий голос неловко мякнул над ухом. Вздвогнув, он обернулся и увидел, что напротив сидит его соседка.

Не отвечая на ее вопрос, он тихонько усмехнулся: «Так значит, я видел твой сон?» Девушка в ответ придвинулась ближе.

На маленьком полустанке, последнем перед конечной станцией, в вагон вошел пожилой мужчина. В первом купе, зачарованно глядя в окно, ехали парень с девушкой. «Добрая семья», подумал он и, спросив разрешения, остался. До самой станции они молчали.

ТАТЬЯНА ОРЛОВА

Родилась в 1984 году в Кишиневе. Высшее образование – культурная и историческая антропология. В школе не раз становилась лауреатом конкурса молодых поэтов, занимала призовые места. Публиковалась в альманахах Ассоциации русских писателей РМ «Лицей», «Фронтальная муза», а также в литературном альманахе, посвященном 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева «Как слово наше отзовется...», в республиканской прессе.

В 2008 году как финалист поэтического конкурса «На ветру времён» принимала участие в фестивале литературного творчества в Санкт-Петербурге. В 2009 стала участником фестиваля видеопоззии «Вентилятор», прошедший в Санкт-Петербурге. Является одним из авторов книги сказок «Радуга» и поэтического Сборника трех поэтесс – книга стихов «Хрупкость». В 2008 году вышла книга миниатюр и прозаических зарисовок «Рисунки акварелью». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

МОЯ КРЫЛАТАЯ РОССИЯ

*Моя ползучая Россия,
Крылатая моя страна.*
И.Северянин

*А ты всё та же – лес, да поле,
Да плат узорный до бровей.*
А.Блок

Куда же ты бредёшь, Россия
Почти «над пропастью во ржи»?
Одолевает аритмия
Поизносившейся души...
Глухая боль, чужая пропасть,
Больная русская душа,
И покорёженная лопасть,
Когда-то мощного винта.

Стирая память о полётах,
«пигмеи» прошлое хулят,
И словоблудам нету счёта,
Что счастье в будущем сулят.
Купив чины, день о день кряду
Твердят про избранность пути,
Швыряют на твою сермягу
Охапки блёстких конфетти.
Притворно умиляясь полем,
Платком «узорным до бровей»,
Русь справно тешат алкоголем,
Изводят мощь богатырей.

Сама вручила геростратам
Огниво, жечь добротный дом,
Чтобы по серым избам, хатам
Жить вспоминаньем о былом.

Летишь... крылатая Россия,
Но камнем, крылышки сложив,
И ждёшь, вот-вот придёт мессия
Твой выполнить «императив».

Они приходят и уходят.
На вере в искренность идей
То в глухомань тебя заводят,
То грабят вовсе без затей.

Доверчивость – твоя подруга.
Наивность – вечная сестра.
Ты веришь в названного друга,
Гостеприимна и щедра.

Нет счета этим доброхотам,
Ты ими так изнурена,
Тоскующая по высотам,
Моя любимая страна.

Сильна ты верой и любовью,
Страдания терпишь от любви,
Полита густо нашей кровью,
Воспрянь и верный путь найди!

ПРОВОДЫ НОЧНОГО ПОЕЗДА

Времени речка текла по весне,
Я предложил твоей лодке причалить.
Пристань сгорела. Пепел на дне –
Нерастворимый осадок печали.

Рядом и порознь брели в пустоте.
Тягость ступени – полосочки света,
Тщетно пытались поднять к высоте –
Рухнули в шпалы. И я, без билета,
Мыслями в такт перестуку колёс
Бьюсь о закрытые двери вагона.
Звуки стихают, в них поезд унёс
Хрупкую жизнь – вдохновенье перрона.

Светит фонарь в хвост дороги стальной,
Жёлтым гвоздём бередит сердце ночи.
Крик маневровой кукушки чудной
Лет безысходных не счесть напророчил....

Что же осталось: брошенный хвост,
Конус фонарный, повисший в тумане,
Слились на цифре три стрелки часов,
Рвутся вдогон у оси на аркане.

Тянет с вокзала назад виадук.
Точки-тире шлюют шаги в день вчерашний.
Корчится горб над дорогой разлук.
Знак семафора выбросил красный.

ТЕНЬ ТВОЯ НЕ ОТПУСКАЕТ

Луч сверкает в водном макраме –
В каждой капле маленькое солнце.
Я укрылся в гроте, в полутьме,
И смотрю в искристое оконце.

А за ним распахнуты глаза,
Гребень радуги в косе играет,
И загадка радости – слеза
Сердце терпкой мукой прижигает.

Водопад бормочет и ворчит,
Бьёт о камни и не понимает,
Что бесплотный образ твой творит,
Дарит мне тебя и отнимает.

Вечереет. Теплая заря,
Полог ночи с неба опуская,
Льёт алмазы тёмного дождя...
Пляшет тень у лунного припая.

ОСЕННЯЯ ФЕРИЯ*

Бандерильями когти шиповника бьют
По пожухлому кружеву выцветших трав.
В брызгах ягод алеет раскидистый куст:
Третья терция** – осень готовит удар.

Торо..., осень несётся по склонам холмов –
И мельканьем мулет лету голову нурит;
Обнажённая ветка удар нанесёт... –
Пухлых туч потекут моросливые струи.

Опустела ферия ... Помпезная грязь...
Неуютной листвой завершается праздник.
Осень! в сущности, *лето* – твоя ипостась.
Без него ты – зимы неопрятный привратник.

* ярмарка, на которой ежедневно проводятся бои быков.

** терция смерти – завершающая часть корриды.

УХОДИТ ОСЕНЬ ИЗ МОЛДОВЫ

Ржавеет виноградный лист,
В дубовых кадах бродят грозны,
Сад странно светел и ветвист,
Цветут в осенней краске склоны,

Дух винный – прелый и густой
У дома каждого слоится
Стакан то полный, то пустой –
Обряд над бочкою вершится.

Душа хозяина – вином
Пропитана и веселится,
Сильно вино земным добром,
От корня вверх добро стремится.

Он вдохновенно, как артист,
Купаж сквозь сердце пропускает,
Сам неприметен, неказист,
На флейте из лозы играет!

Надёжно сросшийся с землей
Пускает дым неторопливо,
Поплёвывает шелухой,
Над миром стоя горделиво.

Уходит осень из Молдовы,
Неугомонный птичий свист
Не заполняет леса своды.
Мир странно светел и ветвист...

ДВЕ ЛОШАДКИ

Вечерело...Дно низинки
Слой тумана чуть прикрыл.
Вороной – жабо из дымки,
Щёголь, к шее прицепил.
Скошен луг, копна – церквушка
С жердяным крестом стоит,
Жёлтое окно избушки
В раме рубленой висит.
Конь притих, гнедой кобылке
Голову склонил на круп,
Днём – ревнивый, грозный, пылкий –

Мил и нежен верный друг.
И она к нему прильнула,
Шею выгнула дугой,
В луговой траве черпнула
Сон и вобрала покой.
Тихо музыка звучала,
Свечка ручейком смолы
Таяла и угасала,
Пряча свет во все углы...
За ресницами загадки,
Сколько их в твоих очах?
В танце мы, как те лошадки, –
Подбородки на плечах.
Ссоры мелкие забыли,
Топот нервных фраз отстал,
Головы слегка склонили,
И... сознание в провал!
Два кольца из рук – оградка
Круга долгожданных слов.
Чёрная тревожит прядка
Буйство светлое вихров.
Души, словно две лампадки:
В их рассеянных лучах.
Всколыхнулось – луг, лошадки,
Подбородки на плечах...

ВСЁ ПО-ПРЕЖНЕМУ...

Говорят всё по-прежнему в доме:
так же дверь, открываясь, скрипит,
кран на кухне заходится в стоне,
вечера без гостей – дефицит.

Так же ночью сверчки виноградные
гонят дрёму певучей пилой,
и в беседку две тени наядные
проливаются лунной водой.

На плафоне чудная картина –
три котёнка гоняют клубки,
и сметай – не сметай паутина
разрывается ими в клочки.

На полотнах всё те же сюжеты...
кафель, печка, камин, дымоход...
В доме пьют и мечтают поэты,
и аккорды гитара берёт.

Лишь одно по наивности утлой...
Радикально исчезли, совсем...
фотографии девушки смуглой...
Солнце пятен не тронуло, стен.

АЛЕКСАНДР ЧЕЛЫШЕВ

Родился в 1946, в семье русских эмигрантов в Китае, в Харбине.

Специальности: математик, программист, схемотехник.

Публиковался в электронной информационной среде, на сайтах: Стихи.ру, Изба-Читальня.

Склонность к литературе от деда, Матюшенского Александра Ивановича, известного русского журналиста, писателя, издателя, работавшего в Петербурге, Москве, Самаре, Екатеринбурге, Киеве, Одессе, Кишинёве.

Член Ассоциации русских писателей РМ.

ПРОЗА

Поле притяжения

ЯНА КАЗАЧЕНКО

БЕРЕГА, ЧТО МНЕ ОБЕЩАНЫ

*В корабле раскрылись трещины,
Море взрыто ураганами,
Берега, что мне обещаны,
Исчезают за туманами.*

*И шепчу я, робко слушая
Вой над водною пустынею:
«Нет, союза не нарушу я
С необорною богинею».*

Николай Гумилёв

Я сплю.

И снится мне сон.

Приятный женский голос всё повторяет и повторяет какое-то слово. Склонённая голова, стройная фигура, плавные движения – наверное, женщина молода. А лица не видно – скрыто длинными волосами непривычного цвета... такими же бывают лепестки Цветка, по утрам, когда их освещает солнце.

Чего же она хочет, эта женщина?..

Я смотрю на солнце сквозь ветви нависающего надо мной дерева. Провожая взглядом длиннокрылых птиц, прекрасных на вид, ловлю дыхание южного ветра. И ни в чём более не нуждаюсь.

Здесь нету женщин, но, по-моему, так лучше – был бы только шум и беспокойство. И они любят украшать свои волосы, подумать только, цветами: неразумная трата полезных растений, служащих пищей. А совсем недавно мы были до того безрассудны, что употребляли в еду тех, кто живёт и дышит так же, как люди. И нету различия, на скольких ногах передвигается создание, умеет оно говорить или нет... всё равно будет убито. Нет счастья в тех землях, где поят железо кровью.

Открываю глаза.

Всё как всегда.

Лето, утро, яркое солнце, зелёная трава и спящие на ней люди. Скоро проголодаются и проснутся. Рядом обнаруживаю Старика: стоит и смотрит мне в лицо. Что-то с ним случилось?

Ощупав лик, данный богами и родителями, облегчённо вздыхаю. Вроде такой, как обычно. Разве что борода стала заметно длиннее, ну да ведь я давно забыл про цирюльников и тщеславие.

И одежда у всех одинаковая, простая, другой сюда не привозят. Вернее, они бы привезли, но Старик запрещает. Не нужна, мол, нам суета. Поэтому на Цветок лишних вещей не выменивает, и всё тут. Смутно я подозреваю, что многие из живущих на этом острове и вовсе рабы, рожденные рабами. Опускают глаза книзу потому что. По старой привычке, дабы не показаться дерзкими и кнута избежать.

Были и у меня рабы. И рабыни.

Но что бы у меня там ни было, прошлого больше нет.

А есть вечное «сейчас».

Мирно плещут о берег морские волны. Рыбу никто не ловит. Просто – не нужна.

Полей и олив здесь нет. Жители обходятся без пахоты и сева, надеясь на бессмертных богов. Которые и вправду их наградили величайшим благом – здесь растут Цветы.

Тот, кто ест их лепестки, всегда безмятежен. Годы проходят незаметно, не принося с собой несчастий и тягот жизни обычных людей, рождённых для смерти. Потому что тебе больше нет до них дела.

Старик манит куда-то в сторону. Поднимаюсь я с травки и бреду, куда указано. Когда все остались позади, и никто услышать не сможет, он подводит меня к небольшому озеру с изобилующими на нём Цветами.

– Садись рядом со мной, поговорим. Счастлив ли ты здесь?

– Вполне, почтенный старец, – отзываюсь я.

– А не хочешь ли ты... – Старик запнулся, – вернуться?

– Куда же это?

– Туда, где твой край. И твои родные.

– Чем этот остров хуже других? Меня никто не ждёт.

– Так ли это?

– Не припоминаю я, почтенный, чтобы кто-то любил меня просто так и ждал моего возвращения. Даже имён таких не слышал. Хорошо, что здесь имена никому и вовсе не нужны. Вот как на самом деле зовут тебя, я никогда не знал. Да и меня самого как звали раньше, помнить не хочу.

Старик опечалился и замолчал. Я же протянул руку к воде и сорвал испускающий сладчайший, чудеснейший запах Цветок:

– Ты уж не обессудь, что-то есть хочется.

– Постой, – поднял руку Старик. – Вот, возьми лучше это.

Рядом с Цветком, который сорвал я, были и другие, уже отцветшие и высокие. Теперь они напоминали колокольчики, которые пастухи вешают на шею своим овцам. Старик с трудом сорвал один такой и протянул мне:

– Вытащи из него плоды и съешь, это тоже вкусно.

– А зачем тебе нужно, чтобы я их ел? Никто больше ведь этого не делает.

– Другие не знают, что в этих плодах. Попробуй...

Поразмыслив, я извлёк один плод, прокусил скорлупу. Затем отправил содержимое в рот.

Что это со мной?!..

– Старик, будь проклят! Ты отравил меня!

В глазах потемнело, солнце засверкало невыносимо ярко, и звуки пропали. Спустя пару мгновений я открыл глаза и посмотрел вокруг. Боги, что я здесь делаю?! В рубище, грязный, босой? И кто этот, такой же оборванный – старик, что сидит рядом?

Последнее я, наверно, выкрикнул вслух. Потому что он спросил:

– Помнишь ли ты своё имя? И то, что тебе снилось этой ночью?

– А как же, – недоумённо сказал я. – А как зовут тебя? И где все мои люди?

Старик улыбнулся:

– Посмотри на меня. Обличьем схож я с кем-то?

– О боги... неужели, здесь?..

– Да, я был царём и мужем богини, бросившей меня. А сына, убитого на войне, не смог проводить в обиталище теней. Враги узнали о его смерти и, перестав бояться, изгнали меня из царства. Безотраднa старость отца, пережившего сына... не дождавшись единственного внука, ушедшего на ту же войну, я нанял корабль и отправился ему навстречу. Зимняя буря утопила злосчастный корабль и всех, кто плыл на нём. Кроме меня. Который год я на острове, не знаю – солнце в полдень всегда высоко, а люди не помнят времени. Но расскажи мне о том, почему здесь ты.

– Всё очень просто... Не хочу возвращаться. Потому что знаю, что будет дальше – со мной и моей семьёй. Ты, верно, здесь уже несколько лет. Что же хочешь от меня и зачем дал отведать плод Цветка?

– Здешнее озеро питает исток подземной реки. Все, кто пьёт эту воду... ты знаешь сам, ничего не помнят о своей родине. Я ни разу не пробовал сам Цветок, потому что когда-то знал человека, сумевшего вспомнить и бежавшего отсюда. Тот самый плод пробудил его память. А я хочу вернуться к своему внуку. Пусть я немощен – он отомстит за меня!

– Сколько я здесь пробыл?

– Немного, два дня. Твой корабль, должно быть, ещё дожидается тебя. Но ты пришел не один...

– Да, помню, – нетерпеливо сказал я.

– Только сорву плодов.

Трое моих спутников нашлись быстро – недалеко от того места, где спал я сам. Они уже вкушали Цветок сегодня, поэтому плоды не подействовали. Никто из питающихся Цветком не хочет уходить отсюда и отказываться от него добровольно. Отвесив для верности каждому из сопротивлявшихся и рыдавших воинов пару затрецин, силком потащил их на корабль. Даже там они вырывались. Пришлось связать и уложить под скамьями для гребцов.

Мои люди на кораблях удивлённо спрашивали – кто этот старик боговидный. Но, посмотрев на него ещё раз, понимающе умолкали. Все знали, кем был его сын, чьё оружие я теперь ношу. Из-за этих доспехов, выкованных не людьми, встретил бесславную смерть и лучший боец ахейского войска, родной племянник плывущего на моем корабле почтенного старца.

А твой сын в царстве Аида спрашивал об отце, Старик. Печалился, что не может более защитить, как при жизни. Да... тогда каждый смертный боялся встретиться в бою с равным богам Ахиллесом, Пелеевым сыном.

...Корабль уносится вперёд с попутным ветром. Ветром, несущим меня домой, к моей судьбе, давно предсказанной тенью вещего Тиресия. Злой судьбе потерять всех товарищей, не застать мать в живых и дом в сохранности, судьбе убивать в собственном доме. И быть убитым родным сыном, пришедшим из-за моря.

Никто мне не предскажет, ждёт ли жена.

Почему должно случиться всё, что назначено? Видят боги, хотел бы я этого избежать. Спасти товарищей, обнять обоих родителей и мирно вернуться в отчизну. Но нить нашей жизни уже соткана Мойрами, и никто, ни боги, ни люди, ее не изменят.

К этой судьбе меня каждую ночь зовёт во сне богиня с сияющими волосами, снова и снова называя по имени:

– Одиссей!..

ВЗЯТКА

Погода выдалась мерзопакостная: пасмурное небо, холодный ветер и мелкий, противный дождик.

С фуражки вода капала прямо за шиворот, на дороге – ни души. А до конца дежурства ещё целых четыре часа...

Лейтенант Бурдух, внешне весьма соответствовавший своей фамилии – фигура напоминала в профиль большую букву «В» – стоял под хлипким навесом КП и курил чёрт знает уже какую по счету сигарету. Пост располагался у главного въезда в город, а на горюшке, в двухстах метрах впереди, возвышалось изваяние могучей бабы, приветствующее всех водителей хлебом-солью на длинном полотенце. Скульптура некогда была воздвигнута как символ города, но в народе получила прозвище «тёщи». Ходили слухи, что прототипом явилась тёща тогдашнего «хозяина» города, подписавшего историческое решение горкома о возведении монумента. Видик у женщины и впрямь устрашающий – метров десять в высоту, мускулы, как у Шварцнеггера, плюс мрачное выражение лица. Дескать, жри хлеб-соль и проваливай, пока не схлопотал по тылке. У Бурдуха такая же сидела дома, до недавнего времени. Слава богу, схоронили, но страх оставался. А ну как придешь домой, а она снова там?

Дождь всё не переставал. Нету машин – нету нарушителей, нету нарушителей – нету денег, нету денег – страшно даже представить... Хорошо хоть, май месяц, а не декабрь.

И тут на дороге вдали показался пошарпанный «жигуль». Ехал он как-то рывками, то и дело пересекая сплошную линию – её мудрые коллеги Бурдуха изобразили в обе стороны от поста, чтобы ковать железо, не отходя от кассы. Лейтенант скорчил страшную рожу напарнику, который уже заинтересованно прекратил жрать семечки и запивать их пивом. Не лезь, клиент – мой!

Жигуль, оказавшийся «шестёркой», подъехал поближе, и Бурдух, тормознув его жезлом, не поверил своим глазам. За рулем восседала пожилая цыганка, с распущенными седыми патлами и в модной бандане – чёрнень-

кой, с мелким белым рисунком в виде черепушек и скрещённых косточек. Намедни младший сынишка Бурдуха клянчил такую же, на что получил категорический отказ.

Вместе с водителем (или водительницей) в салоне «шестёрки» находилось ещё невесть сколько цыганят, штук восемь-десять на глаз – и все уставились на Бурдуха. Ну, едрёна вошь, я вам щас покажу нормы вместимости!

– Инспектор службы дорожного движения лейтенант Бурдух. Ваши документы, пожалуйста.

– Вот документы, милай! Вот права мои водительские, вот техпаспорт. Смотри, дорогой!

– А где доверенность от хозяина машины?

– И-и-и, какая доверенность, зачем доверенность? Вот он, хозяин, здесь сидит, – и цыганка ткнула пальцем, на котором бандылялся немаленький золотой перстень, в одного из цыганят.

– Как это – хозяин? У него ж паспорта нет, он несовершеннолетний!

– Есть, есть паспорт! – и на свет божий был извлечён серпастый и молоткастый документ. Тут Бурдух совсем озверел:

– Ты за кого это меня держишь? Сколько ему лет было, когда этот паспорт выписывали?! Вылазь из машины и пойдём протокол составлять!

– Сынок, отпустил бы ты нас – осталось километр доехать, дети не кормлены, весь день в дороге...

– А у меня что – кормлены? А я – не целый день на дороге?!

Цыганка всё-таки выбралась из машины и побрела следом за лейтенантом, направлявшимся в здание поста. За исключением банданы, одета она была вполне традиционно – в пятьсот юбок и мохеровую индийскую кофту. На ногах наблюдались красные комнатные тапочки с помпонами.

– Сынок, погоди! – негромко сказала цыганка. – Нельзя мне сегодня домой опаздывать, даже на пять минуточек. Солнце зайдёт скоро, и беда тебе будет, если мы уехать не успеем. Денег с собой нету, зато нужную вещь подарю...

– Нужна мне больно твоя вещь, с вами только свяжись.

– Постой, объясню. Чтоб напарник твой не слышал. С этой вещью, да при твоей работе, денег будет сколько хочешь.

Бурдух остановился. А цыганка откуда-то из своих капустных одежек выудила деревянную палочку размером с карандаш.

– Вот, возьми её в правую руку и представь, что это вон та, полосатая, которую тебе начальник выдал.

Недоверчивый Бурдух всё же проделал требуемую манипуляцию и обомлел – «карандаш» моментально превратился в жезл гаишника!

– А теперь слушай меня, золотой, и запоминай: когда у тебя в правой руке эта палочка, ты можешь остановить любую машину, а за что взять с водителя деньги – причина всегда будет. Можешь даже братков тормозить, спорить они с тобой не будут. Наоборот, скажут спасибо, что закрыл глаза на нарушение. Сколько им скажешь, столько и заплатят. А потом всё забудут. Но только запомни – если ты своими руками отдашь палочку другому, память к ним вернётся. Ну, бери, драгоценный, дарю. Берёшь?

– Беру, – машинально сказал Бурдух и махнул рукой – езжай, мол...

Дождь прекратился, и внезапно лейтенант, ещё раз посмотрев на отъезжающий «жигуль» и цыганку за рулем, уже без банданы, разглядел у неё на голове небольшие рожки.

В помещении КП напарник почему-то опять пил пиво и жрал семечки – похоже, про цыганку он успешно забыл. Потому что поинтересовался – что там делать на дороге, раз никого не видно.

Прошло два месяца.

Благосостояние лейтенанта Бурдуха заметно улучшилось – малогабаритный «чарлик» был подарен сыну, а вместо него появился «Мерседес» в 170 «лошадей», с климат-контролем, кожаным салоном, CD-плеером, титановыми дисками и прочими прибабасами. Лейтенанта слегка мучила совесть: этот «мерс» был приглашен из Германии одним из его сослуживцев для себя лично. Но тут, как нарочно, у Бурдуха случилось дежурство на том же КП – и он не устоял перед соблазном. Сослуживец напрочь забыл, что гнал машину, и, уж тем более, что продал её коллеге за сто долларов (совсем бесплатно забрать Бурдух посовестился).

Пару раз, для прикола, были остановлены бравым гаишником и лучшие кореша, с которыми ездил в баню еженедельно: директор последнего оставшегося в городе госпредприятия и владелец торгового центра. Сначала Бурдух собирался остановить их понарошку, чтоб потом вместе посмеяться. Но приятели без звука дали ему запрошенные с каждого пятьсот баксов и тут же забыли о происшествии. Отдавать доллары назад, увы, не хотелось. Вернее, не смоглось.

И таких долларов набралось уже немало. И совершенно невозможно было объяснить жене, почему их вдруг стало такое количество.

Бурдуху пришла светлая мысль – а не съездить ли в столицу и не позволить ли себе расслабиться? Город не так уж велик – не дай бог кто увидит с девками, жене сразу донесут. А родной братец её состоял в местных авторитетах и, кроме того, лицом и характером сильно напоминал тещу. Не дай бог...

Сказано – сделано. И, погрузив объёмистый живот на переднее сиденье нового «мерса», двинувшийся в путь лейтенант из командиров дороги превратился в рядового водилу. Полосатая палочка-талисман мирно дремала на заднем стекле.

Показался въезд в город и, разумеется, при нём КП. Как и положено.

Человек в форме взмахнул жезлом, и Бурдух законопослушно остановился. Пока коллега, оглядев машину и документы, откозырял, пожелав счастливого пути, из помещения КП вынырнула смутно узнаваемая фигура. Тоже в форме лейтенанта дорожной полиции – но вольно расстёгнутой. Под мышкой пребывала фуражка, а её владелец на ходу вытирал бумажной салфеткой блестящую лысину. Вот тут-то в голове Бурдуха и наступило просветление:

– Вовка!!! А ну иди сюда, что ж ты мимо друзей не глядя проходишь!

Окликнутый выронил салфетку, надел фуражку и побежал навстречу Бурдуху, улыбаясь до ушей. Именно побежал, комплектация ему позволяла. Вовка внешне напоминал Кащея Бессмертного в исполнении артиста Миллара, но отнюдь не такого немощного, как в фильме. Ещё в бытность их курсантами бегал быстрее всех – на спор за ящик пива, обожаемого до самозабвения. Последнее на его наружность никак не влияло, в отличие от погрузневшего Бурдуха.

– Ну, привет, привет! Что ж ты, гад, не звонишь и не заезжаешь – сколько раз в гости звал. Ну, поехали ко мне, я уже сменился – Наташка голубцев накрутила, а у меня в холодильнике икорка есть!

– Так надо водки взять, у тебя ж всегда только пиво... Показывай, где тут лучше затариться.

– Э, нет – всё уже есть! – и Вовка открыл багажник стоявшего рядом ухоженного опеля, где Бурдух узрел ящик водки в четырёхгранных бутылках по 0,8.

– Ночью тут фура с водкой ехала, и водила немножко «под банкой» был, вот и откупился.

Бурдух последовал за Вовкиной машиной. Далее пребывание в гостях проходило как обычно – расспросы, объятия, тосты под вкуснейшую закуску. Хозяин застолья, как выяснилось, приbedнялся: в наличии оказались не только голубцы, а и много чего ещё. Разомлевшие приятели вышли во двор, на солнышко – Вовка проживал в частном доме. Тут гость припомнил, что он-то хотел ещё и культурно отдохнуть. Оглянувшись, не может ли услышать Наташа, Бурдух тихонько поинтересовался:

– Вов, а у вас тут какое есть приличное заведение, с бабами? А то я, понимаешь, чуток заработал, а дома отдохнуть невозможно. Из-за шурыка, будь он неладен.

– Сделаем! – тут оглянулся уже приятель, доставая из кармана мобильник.

На машине Бурдуха коллеги поехали в некий массажный салон, туманно заявив Наталье на прощанье о срочно возникшей необходимости поиска и приобретения редкой запчасти для этой самой машины. Потом были ещё водка, коньяк и пиво – подаваемые почти совсем раздетыми девицами. Всё это преподносилось в процессе массажа, банных и других прочих услуг. Лейтенант блаженствовал и раздавал труженицам мелкую долларовую наличность. Затем, умаявшиеся к вечеру, девицы захотели прокатиться по городу. Последнее, что запомнилось Бурдуху – как он надевает на крашеную блондинку с умопомрачительной фигурой собственную форменную куртку и, для пущего соответствия имиджу, вручает полосатый жезл. Причём за спиной блондинки почему-то, как живая, стоит тёща – грозя пальцем, на котором ослепительно сверкает цыганский перстень.

Домой Бурдух вернулся на рейсовом автобусе.

Скажем прямо, вернулся зря.

ДОПШЕЛЬГАНГЕР

Вовка Харитонов заперся в квартире и с упоением квасил. Второй день как.

Упоение проходило, как обычно – сперва были созданы стратегические запасы выпивки по категориям: хорошего, среднего и неважно какого качества. Вовка очень не любил выходить во время процесса из квартиры – портилось настроение, да и соседи лишний раз чтоб не заметили выпимши. Но мало ли чего организму захочется – так что и коньячок был заблаговременно заныкан, и самогон. Потом – заполнен холодильник: морожеными пельменями, сосисками, колбасой и банками маринованных огурцов. Телефон вырублен из розетки, мобильник же завёрнут в толстое полотенце и спрятан в гардероб. Выключать

нельзя, потом не отбрешешься от супруги. А так можно сказать, что уехал на рыбалку, а «трубу» дома забыл.

Повод процессу упоения имелся весомый: сдача толстой рукописи в издательство. Ну, «рукописи» – это фигурально выражаясь... кто ж сейчас пишет ручкой на бумаге... Хотя сие сочинение Вовке далось с таким трудом, что, ей-богу, за это время можно было б вручную написать весь текст печатными буквами, причём раз двадцать.

Никаких нашествий друзей, врагов и родственников на текущей неделе не ожидалось. Жена уехала к маме, ещё позавчера. А потому имелась редкая возможность пораслабиться дня три-четыре, а за выходные обратно прийти в норму – ну, как её, норму, представляли супруга и теща... последняя вскоре ожидалась в гости, будь она неладна.

Сегодня с утра процесс характеризовался уже водкой среднего качества. Расположившись в кресле перед компьютером, изобретательный Харитонов запивал её натуральным свежесваренным кофеом – так можно было растянуть удовольствие. Вместо собеседника-собутыльника с монитора вещал Майкл Мур, клеймя свою гнусную родину. В принципе, Вовка с ним соглашался, ловя себя на мысли, что Саддам был намного приятственней Буша-младшего, потому как рулил только своей родной страной. А вот Буш, равно как и Вовкина теща, норовили везде, где только можно, установить собственный миропорядок.

Мур надоел, и Вовка слез с кресла – остальные диски стояли в шкафу на полочке. Направляясь за новым фильмом, вынужденно прошёл мимо зеркала, в котором отразилась его щетинистая и, уже немножко помятая за последние сутки, рожа.

...Стоп!

Что-то не то там отразилось, определённо.

За спиной у него стоял ещё один Харитонов, только свежесвыбритый и ухмыляющийся.

И одетый в весьма неожиданный наряд – этот костюм, абсолютно точно, ещё в прошлом году отправился на помойку по причине несмываемых пятен на брюках и прожжённого сигаретой пиджака. На двойнике, однако, прикид выглядел как новенький, будто двенадцать лет назад – в год, когда Харитонов женился. Собственно, на свадьбу костюмчик и был куплен. И потом надевался только по праздникам, под давлением жены – в миру Харитонов носил джинсы и футболки, чтоб никаких рубашек на пуговицах или, не дай господь, галстуков.

Вовка застыл на месте, таращась в зеркало.

Двойник, выйдя из-за спины, потянул его за плечо, делая недвусмысленные знаки о готовности злоупотребить вовнутрь и доставая из кармана пиджака мерзавчик водки незнакомой разновидности. Нет, какой там незнакомой – выпускалась когда-то такая, как раз в период начала Вовкиной семейной жизни. Даже была куплена в ларьке рядом с загсом и втихаря выпита перед росписью, для храбрости.

Обалделый Харитонов покорно дал себя увести на кухню.

Харитонов-два повёл себя как дома, и прикрикнул: «Ну, чего копаешься? Наливай и садись!»

Когда мерзавчик был уже разлит в два стакана, и на тарелке лежала нарезанная на скорую руку колбаса вперемешку с огурцами и завалившимся в холодиль-

нике лимоном, Вовка решился наконец посмотреть в лицо двойнику. Выяснилось, что и сам двойник значительно «новее» Харитонова, а не токмо костюм.

– Это откуда ж ты такой взялся? – не удержался от мысли вслух Вовка.

– От верблюда, понятно? Сам же меня и создал! И до сих пор не давал материализоваться, жлоб... Двенадцать лет я нормально пожрать и выпить мечтал!

– Никого я не создавал! – возмутился Вовка. – И вообще, ты мне только кажешься. Вот завтра проснусь, и не будет тебя. Тоже мне, создание – у меня и детей-то нет, чтоб кого создавать.

– А вот потому и нет, – ехидно отвечивал собеседник. – А ну-ка, вспомни – что ты думал в тот день, когда впервые надел этот костюм?

– Ну... думал – хорошо бы сбежать куда-нибудь, чтоб не пришлось жениться на Верке. А деваться-то было некуда, она ж залетела. Да ты и сам должен знать, если ты – это я.

– Ну вот оттого ребёнок и не родился живым. Не хотел ты, чтоб он был, получается: поэтому нежелательное биополе надо было срочно куда-то пристроить. Но стать материальным я не мог до тех пор, пока ты не расслабился до полной эйфории. И вообще – если человек очень хочет *не* совершать какой-нибудь важный поступок, линия жизни раздваивается. Со всеми материальными последствиями.

– Интересно, – задумался Харитонов, – а если я, к примеру, стою в магазине и покупаю водку, но знаю, что нельзя её покупать, потому что завтра у редактора надо быть приличным и трезвым, это тоже создаёт двойника?

– Нет, считаются только поступки, от которых зависит жизнь других людей... Ну, чего мы сидим? Поехали!

«И немедленно выпил», прям как у Ерофеева», – подумал Харитонов, глядя на собрата, смачно захрустевшего огурчиком.

– Так ты у нас, получается, допельгангер? А почему тогда можешь отражаться в зеркале? Им вроде этого не положено.

– Это немцам не положено, – обиделся Харитонов-два. – А я русский, как и ты. Мы умеем всё, а больше всего то, что не положено каким-нибудь хилым европейцам. Если мы проведём рядом с человеком-хозяином хотя бы сутки, материализовываемся окончательно, и тогда... Эх, вот теперь житуха настанет – ты только представь! Захочешь, к примеру, налево сходить – так с Веркой твоей останусь я, а ты иди себе спокойненько, алиби-то есть в любом случае. Или неделю квасить – да проще некуда, снял квартиру и вперёд, без страха и упрёка. И упрёков после – никаких! – заржал допельгангер.

Харитонов, несмотря на состояние упоения, похолодел.

– Э, нет, подожди-подожди! – возмутился он. – Это я, значит, буду на чужой квартире, а ты тут с моей женой прохлаждаться?!

– А какая тебе разница, ведь ты – это я и есть, и наоборот, – продолжал веселиться уже подвыпивший Харитонов-два.

– А фигулю под носулю не хошь? – принял решение Вовка. – А ну немедленно вон из моей квартиры!

Тут двойника пробрало до косточек:

– Эй, ну ладно тебе! Это ж просто добрососедское предложение. Не хочешь – не надо: подумаешь, была бы честь предложена... А только я не могу далеко

от тебя уходить. Оно тебе надо, если соседи увидят тебя же самого, спящего на коврике под дверью?

– А дематериализоваться слабо?

– Ну я ж не могу так сразу, это сильные эмоции нужны и веская причина.

– Будет тебе причина, – зловеще посулил Харитонов, нашаривая за спиной буфет – на нём Вера держала церковные свечи и стакан со святой водой. Окунув дрожащие пальцы, поспешно брызнул на Харитонова-два. Тот истошно завопил, а в местах попадания воды стал прозрачным и задымился.

– Ты чего?! Перестань, счастья своего не понимаешь!!!

– Понимаю-понимаю... – под вопли допельгангера Вовка вылил на него остальную воду. Изображение исчезло под шёпот «я тебе ещё понадобится, сволочь». После этого Харитонов зажгёт одну из свечей и не поленился обойти с ней всю квартиру, крестясь мокрыми пальцами. В помещении слегка попахивало дымком, но к окончанию процедуры всё исчезло.

В субботу раздался звонок в дверь. Вовка пошел открывать и впустил сияющую Веру.

– Ой, у меня ключ лежит на самом дне сумки. Подумала – а вдруг тебя нету, это ж всё надо из нее вытаскивать, чтоб открыть самой, – и жена стала извлекать из багажа разные соленья-варенья. – А что это у нас такая чистота в доме? – удивилась Вера.

– Да это я тебя ждал, а делать было нечего, – искренне ответил Вовка и поцеловал её. Где-то в районе порога раздалось невнятное шипение, которое, впрочем, сразу же затихло.

Через девять месяцев Вовка, тесть и теща забирали Веру из роддома.

Тёща вела себя непривычно дружелюбно, даже предложила немедленно отметить рождение внука. Счастливый Харитонов выпить ради такого повода согласился, но без энтузиазма: с тех самых пор стал бояться расслабиться и потерять бдительность. Мало ли чего – вдруг «они» возвращаются...

ЯНА КАЗАЧЕНКО

Поэт и прозаик, автор фантастики. Печаталась в коллективных сборниках «Армагеддон уже был» (2007 г.) и «Дорога через миры» (2009 г.) (Москва, издательство «Александр Пересвет»). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Живёт в Бельцах.

Поле 65 славы

ПОБЕДИТЕЛИ

МАРАТ КАЛИНЕНОК

*В трудных снах оживая,
Бьет метель фронтная,
Вся в рубцах да в ожогах
Наша память живая.*

Когда меня спрашивают, какие случаи, мгновения происшедшие на войне, остались в памяти больше других, я затрудняюсь ответить – ибо все дни, проведенные мною на фронте, состояли из этих случаев, мгновений, каких-то моментов. Я не сгорел в танке – хотя горел неоднократно. Я не пострадал от артиллерийских обстрелов и бомбежек. Я потерял много друзей, товарищей, воевавших со мной в одном танке. Не лежал в госпиталях, хотя ранения, контузии не обошли и меня. Я выжил. Как? И сам не знаю. На войне как на войне. Все было в дороге, но память хранит...

1

Февраль 1945 г. Наш танковый батальон попал в окружение. Непрерывные бои продолжались несколько дней и ночей. Мы несли тяжелые потери в людях и технике. В одном из боев после уничтожения артиллерийского орудия противника мы попали под шквальный огонь артиллерийской батареи. Танк был подбит, заклинило башню. По моей команде экипаж быстро покинул танк. Сам же я замешкался, не смог отсоединиться от раций. Сорвав с головы шлемофон, я попытался выбраться, но не получилось. В танк один за другим попадали снаряды, правда, осколочные, рвались они и рядом с танком. Когда я все же выбрался из танка и упал возле него, то увидел лежащего рядом убитого лейтенанта, командира десанта. Взяв его документы, я отполз подальше от танка. Мои товарищи, видевшие бой издали, подойти ко мне днем не могли из-за плотного артиллерийского и пулеметного огня. Издали они приняли погибшего лейтенанта за меня и, передавая в штаб батальона сведения о потерях, сообщили о моей гибели.

Дня через три, выйдя из окружения, мы прибыли в расположение батальона. Мой друг Иван Дубовик, увидев меня, остолбенел, смотрел широко открытыми

глазами и ничего не мог сказать. Наконец с трудом произнес: «Ты... жив?» Потом добавил: «На тебя уже «похоронку» отправили из штаба». Эти слова для меня были самыми трагичными. Я с ужасом представил, что будет с моими родными. Больная мать, потерявшая во время эвакуации уже двух своих сыновей, могла бы просто не перенести гибель третьего сына. Я сразу же написал письмо, сообщая, что жив-здоров, и четко проставил в нем дату написания. Мое письмо дошло до дома, а «похоронка» не пришла – видимо, была аннулирована в вышестоящем штабе после получения точных сведений о наших потерях.

2

Свободного времени у воинов-танкистов, да и у солдат других специальностей, во фронтовой жизни практически не бывало – то бои, то подготовка к ним, то обслуживание техники и многие другие заботы бойцов.

Желание как-то выразить свое восприятие происходящих событий, и не только в разговорах, было у многих фронтовиков. И в наших фронтовых буднях бывали минуты, а то и часы и дни, когда можно было написать письмо своим родным и близким, своим любимым, спеть про себя или хором какую-нибудь песню по своему настроению. А песен было достаточно! На песнях двадцатых, тридцатых годов воспитывалось молодое поколение страны – песни становились неотъемлемой частью нашей жизни. Они были всегда с нами. Эти песни (многие из них) и сейчас живут с ветеранами войны – слов мы их не забыли!

Это песни: «Если завтра война», «Три танкиста», «Шел отряд по берегу...», «По долинам и по взгорьям», «Полюшко-поле», «Прощай, любимый город», «За далекою Нарвской заставой», «Ты ждешь Лизавета...», «Синий платочек», «Жди меня», «Раскинулось море широко», «Наверх вы, товарищи, все по местам» (о «Варяге»), «Степь да степь кругом», «Вставай, страна огромная» и многие другие.

У многих из нас возникала мысль – сочинить свою песню или стихи, в которых рассказать о своей фронтовой жизни, о своих мечтах, настроении. Такая попытка была сделана в ноябрьские дни 1944 года. Два командира танков Т-34, младшие лейтенанты Марат Калинин и Петр Попов, (мы были из одного взвода) сочинили следующие строки:

Дни проходят своей чередой.
Вот недавно мы были в Литве,
А сейчас мой приятель с тобой
Отдыхаем на прусской земле.
Нас осталось совсем немного,
Нет Володьки и многих друзей.
Но одна лишь у нас дорога –
Добивать поскорее зверей.
Пусть на улице осень в разгаре,
Пусть идут снега и дожди.
Скоро вновь по фашистам ударим,
Так что, враг, ты пощады не жди.
А сейчас мы песни распеваем,
Подкидая в печурку дрова.

И прошедшие дни вспоминаем,
Как нас встречала Беларусь и Литва.
И если только по правде признаться –
Мы научились ценить,
Как нужно за счастье сражаться,
Если хочешь свободу любить!
И когда отгремят канонады,
И настанут счастливые дни.
Так же сидя с тобой у ограды,
Вспомним те боевые деньки!
И второй наш совместный опус
Вот прошла уже пара недель,
Как мы валяемся без дел.
Дни летят незаметно,
Без горя, нужды и забот.
Дни проходят за картежной игрой
И за дымом солдатской махорки,
Оксич пишет письма домой
А у Сашко на плечах лежат шестерки.
Козило жует хлеб сухой (*механик-водитель*)
Федоренко хлещет холодную воду (*командир орудия*)
А Валетко – любопытный такой, (*радист*)
Смотрит в окно на природу.
А на нарах крики и смех.
Их один человек лишь не слышит –
Это Саша – наш помпотех,
Путевки за три месяца пишет.
Там Труханов котелками гремит, (*старшина роты*)
От грязи их очищая.
А Белов спросонья кричит, (*командир орудия*)
Марфу во сне обнимая.
И когда в края золотые
Мы с Победой вернемся домой,
Вспомним наши дни боевые
Пруссию и дом небольшой.
Вспомним Валетку, Шакира, Белова,
Оксича, Козилу, Петра и Марата,
Ротного, Баженова Сашу
И выпьем за всю компанию нашу!

3

5 января 1945 г. в районе г. Гольдап (на границе с Восточной Пруссией) немецко-фашистские войска прорвали оборону и оттеснили нашу пехоту. Командованием было принято решение провести ночную операцию по восстановлению положения. Для нас, танкистов, эта задача была особенно трудной, потому что даже при дневном свете, как писал танкист-поэт С.Орлов: «В машине мрак и теснота... Свет, словно узкая черта, сквозь щель едва-едва пробился». Ночью же в танке сплошная тьма. В ночном бою для того, чтобы увидеть цель, приходилось, вопреки всем строжайшим приказам и наставлениям, периодически открывать люки и высматривать цели. Утром подвели итоги боя. Они были ошеломляющими – на поле боя осталось 43 танка, самоходки и бронетранспортера врага. Наши потери – легко подбит один танк.

Утром после боя командир батальона В.Кожихин оставляет меня с тремя танками у высоты с приказом ожидать сигнала о дальнейших действиях. Сам же с остальными танками двинулся в обход высоты. Через некоторое время к нашей стоянке прибыл второй батальон и с ним командир бригады полковник А.И.Соммер. Он приказывает двигаться к передовой. Я пытаюсь объяснить, что мы из 3-го батальона и нам приказано оставаться на месте и ждать сигнала. Командир бригады не слушает меня и дает команду: «Вперед!» Делаю еще одну попытку объяснить... получаю в ответ «оплеуху» и команду: «Вперед!» Подчиняясь приказу, начинаем движение. Через некоторое время увидели отступающие части противника и с ходу открыли огонь, уничтожив еще одну самоходку. Прибывший командир бригады отдает новый приказ – занять расположенный впереди нас хутор и укрепиться там до подхода пехоты. Открыв оружейный и пулеметный огонь, мы на большой скорости ворвались на хутор, уничтожив по пути еще одну самоходку и изъязв у экипажа, как выяснилось, очень важную оперативную карту.

Часа через три под сильным обстрелом подъехал командир бригады. Я доложил ему о выполнении задания и передал карту. Он объявил всем нам благодарность, а мне вручил орден Красной Звезды – мою первую награду. Потом, всматриваясь в меня, спросил: «Сынок, не тебя ли я утром стукнул?» Получив утвердительный ответ, произнес: «Извини меня, сынок, это было в горячке боя».

Так закончился этот курьезный эпизод.

Хотелось бы сказать несколько слов о нашем командире 89-й Тильзитской орденов Суворова и Кутузова II степени танковой бригады полковнике Андрее Иосифовиче Соммере. Он из потомственных военных, участник первой мировой и гражданской войн. Я поддерживал с ним переписку вплоть до его кончины в 1966 г. Дважды был у него в гостях. Вспоминали войну, боевых друзей, погибших и живых, и описанный мною эпизод. В одной из своих открыток в 1962 году он писал мне: «Ты меня прости, старика – не всегда стал отвечать на письма... Но всегда помню своих боевых друзей и очень рад получать весточки».

Генерал-майор, Герой Советского Союза А.И.Соммер похоронен в г.Калининграде (Кенигсберге). Там же есть улица его имени, в начале которой стоит легендарный танк Т-34.

4

Письма, письма... Весточки-треугольнички от родных и близких, друзей и совсем незнакомых. Дорогого они стоили! А для многих стали судьбоносными, как и для меня.

Где-то в начале весны 1945 года, после длительного перерыва я получил письмо от мамы, в котором она после рассказа о семейных событиях писала, что к ним по моей просьбе приходила девушка, чтобы узнать причину их долгого молчания и справиться о здоровье. Девушка им понравилась, и мама спрашивала – откуда я ее знаю?

Вернусь немного назад и расскажу, как и откуда она появилась. Это было летом 1944 года. Во всем уже чувствовалось приближение нашей Победы над фашизмом. В свободное от боевых будней время мы мечтали о возвращении домой, встречах с родными, строили планы на будущее. В этот период во многих газетах страны печатались письма фронтовиков с просьбами писать им. «Ваши письма, – писали бойцы, – вдохновляют нас на Победу, поддерживают наш дух, вносят во фронтовые будни радость и уверенность в будущем».

Именно тогда два сержанта моего экипажа написали такое же письмо в газету «Оренбургская правда» г.Оренбурга, где в то время проживали и мои родные. Через некоторое время в наш адрес стали поступать десятки и десятки писем в основном от школьниц, девушек, женщин и даже пенсионерок. Некоторые были с фотографиями. Письма читались всеми нами с большим интересом, так как писавшие их относились к нам, фронтовикам, с искренней любовью, сообщали о себе, жизни в тылу и той помощи, которую они оказывали фронту, желали нам скорого возвращения домой. Я попросил у своих ребят несколько писем, чтобы ответить на них. Они в ответ предложили: «Лейтенант, выбирай любые». Взяв несколько, я написал. Вскоре получил ответы, завязалась переписка, продолжавшаяся до конца войны. Но с одной из своих корреспонденток, ученицей 9-го класса Ниной Дробы, она продолжалась 6 лет и закончилась в феврале 1950 года оформлением нашего семейного союза, продолжающегося до сего дня. Вот так военное время и письма соединили нас на всю жизнь. Судьба.

* * *

После окончания войны я многие годы практически ничего не писал. Демобилизовавшись в конце 1948 г. из армии по болезни, закончил среднюю школу, потом Кишиневский Госуниверситет, работал преподавателем, на партийной работе, защитил кандидатскую диссертацию. Практически только после 1967 г. – когда мы отметили 25-летие нашего танкового корпуса – стал немного писать.

ОДНОПОЛЧАНАМ

Все чаще вижу я ночами
Свой первый, свой последний бой.
И Вас, друзья-однополчане,
Страну прикрывшие собой....
Наш корпус танковый недаром
Высоким орденом отмечен.
Он сокрушительным ударом
И в Сталинграде, и в Унече
Громил и мял, и рвал на части
Лихих эсэсовцев полки,
И гнал врагов фашистской масти
До Кенигсберга. Пруссаки
Там были снова, снова биты.
И пусть запомнят навсегда:
Во имя памяти убитых,
Во имя Мира и Труда
Стоят на страже, зная дело,
Дивизий танковых сыны.
Традициям отцов и дедов
И нашей Армии верны...

МАРАТ КАЛИНЕНОК

Родился 21 июля 1925 г. в семье военнослужащего. В 1942 г., будучи учеником 9-го класса, призван в школу ФЗО /фабрично-заводское обучение/. По окончании работал токарем на военном заводе.

В начале 1943 г. в возрасте 17-ти с половиной лет добровольно вступил в ряды Красной Армии и был зачислен курсантом Полтавского танкового училища в г. Мары. По окончании его получил звание младшего лейтенанта и должность командира танка Т-34.

С марта 1944 г. на фронте. Участвовал в боях по освобождению Белоруссии, Литвы, Латвии, а также на территории Восточной Пруссии. На фронте был более года и закончил войну, не достигнув 20-ти лет.

За боевые заслуги был награжден 4-мя орденами. Орденами Отечественной войны I и II степени; дважды орденом Красной Звезды; медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в ВОВ 1941–1945 гг.». По свидетельству корпусной газеты «За Родину» от 19.05. 1945 г. экипажами танков, которыми я командовал, было уничтожено: «11 танков и самоходок, 7 артиллерийских орудий, 12 пулеметных точек».

После демобилизации в конце 1946 г. закончил среднюю школу и в 1949 г. поступил в Кишиневский госуниверситет. Там же закончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. В течение 38 лет работал на кафедрах истории КГУ и КГПИ им. М.Крынгэ. Доцент. В 1985 присвоено почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы МССР». С 1992 г. – на пенсии.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

В ОЖИДАНИИ ОСЕНИ...

В конце прошлого августа мне пришло письмо из Российского посольства в Молдове. В нём сообщалось, что по итогам конкурса, проводимого Фондом Социально-экономических и интеллектуальных программ при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, меня приглашают на Международную Московскую книжную выставку-ярмарку. Это показалось неожиданным подарком. Я тут же написала письмо в Фонд, мол, не ошиблись ли? Форум молодых писателей по итогам конкурса намечался на конец октября в подмосковных Липках, а тут сентябрь, и вдруг – письмо из Посольства. Но в Фонде всё подтвердили. Билеты были куплены, и я с нетерпением стала считать дни до начала осени.

Москва первого сентября не отличалась от Кишинёва. Она встретила ясным небом, жарким солнцем и домодедовским дворником, который заговорил со мной с таким родным молдавским акцентом, что я не удержалась и сказала ему «Ногос!»*. Он улыбнулся в ответ. Всё начинается хорошо – Москва встретила улыбкой.

Гостиница «Турист». Со мной в номере девочка из Крыма. Любовь Василенко. Я для себя назвала её Любашей. Почему-то сразу показалось, что мы знакомы тысячи жизней!

Вечером читаю Любашины стихи и поражаюсь: как неожиданно интересно она рассказывает в них о том, что чувствует, о том, что видит вокруг. Её стихи – искания души. Зрелой, мудрой, утончённой... И я очень хорошо их понимаю.

* * *

Программа мероприятий на ярмарке была очень насыщенной. Встречи, конференции, награждения и презентации, поэтические чтения, персоны, имена, имена, лица, лица, лица... Скоро голова начинает идти кругом. По ассоциации вспоминаю Артек, май 1987. Тогда всё было похоже на быстро меняющиеся картинки в бесконечно вертящемся калейдоскопе. Нас тоже было около двадцати человек из разных республик бывшего Союза. Мы радовались возможнос-

* «Привет!» (молд)

ти общаться, изнывали от загруженности плановыми мероприятиями и заранее сумасшедше тосковали от предстоящей разлуки. Прошло двадцать два года – пятеро из нас общаются благодаря интернету и по сей день...

Несмотря на страшную усталость, после встреч и церемоний награждения мы собирались вечером у кого-нибудь в номере и общались уже неофициально. И тогда доставались сладости, кем-то привезённые из дома. На столе появлялось абхазское вино и домашняя аджика, молдавский коньяк, а девчонки-сестрёнки из Бишкека заваривали чай – я долго не могла запомнить, кто из них кто – Лика-Лейла-Наргиса.

Пятница. Мы сидим на Торжественной церемонии награждения победителей VI Международного конкурса государств-участников СНГ «Искусство книги». Рядом со мною парень, который приехал только сегодня – Тамерлан Тадтаев из Цхинвала. В его руках книжка. «Сын»

– Твоя? Можно посмотреть? – задаю вопрос.

Он протягивает мне книгу. По привычке раскрываю её с конца. Пролистываю последний рассказ и начинаю читать предпоследний. «Судный день». Две страницы, пять... На сцене кого-то награждают, кажется, упомянули и Молдову, но я уже давно не в зале. Передо мною ужасы войны, которую мы можем себе только «слегка представить», сидя дома у телевизора и мельком слушая выпуски новостей. Я уже плохо вижу строки книги – перед глазами раздавленное гусеницами танка тело младенца. В голове пронесется малодушное: «Слава Богу, что это не с нами». Я подхватываю свою сумку и слепо пробираюсь к выходу. Комок в горле требует обезболить себя вырвавшимся звуком. В фойе сажусь за какой-то столик.

Это невозможно читать, но и невозможно остановиться.

«В одном из подвалов живые сидели с мертвыми. И те и другие были бес- сильны что-либо предпринять»... «Мне хочется плакать, еле сдерживаюсь, но слезы все же каплют на мостовую многолюдного Владика. Встречные лица ни о чем не говорят мне. Да и что они могут сказать – люди, не видевшие, что творилось в Цхинвале 8 августа, когда небо упало на землю и раздавило наши души»...

А я снова вспоминаю Артек. Мальчик-грузин Леван Джавахадзе... Когда начался конфликт, я написала ему сообщение, чтобы спросить, как у них дела. У него семья – двое мальчишек. Я помню, как переживала за них тогда. А теперь, думаю, как переживала бы, будь я давно знакома с Тамерланом и Леваном. За кого волновалась бы больше? Всё равно разрывалась бы в своих переживаниях и за тех, и за других. Разве у дружбы, у любви существует национальность?!

В последний вечер перед отъездом собираемся в номере у девчонок из Бишкека. Они улетают рано утром. Чуть позже – Анаиточка и Дилором Солибоева. Им всем вставать рано утром. Читаем стихи по кругу. Потом кто-то предложил спеть каждому что-то на родном языке. Игорь Тулуша поёт на туркменском. Дима и Алхас обалденно в два голоса поют абхазскую песню. Потом на киргизском – сестрички Карасартовы. Тамерлан находит в мобильнике осетинскую песню. Снова читаем стихи...

Каждый человек запоминается нам чем-то особенным. Я сижу рядом с

Анаит Татевосян – «ангел, который всегда улыбается». Такой я запомню эту девушку из Армении.

Дилором Солибоева из Таджикистана – «сосредоточенная противоположность Анаит». Улыбается редко, но зато как!

Игорь Тулуша.

– Мальчик, какой у тебя рост?

– Два метра с копейками. Но я ещё расту!

Конечно, это в шестнадцать лет!

– Расти большой и умный! – смеёмся.

Любаша – «взлетающие ресницы». Хасик – Алхас Чхамалия сразу же перекрещен в «Алмазика». Дима Габелия тоже – «молодой человек в чёрном». Потом узнаю – это траур по недавно умершему отцу... Он показал мне свои новые стихи – любовная лирика:

– Прочти их сегодня вечером на поэтических чтениях! Они замечательные!

– Я стесняюсь...

Так и не прочёл их перед аудиторией...

Диана Балыко из Минска – «девушка-праздник». Если тихо, значит, Дианы нет рядом. Огромные красивые глаза и широкая улыбка Дианы видны издали. Всегда скромно в сторонке – армянин Арутюн Овакимян.

– Ты где учишься? – спрашиваю я.

– На модельера.

– Ух ты! Шьёшь себе вещи?

– Иногда. Но больше всего я аксессуары люблю сам себе делать. Галстуки нравится придумывать. Можно я с Вами сфотографируюсь?

Он мне на ВУ. Я для него, молодого девятнадцатилетнего мальчика, тётя, наверное. Смеюсь:

– Можно, конечно.

С алмаатинцем Ваней Бекетовым мы разговаривали о поэзии, о культовых фильмах и режиссерах – Кустурице, Ким Ки Дуке, Тарковском. Неиссякаемый кладёз информации о новой поэзии, новых именах. Я запомнила его стихи «Цвет пшеничный» – удивительно чувственная лирика, написанная верлибром:

*... Утром Я увидел сотни лежащих на земле солнц
Семянная сердцевина которых напиталась цветом её волос
Её не было рядом но я знал
Что на каждом из этих блюд с жёлтой каймой
Лежат семена орошённые капелькой её пота
В то Утро я познал Бога...*

Утром из гостиницы разъезжались в спешке. Кто-то так и не успел попрощаться – уж очень рано нужно было уезжать. Мы с Тамерланом выходим последними:

– Пока!

– Удачи тебе!

– Увидимся в Липках!

* * *

Я возвращаюсь в Кишинёв и теперь живу ожиданием октября. Считаю недели... потом дни... часы...

* * *

Автобус остановился на площадке перед воротами.

– Приехали, – за моим сидением чуть привстал Александр Казинцев из «Нашего современника». Но это я потом узнала, кто он. Сейчас же я видела перед собой улыбающегося человека с длинными волосами, бородой и усами. Классический образ свободного художника.

– Тамик, я приехала. Вы уже здесь? Сможешь выйти помочь мне с чемоданом? – единственный московский номер телефона из тех, кто был со мной в сентябре, – номер Тамерлана.

Тамерлан помогает мне с вещами. Навстречу нам по аллее идут Дима Габелия и Анаит:

– Вика, здравствуй! Тебя все тут так ждали, что я, кажется, только что видела твой фантом! – улыбается, как всегда, Анаит, подтверждая моё убеждение, что поэты сильные сенситивы и просто чудачки.

* * *

С Любашей в номер я не попадаю. Жалко, мы хотели быть вместе. Всё равно большую часть времени проводить будем на семинаре. А записаны мы в один мастер-класс – к Кириллу Ковальджи – поэту, прозаику, критику, переводчику, заслуженному работнику культуры РФ, главному редактору интернет-журнала «Пролог» и просто замечательному человеку!

* * *

День открытия. Вчера вечером мне звонила Наталья из оргкомитета Фонда и попросила подготовить небольшую речь для открытия. Я как представитель Молдовы должна что-нибудь рассказать о том, как у нас поддерживают молодых авторов. Ужасно волнуюсь. Спускаясь по лестницам, спотыкаюсь. Молодой человек, который помогает координировать Форум, подбадривающе улыбается.

Мы в зале. Сергей Александрович Филатов открывает Форум. Зачитывают поздравления и напутствия президента Российской Федерации Дмитрия Медведева. Потом по очереди выступают редакторы толстых литературных журналов, известные поэты и прозаики, ученые, политики. Я слушаю выступающих и продолжаю нервничать. На сцене вручают «Магистра литературы». Из всех награждённых мне запоминается только Сулиман Мусаев из Грозного. Он прошел в номинации «Малая проза» со своими рассказами. Парень скромно выходит на сцену... в шлёпанцах. В таких резиновых шлёпках, в которых ходят на пляже и дома. И это выглядит так трогательно, что я на какой-то момент забываю о своём волнении. Я наблюдаю, как Сулимана фотографируют с дипломом и букетом роз в руках... Сулимана я начну читать дома, в Кишинёве. И снова буду плакать над рассказами. Так же, как плакала над книгой Тамерлана...

А церемония продолжается. Форуму предлагают дискуссию о современной литературе. Среди поставленных для аудитории вопросов такие: что такое литературный успех, горят ли рукописи, что сегодня собой представляем молодой литератор, каков сегодняшней литгерой, сохраняется ли русская традиция в литературе, формирует ли она новое мировоззрение и должна ли стремиться к этому, опыт или литинститут делают автора литератором, вопрос о свободе писателя и его взаимоотношении с властями, существует ли региональная автономность в литературе... В дискуссии принимают участие и молодые и мэтры. Много интересных мыслей. «...Не покидает ощущение застоя в литературе. Обезличенность нового героя. Штампованный образ пустого бездельника, потерявшего смысл жизни и даже не пытающегося размышлять над этим...» – вот вопросы, красной нитью сквозящие во всех дискуссиях. Тем не менее, появляются же новые талантливые писатели! Главный вопрос в том, как молодым ребятам дойти до читателя, если пробиться сквозь фронт мэтров не так просто. Возможно, липкинские форумы и есть круг, брошенный слепым котяткам во спасение?..

Сам форум впечатляет своими масштабами: в нем принимают участие молодые писатели и поэты из 65 регионов России и 14 стран СНГ и зарубежья! За девять лет его существования было открыто много новых имён в современной литературе. Более 200 молодых авторов были опубликованы в «толстых» литературных журналах, изданы самостоятельными изданиями и вошли в различные сборники. Ежегодно 15 молодых авторов удостоиваются Государственной стипендии. Детские писатели-участники Форума принимали участие в крупных региональных Фестивалях детской книги. Форум молодых писателей России приобрел международную известность и стал вдохновителем для организации аналогичных Форумов в регионах России, Казахстана, Беларуси и Украины.

Критерием отбора участников, приславших свои рукописи на конкурс, является уровень произведений, а гражданство и национальность значения не имеют. Таким образом, форуму законно можно присвоить название международного. Отбор достаточно серьёзный, и участие в форуме не только престижно, но и многообещающе для молодых авторов в плане дальнейшего продвижения к читательской аудитории. Всего в этом году на форум поступило более полутысячи заявок. Совет экспертов отобрал 180 лучших авторов, которые и стали участниками форума в Липках.

Форум проходит в рамках программы «Молодые писатели России». Целью программы является сохранение традиций русской словесности, поиск и помощь в продвижении молодых талантливых авторов центра и окраин России, поддержка молодой русской литературы зарубежья.

В программе 9-го форума принимают участие писатели, учёные, общественные деятели, экономисты, такие как Юрий Симонов-Вяземский, Леонид Гозман, Павел Бардин, Георгий Сатаров, Александр Городницкий, Мариэтта Чудакова, Владимир Маканин и многие другие.

И вот меня вызывают на сцену... Я – в ослепительном луче софита и так волнуясь, что потом не могу восстановить подробности своей «речи», но «мои» хвалят, говорят, что я молодец!

После церемонии открытия высыпаем в фойе. Первый мастер-класс решено проводить именно здесь.

Ещё в мой сентябрьский приезд в Москву я пыталась найти Татьяну Кузовлеву. В свою студенческую московскую юность моя мама была знакома и дружна с Татьяной и Феликсом Чуевым. Почему я сразу, тогда в сентябре, не догадалась спросить о ней в Фонде?! Но, видимо, всему своё время. На этот раз я заранее, ещё из Кишинёва, попросила Наташу Серкову помочь мне найти Татьяну Витальевну. И Наташа выслала мне координаты Татьяны. Мама плакала после телефонного разговора с Татьяной Витальевной – столько лет прошло, а голоса в трубке звучали для них как прежде, и говорить было о чём...

И вот я стою посреди липкинского фойе и ищу глазами поэтессу Татьяну Кузовлеву. Наконец выделяю из толпы её стройную фигурку. Мы отошли в сторону и недолго общались. Такая тёплая встреча. Словно это я, а не мама дружила с Татьяной Витальевной в юности. Она вспоминала, как они студентами уплетали присылаемую маме из Кишинёва баклажанную икру. «Она пахла дымком» – говорила Татьяна. А я слушала, смотрела в её глаза и сжимала в руке её ладонь. Как всё-таки везёт мне в жизни на хороших людей! Замечательная, талантливая, красивая женщина! Благодарю судьбу за встречу с ней.

Занятия в мастер-классах проходили по чёткой схеме: накануне всем раздавались распечатки со стихами обсуждаемого автора. Семинаристы готовились, делали заметки, планировали ход дискуссии. Наутро занятие начиналось с авторского чтения, назначенного на сегодняшнее обсуждение. Поэт читал около пяти-семи своих стихотворений. Причём читать рекомендовалось с листа и без выражения – чтобы не уводить внимание слушателей артистичным исполнением от смысла и конструкции предлагаемого произведения. Затем начиналось подробное обсуждение. Сначала выступали оппоненты, нашедшие в предложенных стихах ляпы, неточности, тяжеловесные конструкции и т.д. Все эти спорные моменты пристрастно обсуждались и подробно, пошагово разбирались. Избитые образы, простые рифмы, замыленное на чужих стихах видение окружающего, слова-паразиты, служащие «голыми» связками, вытягивающими размер стихотворения – все те «костыли», которые предлагалось авторам отбросить и увидеть своё обнажённое детище в этом ракурсе. Потом переходили к положительным моментам и наиболее удачным, свежим авторским поэтическим находкам. Резюмировали обсуждение всегда мэтры.

Первый мастер-класс начался с обсуждения стихотворений Володи Жбанкова. Слышно было плохо – нас было много, и всё-таки фойе оказалось не лучшим местом для проведения занятия. После обеда уговорились встретиться уже в закреплённом за нами месте. Стихи Володи показались немного неожиданными. Два из них я для себя не смогла определить стихами. Первое полностью состояло из чужих фраз, ежедневно записываемых Володей с какого-то столба (что ли), на котором регулярно писал свои фразы какой-то городской сумасшедший. Они были разрознены, лишены общей темы. Я восприняла их как коллаж, потому что, слушая, видела отчётливые картины того, о чём шла речь. Впрочем, за фразами, при всей их бредовости, ощущалось философское мировосприятие НАСТОЯЩЕГО автора этих строк. Володя утверждал, что ничего не исправлял и даже, вроде бы, сохранял хронологию записей. Я для

себя не могу до сих пор определить – что это. Поэзия? Да, возможно. Но вот можно ли назвать в таком случае автором Володю? Впрочем, компиляция закрепляет за собой авторство её составителя. Второе стихотворение состояло из цитирования метрополитенных объявлений, надписей и правил пользования вагонами. Тоже спорное произведение. Остальное, однако, мне понравилось. Живой язык, острое восприятие картины мира. Интересно и ново. Ещё один взгляд на поэзию.

После обеда состоялась интересная встреча с Натальей Ивановой из «Знамени». Иванова подняла вопрос о том, что собою представляет сегодняшняя литература. Она назвала это «эпохой реставрации». Посетовала на то, что нынешние авторы перестают слышать себя и подстраиваются под нежелающего мыслить читателя. Литература становится плоской и штампованной. Но ведь при этом есть же глубокие авторы! «Слушайте себя. Ваш герой – это вы сами. Только создав своих героев, можно состояться как настоящий писатель», – сказала Наталья Иванова.

Утреннюю лекцию Авина «О состоянии экономики в России» я честно позволила себе проспать. И пришла уже только к занятиям. Мастер-класс проходил интересно. «Читались» девочки из Крыма, записанные к нам факультативно – Марина Матвеева и Вика Анфимова.

О Маринке мне все уши прожужжала Любаша ещё в сентябре, и я с нетерпением ждала встречи с Мариной и её творчеством. По спорам, которые разгорелись в процессе обсуждения, можно было понять, что равнодушным не остался никто. А я в сотый раз убедилась в том, насколько по-разному люди мыслят и воспринимают. Поэзия – не точная наука, и её невозможно препарировать на составляющие. Невозможно заставить мыслить поэта шаблонно. Ему нельзя сказать: тут допустимо излагать свою мысль таким образом, а тут – территория запрета. Внутренний цензор у каждого свой. Маринка стоически выдержала разбор. Стихи у неё замечательные! Все мы настолько разные, что судить однозначно о содержании и об авторском восприятии бывает сложно. А вот техника как раз у неё безупречная. Кирилл Владимирович похвалил Марину, сказав, что она вполне сложившийся автор. К тому же он давно знаком с её творчеством – Марину рекомендовал «Пролог». А я читала её уже позже:

*Земля уже вращаться перестала.
Застыла, как юла в забытой детской,
Подернувшись неровным слоем сала
В естественном желании согреться.*

*А мы живем. И день, и ночь – все те же.
Да это солнце с жалостью библейской
Само подвиглось по-над твердью: держит
Ее на иждивении плебейском...*

Из Викиных стихов запомнились очень ярко созданные ею образы Крыма.

Любаша снова поразила необычным взглядом на мир и точно подмеченными мелочами:

Хамелеон залива –
 шапоглотатель солнц –
 смолянеет лениво
 млечнейшим из обжорств...
 Недообедав небом, –
 пропадом,
 как метро, –
 звездного хвостоеда
 ящерное нутро
 где-то протяжно дышит,
 огненно чешуясь...
 И, чем бездонней,
 тем выше
 светопадения час...
 И, чем страшней,
 тем краше
 древности оселки:
 крылья отвесных башен
 выветренно легки...

Запомнились её:

Чайка
 упала
 нахлебницей меткою,
 следом – другая...
 А небо-то, небо-то!
 Месиво
 воплей и крыльев,
 чье облако
 рвется на части
 от счастья и голода!..

Яркий, живой образ! Вообще её стихи полны разных мелочей, которые не каждый способен уловить, заметить и так ясно показать читателю. Ковальджи сказал, что Любашины стихи похожи на неё – красивые и взволнованные.

Кирилл Владимирович Ковальджи – удивительнейший человек! Выбрав его мастер-класс, я ещё в Кишинёве прочла его книгу стихов «ТЕБЕ. ДО ВОС-ТРЕБОВАНИЯ». Потому что волновалась – как заниматься у человека, творчество которого вдруг окажется непонятным, неблизким. Я читала и радовалась – попала! Его поэзия пропитана невероятной лёгкостью, утончённой нежностью, чувственностью, самоиронией, интеллигентностью и глубокой философией. Мальчик, стоящий на пороге жизни и только познающий мир, и мужчина – познавший, продолжающий искренне радоваться новым постижениям и тоскующий о несвершившемся – таков для меня лирический герой Кирилла Ковальджи, обнажающий и саму душу автора.

Мой, мой автор! Я ликовала и не могла не поделиться той радостью, которую испытывала, читая – отправила его стихотворения знакомому поэту – не одной же мне упиваться такими чудесными стихами. Радостью нужно делиться.

* * *

*Никто тебя не видел такой,
ни ночью, ни днем, ни в толпе городской,
никто, никогда, ни зимой, ни весной,
ни мать, ни отец, ни даже сама ты
на фото ли, в зеркале – с той красотой
все свыклись, но, Боже, из пены морской
кто видел рождалась какая, объята
свечением, аурой зыбкой, любовью
в тот миг – до сих пор ослепляются болью
глаза – только я тебя видел такой!*

* * *

*Почему эта женщина любит охотника,
мотогонщика любит, а та
поклоняется сыну плотника,
омывает ноги Христа?*

*Цель их гибельных судеб не познана
у креста, у развилки шоссе...
– Чья ты вестница? Кем ты ниспослана?
– Я такая же баба, как все.*

*Но ловлю я в смертной бессмертное
и люблю потаённую речь.
Вся ты – слово, что небом начертано,
как, тебя постигая, сберечь?*

*Нет властителя – нет и узника.
Не о том ли поет ручей?
Ты ничья, потому что ты – музыка!
– Вот мой муж. Не могу быть ничьей...*

.....
*Худо мне, травы собеседнику
и наследнику немоты, –
не охотнику, не проповеднику,
а угоднику красоты.*

*Разглядишь ли за музыкой женщину,
на ничейной застряв полосе?
Ты, наверно, не в силах зажечь ее...
– Я такой же мужчина, как все.*

*Только я и бедней и богаче, –
мне завещаны жизнью всей
дух Петрарки и плоть Боккаччо –
откровения двух друзей.*

*И навстречу прозрению ли, обмороку
побегу по шоссе, по росе
и по проволоке, и по облаку
поклоняться нездешной красе...*

Я хочу быть, как все... не как все...

Ещё долгое время пребываю в мире его стихотворения, мысленно удерживая ощущение от этого присутствия.

Каждое занятие мастер-класса я ждала с нетерпением, уже хотя бы оттого, что хотела видеть и слушать этого мудрого, обаятельного, интеллигентнейшего человека. Его тонкий юмор, добрая улыбка, мастерство рассказчика не могли не влюбить в себя. Да, я влюблена в Кирилла Ковальджи – смущённо признаюсь в этом. Иногда он обращался ко мне на молдавском. Я коряво отвечала и в душе краснела за то, что плохо знаю язык. А ещё я, балда такая, не успела купить его книжку и взять автограф. Каюсь. Но зато попросила сфотографироваться с ним, и главное – подержать его за руку. Для меня всегда очень важно взять человека за руку и немного задержать его руку в своей. Это необъяснимое понимание в прикосновении. Постигание непостижимого через тепло ладони и ощущение единства. Рука Кирилла Владимировича – тёплая и очень мягкая. И память от этого ощущения – больше, чем автограф на титульном листе книги...

* * *

Сегодня «читаюсь». Волнуюсь, и голос становится чужим и непослушным. Володя Жбанков номинирован у нас в мастер-классе «злодеем» – все отрицательные моменты и ляпы поручено выявлять ему. Он хорошо справляется с этой ролью. Впрочем, это никак не отражается на его личных отношениях с авторами – Вова старается быть объективным. Отчиталась. Жду вердикта. Вова указывает несколько ляпов, неточные рифмы и останавливается на фрагменте, который его особенно смутил:

*Ещё коростой вмерзший в крыши снег...
Чернеет пустотой гнездо сорочье...
Но отдаёт слегка дубовой бочкой
уже вино из кружки на огне..*

Соседство ЕЩЁ и УЖЕ Володе режет слух. А как же иначе?! Нам, в нашей виноградной стране, это как раз очень понятно – за окнами всё ещё зима, но домашнее вино уже стареет в предощущении наступающей весны... Ребята по очереди высказывают свои мнения. Стихи понравились и приняты всеми. Елена Исаева ещё несильно ругает за замыленное сочетание «бродяга ветер», но хвалит остальное. Кирилл Владимирович подводит итог:

– Мне сложно придираться ещё и потому, что мы – земляки. Но мне понравилось всё.

Я с облегчением выдыхаю. Благодарю всех за обсуждение.

После занятия звоню мужу и маме:

– Всё, я отчиталась. Меня обсуждали. Всё прошло отлично. Я довольна.

Потом уже созваниваюсь с друзьями из Москвы, Казахстана и Узбекистана – они тоже ждали и переживали за меня:

– Молодец, мы в тебе не сомневались!

Навстречу по коридору идёт Маканин. Он кажется одиноким Дон Кихотом. Внимательно смотрит на окружающее, но при этом, кажется, продолжает пребывать внутри своего мира. Мы случайно встречаемся взглядами, я здороваюсь, он кивает в ответ и идет дальше. Я не читала его «Асан», о котором велись такие жаркие дискуссии. Но иногда достаточно заглянуть человеку в глаза, чтобы понять всё то, что не успеваешь прочесть. Маканин смотрел открыто. Я ему верю.

Хорошо запомнилась встреча с Юрием Симоновым-Вяземским. Он поднимал вопросы мировой литературы. Вяземский поделился с аудиторией своей классификацией литераторов: «Титаны. Гении. Магистры. Мастера». Титаны – те, кто создал свой собственный мир и имел влияние на дальнейшее развитие литературы. Гении – создатели нового языка, Магистры – новая манера письма, Мастера – новое звучание. Пушкина он назвал Гением, но не Титаном. Булгаков, по его классификации, едва дотянул до Мастера. О современниках Вяземский говорил более сдержанно и размыто. Соблюдал тактичность. Вопросы из зала так и сыпались!! Забавных, спорных сравнений было ещё очень много. Народ, расходясь с лекции, потом ещё долго недоумевал по поводу некоторых навешанных Вяземским ярлыков. Но все были довольны. Не помню, к какой категории он отнёс присутствовавшего в зале Эдуарда Успенского. Сам Успенский запомнился домашними шлёпанцами на ногах и совершенной доступностью в общении. Хотелось подойти к нему и расспросить о героях его книжек. Сказать, что мой сын вырос на его сказках, а колобков мы с мужем сами читали, уже будучи вполне взрослыми людьми. Но я думаю, его уже порядком замучили этими своими «мы росли на Ваших книжках». Поэтому я просто ограничивалась вежливым: «Здравствуйте» при каждой встрече с Успенским.

* * *

В один из дней прошу разрешения факультативно присутствовать на семинаре у Михаила Михайловича Попова.

– У нас как раз сегодня поэзия намечается. Приходите, конечно, – говорит он мне.

Обсуждают прозу сахалинца Саши Морева. Становится так интересно, что мне уже не терпится выпросить у Морева прочесть его рассказы. Потом Антон Бушунов читает свои стихи. Яркие картинки перед глазами во время чтения всех стихотворений. Хорошие, образные стихи. Заметив Антону одну-две погрешности, его хвалят.

Парень в глубоко надвинутой на глаза кепке и клетчатой арафатке на шее обращается ко мне:

- Стихи пишешь? Есть что-то почитать?
- Есть, – отдаю ему распечатку.

Время, отпущенное на занятие, заканчивается. Я уже не успеваю прочесть ничего своего. Мы идём на обед.

- Я прочёл. Если хочешь, скажу тебе своё мнение.
- Хочу, конечно. Иначе зачем я здесь?
- Красивые стихи. Только я хочу понять – автор, правда, так думает и видит или пытается меня обмануть. И ещё – ощущение, что ты будто бы стоишь в стороне. Ты пишешь о том, что видишь, но словно боишься обнаружить себя видящей и чувствующей всё это. Почему?!
- Возможно, ты прав... Знаешь, я, наверное, ещё сама в поиске понимания себя.

Парнем в арафатке оказался Стас Харин – поэт и художник из Владикавказ. После форума я была на выставке осетинских художников в Центральном Доме Художников, где выставлялись и работы Стаса. Истинно говорят – талантливый человек, талантлив во всём. Стас оказался ещё и талантливым художником. Уже в Кишинёве я читала его рассказы, стихи и повести, всё время с восхищением обнаруживая, как тонко он проводит линию чувственных переживаний. Словно касается невидимой рукой и оставляет ощущение прикосновения.

*...все мои потуги уснуть
в чем-то схожи с попытками
порой дозвониться до Энэн.
...Не отвечает никто.
Затем в какой-то момент гудки исчезают, и,
несмотря на почти полную тишину,
я понимаю,
что на другом конце связи, уже кто-то есть
и я даже слышу
чьё-то тихое дыхание.
Я замираю и не решаюсь ничего сказать.
Я просто молчу,
и от внезапного напряжения
мое сердце начинает биться чуть чаще положенного.
Я еще не понимаю, что происходит.
Может нечаянно
набрал не тот номер, ошибся,
а может просто, в полуяви
я вспоминаю,
что так всегда поступает отец Энэн,
когда она оставляет свой телефон дома.
Молчит ее старик. Молчу и я.*

*Словно молчание –
это огромная тяжелая плита,
и мы оба держим ее на своих плечах.
И я без понятия,
что придает вес безмолвию.*

* * *

В столовой на обеде сидим с Любашей вместе. Напротив обедает Пьецух. Он долго смотрит на нас с Любкой:

– Это с какого же семинара такие красавицы?

– Мы у Ковальджи занимаемся, – отвечаем почти одновременно.

– Тогда всё ясно. Поэтессы должны быть так же красивы и утонченны, как их поэзия. Тогда сохраняется гармония. Приятного аппетита, девушки! – Пьецух уходит.

Выступление Пьецуха на Закрытии хорошо мне запомнилось. Желтоватый платочек, выглядывающий из кармана пиджака Вячеслава Алексеевича, из дальних рядов был похож на не уместившийся в карман пирожок. Народ в зале укатывался со смеху. А Пьецух по-доброму отзывался обо всех своих семинаристах и сообщал собравшимся, что на их мастер-классе лучшими были абсолютно все. А я думала, что его слушателям, вероятно, повезло с Мастером.

* * *

Спускаюсь в номер. В курилке между этажами галдит компания. Ещё издали выделяю среди всех молодого человека в шляпе – Ванька Бекетов приехал на форум не сразу. И я рада снова видеть его.

– Вот, позвольте представить: Вика Чембарцева – поэтесса из Молдавии, Павел Погода – поэт из Алматы.

Прошу у Паши его книжку. Он приносит из номера и подписывает. Пролыстываю – верлибры. Жаль только, набраны очень мелко. Но понимаю – это для того, чтобы не дробить авторскую графику стиха. В верлибре это особенно важно.

* * *

Два вечера подряд Денис Бугулов проводит в фойе тренинги – психодраму и разыгранную по ролям сказку. Народу набирается столько, что мы не помещаемся за одним столиком. Приходится сдвигать ещё несколько. Из собравшихся запоминаются Анечка Неклюдова и Серёжа Черных. Аня – красивая девочка. Красива каким-то внутренним спокойствием и светом, отражённым в её глазах.

С Денисом необыкновенно интересно общаться. В одну из прогулок разговариваем о психологии, о литературе и вообще – о жизни. Я очень благодарна Денису за общение – многие вещи для меня становятся более ясными и приобретают новые очертания. Продолжаю учиться и благодарить судьбу за посылаемых мне учителей.

Назавтра у Дениса обсуждение. После разбора он выглядит расстроенным и разочарованным. Мы со Стасом расспрашиваем его о подробностях. Он

вкратце рассказывает. Я понимаю, что ему просто нужно отойти и побыть одному. Оставляю ребятам свой ноутбук. Советую посмотреть «Пепел и снег». Потом, когда позже снова встречаемся в столовой, Денис говорит, что фильм действительно помог – релаксация полная. Очень хорошо помню стихотворение, которое по нашей просьбе читал Денис. Его строки ещё долго крутились в моей голове:

*На цыпочках, на краешке дыханья
На полувдохе, полусожалены
В стремительном молитвенном движеньи
Ты – вся моя. Ты – ожиданье*

*Судьбы и нависающей минуты,
Когда парение над циферблатом стрелок
Трамвая звон, ответный гул, простенок,
Беззвучье облаков – как будто*

*Пребудут вечны. Будто шум травы –
Прибой, и за спиной простор.
И все это – лишь беглый миг, который
Короче колебаний тетивы.*

* * *

Закрытие проходит торжественно, но уже не так напряжённо, как Открытие. Зал заполнен до краёв. Душно. Мест нет. И даже на ступеньках, на которых частенько приходилось сидеть все эти дни, свободный островок найти очень сложно. На сцене выступают руководители мастер-классов, подводя итоги и рассказывая о проделанной работе. Называют фамилии ребят, получивших стипендии, избранных для опубликования отдельной авторской книгой, вошедших в сборник авторов и в каталог лучших писателей...

Церемония завершилась. В фойе поздравляли друг друга. Потихоньку расходились. Я уходила в номер с одновременным ощущением свалившейся с плеч тяжести ответственности и с начавшим ворочаться в душе необъяснимым предчувствием тоски...

Всё закончилось. Утром автобус выплюнул нас посреди московской улицы. По чьему-то распоряжению или недосмотру автобусы поехали по разным маршрутам. Попрощаться окончательно с теми, кто был в другом автобусе, не пришлось. Гудки машин, суতোлка улицы, судорожные прощания с теми, кто уже начинал опаздывать к своим вокзалам-аэропортам-станциям. Прямо посреди улицы опускаюсь на корточки. С ноутбука леденеющими пальцами скидываю чьи-то фото, потом копирую их кому-то на флэшку. Клавиатура мокнет, пальцы быстро двигаются по клавишам, а я понимаю, что все мы уже почти безвозвратно оторваны друг от друга и начинаем вливаться каждый в свою жизнь...

* * *

Прочла в интернете массу статей о Липках. Как положительных, так и отрицательных, ругающих и злобных. Что дают подобного рода форумы? Для меня – это уроки не только мастерства, но и живого человеческого общения. И это гораздо ценнее, если уметь правильно принимать этот опыт. Знаете, ведь дело не в Форуме, не в тех, кого пригласили читать лекции, а кого не пригласили в слушатели. Не в том, кого выбрали, а чьи имена не назвали. Каждый сам делает свой выбор. Я могу не слушать лекцию об экономическом состоянии России, если мне это неинтересно. Я могу подняться и уйти с фильма, который мне не нравится. Я могу не читать книги, которые мне скучны. И в этом моя свобода выбора. Моя внутренняя свобода. Я могу быть благодарна людям, окружающим меня за те знания, которыми они делятся, за их искренность, открытость, добро и участие. И это тоже мой выбор. Мне ближе путь мира и гармонии, благодарности и открытости. Всего одна улыбка способна вызвать, как минимум, ещё одну в ответ. И тогда их станет уже две. А это уже что-то хорошее. Чтобы пресечь зло, не обязательно заглядывать ему в глаза, иногда достаточно ему улыбнуться и просто попытаться по-человечески понять и пожалеть. Возможно, я ошибаюсь, но этот выбор мне ближе, и что-то подсказывает мне, что он – единственно правильный для меня. И в этом тоже – моя свобода.

Почему я пишу? О, это ни с чем не сравнимый кайф! Это тоже – моя степень свободы. Это возможность познавать себя, возможность создавать новые миры. И главное – это способ управлять временем. Я могу, вспоминая, возвращаться и изменять прошлое. А могу загадывать и выстраивать в будущем то, чего никогда не было, но что наверняка произойдёт когда-нибудь. Нужно только верить в то, чего желаешь и ждёшь.

И я продолжаю жить ожиданием осени...

2009, Кишинёв

Вместо послесловия

В марте, в канун 80-летия Кирилла Владимировича Ковальджи, пользуясь нашим знакомством по семинару в Липках, я попросила его ответить на несколько вопросов.

В.Ч. – Из разговоров литераторов, в разное время посещавших занятия в Вашей студии и просто людей, общавшихся с Вами, складывается впечатление – с Вами одинаково легко и приятно общаться представителям разного возраста. А кто понятнее Вам?

К.К. – Мне понятней люди, которые не окостенели, которые не исчерпываются своими жизненными функциями, ролями – люди, готовые меняться. Короче, чем

К.Ковальджи и В.Чембарцева

живей человек, тем он мне понятней. Правда, женщины для меня порой загадочны.

В.Ч. – Каждый человек останавливается на внутреннем восприятии себя в каком-то возрастном ощущении. Сколько лет «внутреннему Кириллу», живущему с Вами все эти годы?

К.К. – Если отвлечься от физических ощущений и возможностей, то я остался юношей.

В.Ч. – *«... Жить, принимая всё,
Всё, что можно, пусть будет испытано;
Жизнь городов и сёл
Сердцем открытым впитывать,
А потом, взвесив жизнь в тишине,
Говорить о том, что прочувствовал,
О том, что скопилось во мне
По дням и ночам без устали...»*

(из стихотворения К.Ковальджи, написанного в 19 лет) – Свобода поэта всегда ли равнозначна внутренней свободе человека вообще?

К.К. – В какой-то мере. Бываю внутренне несвободен, но, обращаясь к стихам, забываю про это. Поэзия – область личной свободы.

В.Ч. – *«Стихи годятся и для высокого служения, и для шалости...»* (К.К.) – Какие из Ваших направлений в поэзии Вам наиболее близки? Любовная лирика, гражданская или «шалости»?

К.К. – Я ни от чего не отказываюсь. Зависит от настроения. Есть поэты строгих рамок, выверенной стратегии. Я к ним не принадлежу.

Правда, далеко не все написанное годится для печати...

Спасибо, Кирилл Владимирович!

И в заключение хочу сказать несколько слов от себя...

*«бутылку с личным посланием
доверил я океану
кто-то... когда-нибудь...»* (из стихотворения К.К.)

Читая Вас, я каждый раз ловила себя на ощущении, что вот этот мальчик, показывающий монетки Вике (ещё и сходство имён) и чья левая рука случайно встретилась с левой рукой девочки (героиня рассказа К.Ковальджи «Цыганская свадьба») – близок и понятен мне.

И почти родной мне Ковальджи, сказавший : *«Я — бессарабец во всей полноте национальной неразберихи»*, ибо и в моих жилах течёт «кровь бессарабская», разбавленная войной, границами, лицами и переселениями).

И этот Мужчина: *«...Ну, вот. Так и не увижу ту, которую слышал так близко...»* (отрывок из книги К.Ковальджи «Обратный отсчёт») – волнует меня своей «недостижимой близостью» :

*... а за стеною ты
меня не знал. единственный на свете!*

*смотрел в окно – всего в каком-то метре –
не веря в воплощённые мечты...(из стихотворения «недостижимая близость» В.Чембарцевой)*

И нет ни возраста, ни расстояний, ни времени, ни государств – ничего того, что могло бы нарушить это понимание, эту общность душ:

*... но связь меж нами есть,
хоть провода, как нити, оборвите,
хоть время украдите, хоть пространство
загромоздите камнем и бетоном
и улицами, где невпроворот
круговорот машин и толп столичных;
пусть ветер свищет, и ночная тьма,
как бездна, разверзается, – кладите
на ложе с ней мужчину, а со мной —
другую женщину, но связь меж нами есть
незримая и все еще – живая...*

(стихотворение из книги «Тебе. До востребования» К.Ковальджи)

И когда за липкинскими окнами с серого неба тихо падал октябрьский дождь, я смотрела на человека, сидящего почти рядом, слушала его тёплый, мягкий голос; улыбалась его иронии; замирала вслед за его паузами, пытаюсь представить, о чём он думает именно сейчас. И всё время благодарила судьбу за то, как хорошо, что этот человек встретился в моей жизни. Что именно его стихи, его «бутылка с личным посланием» дошли до адресата – «мне... до востребования».

Спасибо, Кирилл Владимирович! И с Днём Рождения!

**ДОРОГОЙ КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ,
С НАСТУПИВШИМ ЮБИЛЕЕМ!!!**

**Долгих Вам лет, здоровья, радости, творчества! Помним о Вас и всегда
ждём на родной земле!**

Редакция «РП»

ВИКА ЧЕМБАРЦЕВА

Родилась в Кишинёве. Окончила Молдавскую Экономическую Академию – маркетинг и факультет психологии – Институт Непрерывного образования. Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Участница XXII Московской международной книжной ярмарки, IX Форума молодых писателей в Липках. По итогам Форума рекомендована к публикации в сборнике «Новые писатели».

Публикации – в интернет-журнале «Пролог», в литературно-художественных журналах «Вайнах» (ноябрь 2009. Грозный), «Дети РА» № 2 (64) 2010, «Литературный Крым» (февраль 2010), Журнальный зал Русского журнала – февраль 2010; в сборнике авторов «Китайская шкатулка», изд.«Геликон плюс» СПб 2009.

В АРП РМ готовится к выходу авторская книга стихотворений.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

НАТАЛИЯ РОДИНА

ЖИВОЕ СЛОВО

Живое Слово,
Играя,
Вылетело,
Изящно опустилось на лист,
Затем осело,
Коряво расплзлось
И застыло
Деревянно и нелепо,
Как бельё зимой на верёвке.

ПОЧТАЛЬОН

Мой город тонет в нечистотах,
И разуму принять невмочь.
Был человек. А нынче – кто ты?
Возможно ли тому помочь,

Кто копошится со сноровкой,
По мусоркам от сих – до сих?
(А я спешу без остановки
Бочком и мимо сирых сих),

Кто подстелив одну картонку,
Скулит на голой мостовой
И извлекает из ребёнка
Уже нечеловечий вой.

Передавая опыт страшный,
«Христом» просить, пусть сам лукав.
Так младший учится у старших
Цепляться взглядом за рукав.

И столько злобы затаённой
В униженных перед судьбой.
Бог мой! Ты стал бы почтальоном?!
А Он в ответ: “Я шёл с тобой”.

Путь по земле проложен Богом,
И я с почтовой сумой
Судьбою меряю дорогу,
И столько вижу, Боже мой!

КОЛОКОЛЬЧИК У ДОРОГИ

Я смотрю на облака
И лечу за облаками,
За домами, за холмами
Не бывала я. Пока.

За домами, за холмами
Радуга низка, близка,
Водопады между скал
Затихали под руками.

Водопады между скал
Воду лили дни и ночи.
Мне заморский колокольчик
Перезвоном слух ласкал.

Мне заморский колокольчик
Взбил перину-сердцевину,
Облачную паутиной
Укрывал в прохладе ночи.

Облачная паутина
Слой за слоем пеленала.
Снился дом в конце квартала.
Перекрёсток. Пуповина.

Снился дом в конце квартала,
Где остался у дороги
Колокольчик тонконогий
С погрустневшими листьями.

Колокольчик у дороги
Заскучал. Меня нет дома.
Позвонил родным, знакомым –
Подождите, мол, немного.

Позвонил родным, знакомым,
Чтобы помнили и ждали,
Никуда не улетали.

ЛОМТИК РАДОСТИ

Л.Н.

Полакомлюсь хорошим настроением:
Смешинки плюхну в жгучий кипяток,
И ягода весёлого варенья
От смеха прыснет, испуская сок.

Я вымажусь, как в детстве, – по-ребячьи,
Макая ломтик радости в сироп.
И прояснится на душе незрячей,
И отойдут усталость и озноб.

Помешивая солнце в чашке с небом,
Что дарит мне осеннее стекло,
Я счастье пью и заедаю хлебом,
И мне сейчас уютно и светло.

И, потянувшись сладко, как спросонок,
Уверую в привычной суете,
Что я для Бога трепетный ребёнок,
И он хранит земных своих детей.

ЛЭЛА

Прозрачной каплей янтаря
Садилось солнце за моря,
И небо остывало,
Меняло покрывало.
Дышали волны, набегая...
И, этот мир оберегая,
Руками обхватив колени
В загаре и солёной пене,
На пирсе девочка сидела,
Молчала, на закат глядела

ЛЭЛА.

А ветер щекотал лопатки,
Плутал в кудрявых детских прядках,
Перебирал и теребил.

Он каждую из них любил!
Подкрадывался со спины,
Манящим шелестом волны
Шептал...шептал...касался щёк...
И ждал в песке «куриный бог»,
Чтоб через дырочку – в моря
Прозрачной каплей янтаря
Стекало и сочилось
Уставшее светило,
И чтоб сидела Лэла,
И пела...пела...пела...

НОЧЬ, ВАЛЬС

*«Любовь – ясновидение единственное,
Единственный разум сердца.
И наше самое безумное счастье –
Обезуметь от нежности и доверчивости»*

Верхан

Только руки не отнимай,
Обнимай меня, обнимай,
И укрой от тревоги меня,
От обиды минувшего дня.

Ты меня защищаешь любовью,
Белый Ангел стоит в изголовье,
Я поглажу тебя по плечу
И затихну, замру, улечу.

И беспомощной станет рука,
И закружится сон у виска,
Ночь опустится к нам не спеша,
Полетит за душою душа.

Я в доверчивости растворюсь
И под утро счастливой проснусь.
Снова шумно и зыбко кругом.
Только Бог охраняет наш дом.

ПОЛОВИНА ДЖОНАТАНА

Я кормила жеребёнка,
Правую ладонь раскрыла,
А на ней лежало сердце –
Половина джонатана.

Он прогнул в поклоне шею,
А глаза – глаза искали.
Он губами тронул сердце,
Он его поцеловал.

И в траву скатилось сердце,
Половиной джонатана,
Позабывтое ребёнком,
Там – досталось муравьям.

И безмолвное лежало,
Две слезы на нём дрожало –
Две слезы, а, может, просто
Кровь стекала, как роса.

У ОСЕНИ В ГОСТЯХ

Сентябрь стряхнул каштаны утру,
Оплёл кувшинками запруду,
Согрел лягушек на камнях
И, множа фырканье коня,
Переливался в рыжей гриве.
Свисал косичками на иве,
Петлял тропой, аукал в гости
И уводил по травам в осень.
Рябил. Скользил по водам мелким,
Подбрасывал пугливым белкам
Орехи с пожилых орешин,
Жучков выуживал из трещин.
Спешил любовью истомить
И ветром солнечным омыть...
И полыхал на небе шар.
...А грач картавил – кар, да кар.

Жил город на границе с чудом,
Глушил автомобильным гудом,
За тонкой, парковой оградой –
Исчадье ада.

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ, ДУША!

Не оставляй меня, душа,
У заколоченного дома,
Не добавляй бровям излома –
Достанет медного гроша.
И отводи за шагом шаг
От бесприютного порога,
Где ключ, оставленный залогом,
Изъест безжизненная ржа.

Ошиблась... Это не тупик!
Петлю снимаю аккуратно...
Бегу назад! Спешу обратно
В зерно. В начало. Свят родник.
Пронзая панцырь ледника,
Познаю дрожь и дуновенье
И, ёжа плечи от волненья,
Не упуская ни денька, –

На цыпочках встречать росу
И, в землю проливаясь соком,
Припасть к корням, пусть неглубоким,
Целуя влажную косу.
И так разостланной лежать,
Скатёрочкою-самобранкой...
Пусть вывернута наизнанку,
Не оставляй меня, душа!

ВЫХОД

Великодушные, о, вы,
Простите грешника, простите,
Он заблудился в лабиринте
И выход не найдёт, увы!

Неверный выбор – и тупик,
Опять тупик! – не для того ли,
Чтоб не осталось силы воли,
Сломалось всё, к чему привык?

Чтоб понял, что идёт не сам,
Ощупывая воздух, стены,
На Божий свет идёт из плена, –
Доверься сердцу – не глазам.

Плутает он. Плутаем мы
От лабиринта к лабиринту,
Не ведая, что дверь открыта
Из самой непроглядной тьмы...

НАТАЛЬЯ РОДИНА

Родилась в Кишинёве 21 марта 1957 года. Образование высшее, техническое.

В 2001 году вышла первая книга для детей: сказки-раскраски «Секрет».

В 2002 году увидел свет сборник стихов «Я знаю...».

После известных событий в Молдове в 90-х в числе многих сограждан была сокращена, получила бесценный жизненный опыт выживания.

Неоднократно печаталась в республиканской периодике: газетах «Независимая Молдова», «Столица», «Община», «Русское Слово», в альманахе «Ларец», коллективных сборниках стихов и альманахах, журналах «Кодры», «Добрый совет», «A mic», «Jutzenka». В России печаталась в газете «Литературная Россия».

В 2007 году вышла книга сказок для детей «Радуга».

Член Правления Ассоциации Русских писателей Республики Молдова, – ответственный секретарь.

ГОСТЬ “РП”

Casa mare

ГЕННАДИЙ РУДЯГИН

БОБЫЛЬ

Осень была уже поздняя, и о прежнем буйном уборе сада напоминал только одинокий жухлый лист, повисший на уцелевшей седой нитке паутины, которая невесть когда зацепилась за голую ветку черешни...

Солнце смотрело на землю холодно.

В домах соседней топились печи, и во всей округе пахло горько-сладким дымом...

По улице пробежала говорливая стайка весёлых школьниц.

Далеко на станции крикнул поезд.

Ему ответили все петухи села...

Никого и ничего не ожидая, Максим постоял у своей калитки. Просто так. Никого и ничего не ожидая. Постоял телеграфным столбом.

И по каким бы хозяйственным делам потом не отлучался, сколько бы времени эти дела не занимали, что-то влекло его к калитке и влекло... И он возвращался.

Прошли по улице, здороваясь с ним, люди с поезда.

Проехала вереница свадебных машин с разноцветными воздушными шариками над ними.

Заухал где-то бубен сельского оркестра...

Максим всё видел, слышал, стоял.

– Здорово, Максим! – сказал принаряженный Захар Прилепов, подходя к его калитке с улицы.

– Здравствуй, Захар!

– Всё стоишь?

– Стою.

– Ждёшь кого-то?

– Жду.

– Кого?

– Сам не знаю.

Солнце смотрело на землю холодно.

В домах соседней топились печи, и во всей округе пахло горько-сладким дымом...

– Чудно! – сказал Захар. – Сколько помню тебя, всё ждёшь и стоишь!

– Да. Давно.

– Опять был знак какой?

– Предчувствие.

– Чудно! – сказал опять Захар. – Хороший ты мужик, Максим, а чудной...

На свадьбу к Митраковым пойдёшь?

– Нет. Не могу... Вдруг без меня придёт!

– Тот, кого ждёшь?

– Ну да.

И о прежнем буйном уборе сада напоминал только одинокий жухлый лист, повисший на уцелевшей седой нитке паутины, которая невеста когда зацепилась за голую ветку черешни...

– Твои дела, Максим! – добродушно сказал принаряженный Захар. – У тебя в теплице белые хризантемы ещё есть?

– Есть.

– Продай двадцать одну штуку!

– Для свадьбы?

– Да. Продашь?

– Конечно... Как не продать?

И к запахам осени прибавился ещё один – запах хризантем на длинных стеблях...

Потом, лёжа в постели, Максим с белой хризантемой сравнивал луну, что смотрела в окно его дома. С головкой в белой шапочке русоволосой медсестры. С запелёнутой белоснежными бинтами своей головой. С шапкой снега на кавказской горе... И прислушивался к звукам за белёсым от лунного света окном.

А когда подгулявшие люди на рассвете возвращались со свадьбы, Максим опять стоял у своей калитки. И опять кого-то терпеливо ждал...

«Бобыль! – говорят о нём в родном селе. – Чудаковатый и странный!»

ПСИХИ

Однажды ты сходишь с ума, но узнаёшь об этом только от посторонних.

Стоишь, например, посреди тротуара, запрокинув голову, срываешь с зимнего неба красные яблоки – два-три (больше тебе не надо)... срываешь и кладёшь их в прозрачный полиэтиленовый мешочек...

Одно яблоко.

Второе.

Третье...

Срываешь и кладёшь.

Срываешь и кладёшь...

А посторонние люди проходят мимо и говорят:

– Во псих! Кто же зимой срывает с неба красные яблоки? Это делается только летом и только с плодоносных яблонь, но не с пустого неба!

– Да, да, – подхватывает кто-то второй или вторая, – и складывать-то их надобно в кошёлочку или туесочек. Кто ж яблоки зимой кладёт в прозрачный полиэтиленовый мешочек – они же там замёрзнут!

А ты срываешь и кладёшь. Срываешь и кладёшь...

За третьим яблоком приходится подпрыгнуть – высоковатое висит:

– Опля!

Есть!

А люди, проходя, оглядываются, останавливаются и крутят у виска пальцами. И ты, конечно, понимаешь, что это должно означать, но тебе до этого всего так же далеко, как им всем до яблочного неба. Потому что ты идёшь на свидание с любимой.

Идёшь в пальто с поднятым воротником, в шляпе, в перчатках; помахиваешь прозрачным полиэтиленовым мешочком с тремя красными-красными яблоками... Идёшь, посвистываешь.

Идёшь к театру, где поёт твоя красавица. Или в парк. Или к городским часам, как в старых фильмах... Идёшь туда, где договорились встретиться.

И уже видишь её, единственную.

Стоит, ловит в ладошки снежинки, превращает их в румяные пирожки и укладывает в такой же полиэтиленовый мешочек, как и у тебя.

Потому что знает, что ты любишь в минуты кратких обеденных встреч на воздухе съесть пару румяных пирожков с картошкой или с капустой. Так же знает, как знаешь ты о её яблочной диете.

– Знаешь что? – говорит она, хрустя надкусанным яблоком на людном месте.

– Что? – уминаешь ты румяный пирожок.

– Хорошо бы завтра на завтрак съесть что-нибудь земное – у меня уже нет сил держать эту диету. А? Как думаешь?

– Сообразим! – отвечаешь ты и смотришь на белое небо. – Как раз завтра там, похоже, намечается метель – будет не до яблок! Сообразим, Варюха!..

И не можешь удержаться – срываешь последнее яблоко с неба.

– Вот! – говоришь, протягивая его вспыхнувшей радостью Варе. – Сохрани его до вечера – мы его вместе съедим!

ЖЕЛАНИЕ

Сегодня после череды хмурых дождливых дней впервые над селом возшло живое солнце. Возшло без прежней радости и без утреннего восторга, но с блеском...

На осенней земле тихо, ясно и мокро. Сверкают на улицах лужи, блестят на уцелевших листьях деревьев застывшие капли воды... И даже скандальная тётка Ульяна сегодня дышит не так, как всегда – вздыхает.

Сегодня муж Ульяны, задумчивый, неразговорчивый Владимир Хромкин, уходит в мир иной, умирает – устал страдать.

– Скажи хоть что-нибудь, – вздыхает всегда скандальная тётка Ульяна, сидя у его постели. – На прощанье... Я же чувствую, ты хочешь что-то сказать. Ну!.. Небось, коришь меня, ругаешь: не такая!.. А ты разве такой?.. Ты же даже курицу никогда не мог зарубить – всё я!.. У других – мужья как мужья, а у меня... чистый романтик. Господи, прости! Я – не в обиду говорю, а ради справедливости. Ты же всегда любил справедливость. Вот я и говорю: и ты был не такой, как мне хотелось... Так что и обижаться напоследок не должен. Не обижаешься, нет?.. А то непрощённой как жить? Скажи: «Не обижаюсь!» Я ведь прошу тебя, скажи!

Не открывая глаз, Владимир медленно сказал:

– Не обижаюсь.

Ульяна с облегчением вздохнула.

– Вот и слава Богу! – сказала она, перекрестившись.

– Ты же не думаешь, что я опять скандалю? Нет?

– Нет.

– Значит, и у нас, наконец, всё по-людски... тихо и мирно.

Ульяна поправила под головой Владимира подушку.

– А теперь скажи своё желание, – попросила она, опять вздыхая. – Чего бы ты хотел напоследок? А? Скажи! Ей-богу, всё исполню! Всё, всё, всё! Может, петуха зарубить? Или пельмени сготовить?

Не открывая глаз, Владимир промолвил:

– Позови... Варвару... Грушину.

– Варвару? – удивилась всегда скандальная Ульяна. – Зачем? Ты же её на дух не переносил! Зачем тебе Грушина Варька сейчас?

– Надо. Я вместе с ней в школу ходил.

Ульяна посмотрела-посмотрела, покачала головой:

– Задачник, что ли, хочешь попросить? Или контрольную списать?

Владимир не понял её неожиданной шутки и не ответил.

Ульяна поправила на голове косынку, поднялась со стула и пошла. Устало пошла. Почти по-старушечьи. Даже палку какую-то в руки взяла...

А на земле было тихо, солнечно и мокро.

Сверкали на улице лужи.

Блестели на уцелевших листьях деревьев прозрачные капли воды...

Войдя во двор Грушиных, Ульяна сказала:

– Умирает Владимир. Тебя, Варвара, зовёт.

Седоволосая Варвара посмотрела на своего Фёдора. Фёдор посмотрел на Варвару... Они перебирали подсыхшую на крыльце картошку.

– Воля умирающего – закон Всевышнего! – согласно кивнул Фёдор. – Или как там? Иди, Варвара! Иди, раз зовёт!.. Правда, умирает, что ли?

– Правда, – сказала Ульяна. – Отходит. Но что-то не пускает его. А что, не говорит. Может, Варваре что скажет... Он же все шестьдесят лет – чистый романтик!

Варвара, утерев о фартук испачканные руки, засеменила к калитке.

– Куда? – спросил Фёдор вдогонку. – Куда в таком виде к умирающему? Переоденься, что ли!

Но Варвара его не услышала...

Проводив её взглядом, Фёдор сказал:

– Конечно, это дела уже, наверно, не земные... но почему он именно Варвару позвал, а не меня? Он же всегда считался другом моим, а её просто из-за меня и терпел... Как думаешь, он напоследок не того..?

Ульяна пожалала плечами, села на освободившийся табурет, стала помогать Фёдору перебирать картошку:

– Нет. Говорит, что в школу с ней ходил.

– А со мной что, не ходил?

– И со мною ходил. Что толку? А позвал почему-то её... Может, покаяться

хочет за нелюбовь к ней... Перед нами с тобой он-то чист, а вот перед Варварой, я так думаю, грешен... Пусть покается.

– Пусть, – согласился Фёдор...

А на земле было тихо, солнечно и мокро.

Варвара по-молодому добежала до калитки Хромкиных, взлетела на крыльцо. Распахнула одну дверь в доме, вторую. За третьей увидела лежащего на кровати Владимира. Прислонилась плечом к косяку...

Владимир молча смотрел.

– Володя, ты чего-то хотел? – переведа дух, спросила Варвара.

– Да, Варя.

– А чего?

– Помнишь... ты мне на перемене рассказала один сон?

– Про паутинки? В седьмом классе?

– Да. Про то, как они летели, летели... Две. Одна, будто, твоя, а другая моя. Рядом летели... А твоя вроде как взяла и под солнцем сгорела. Помнишь? Ты ещё сильно плакала тогда... Помнишь?

– Помню.

– Ты тогда сказала, что так ни за что в жизни не будет, даже под пистолетом. Помнишь?

– Помню.

– Вот. А сегодня мне приснилось, будто эти паутинки снова рядом плывут. И мне так захотелось на них вместе с тобой посмотреть!

Варвара прошла в комнату, села на стул, на котором прежде сидела Ульяна. Поддержала горячую ладошку на холодном лбу Владимира.

– Значит, ты меня прощаешь, Володя? – спросила. – Что вышла не за тебя... ты мне прощаешь?

– Не знаю... Предательство, Варя, трудно простить. Но мне... этого... очень... хочется... Видишь, они снова летят? Видишь, Варя? Ты видишь? Вон там!..

– Вижу, Володя! Вижу!

Сегодня после череды дождливых пасмурных дней впервые над селом вошло живое солнце.

СИРОТА

Казалось бы, ничего не происходило – ночью было темно и звёздно, днём – светло и ясно, только уж совсем нехорошо ночами смеялся где-то сын, и по утрам излишне истерично кричали домашние гуси...

Приходил самоуверенный человек Андрей Кулинин, смотрел на запущенный сад, на одетую по-бабьи Алёну Гвоздёву, укоризненно качал головой.

– А я бы запросто мог, пока не поздно, привести всё в порядок, – говорил он, трогая набрякшие почки. – Пропустишь срок, не будет урожая!

И Алёна понимала, о чём это он – конечно, не только о запутавшихся меж собою голых ветках фруктовых деревьев, но и о ней лично.

– Хочешь? – с развязной улыбкой спрашивал он.

– Нет! – теребила платочек Алёна.

– Ну-ну!.. Смотри! Поздно будет!

– Ничего. Переживём...

Андрей с прищуром оглядывал её тоненькую фигуру, пристально смотрел в синие бесстрашные глаза.

– Никуда не денешься! – снова ухмылялся он. – Долго так не протянешь! Это при живых родителях могла привередничать! А одна – не очень!

– А я не одна.

– Ой ли!

– Я – не одна! – вскрикивала по-детски звонко Алёна. – Он скоро приедет!

– Гос-споди! Кто?

– Сам увидишь!..

И опять ночью нехорошо хохотал где-то сын.

Опять горько плакала в постели никому не нужная, написанная мною с натуры, Алёнка.

И я, оторвавшись от клавиш компьютерной панели, подходил к тёмному окну и не знал, чем помочь одинокой девчонке...

Написать о том, что кто-то в самом деле приехал к Алёне, было бы оголтелой неправдой – у девушки во всём свете не было никого. Никого!

А оставить её так, как есть, я не мог. Никак! Я обязан был заронить в её душу надежду, вселить веру в любовь.

Наконец, кровь из носа, я должен был навсегда отвалить от неё самонадеянного нелюбимого хама Андрея... Должен был!..

Вот почему, когда утром истерично кричали домашние гуси, подошедший к калитке знакомого нам двора Андрей Кулинин замер, оторопел – сад Алёны был весь аккуратно подстрижен и подбелен; сама Алёна, бегая по саду, недоумённо смеялась, а у меня из носа шла кровь...

БЕРЕЗОВЫЙ ПЛАЧ

– Петро, ты ничего прошлой ночью не слышал?

– Слышал.

– Что это было?

– Прилетели журавли.

– Я не про это. Ты что же, думаешь, я не знаю, как кричат журавли?

– Я так не думаю, тату (папа)!

– А зачем тогда говоришь?.. Мне показалось, что стонала старая берёза. Что скажешь?

– Скажу, что вполне может быть. Сок бродит, как молоко у беременной Нас-ти... Наша Настя тоже иногда стонет – груди распирает заигравшим молоком.

Дед посмотрел на старую берёзу у дома, на беременную внучку Настю, что кормила у птичника крикливых гусей, уток и кур. Полюбовался...

– Нет! – сказал он. – Настя стонет от счастья, а я слышал мучительный стон. Что скажешь?

– Скажу, тату, что, может, вам примерещилось. Я такого не слышал. Сыну не хотелось тревожить старика горькой правдой.

– Слышал, как кричали журавли, как лопались почки сирени, – сказал он. – А про муки чьи-то не слышал.

Дед подошёл к берёзе, погладил белый ствол.

– А? – спросил. – Что скажешь, подруга? О ком ты плакала ночью?.. Я же знаю, что ты плакала. О ком?.. Может, вспомнила моего отца, что посадил тебя здесь ещё перед войной?.. Или я уже так быстро старею, что не умею различить радости от горя?.. Что скажешь?.. И плакала ты не стволом, а корнями – я это почувствовал сердцем. А его никому не обмануть: что-то где-то случилось!..

Проживший долгую жизнь сиротой, дед страшился чужого сиротства... и порою гордился гибелью своего отца на войне во имя счастья других. Дед был добрым и нежным ко всему живому. И плакал о себе только в День Победы, когда в музыке, в салютах и в радостном смехе никто не мог услышать его одиноких рыданий. А плакал он, даже став стариком...

Поэтому сын его Петро в это утро не сказал старику то, что услышал в ночных теленовостях:

«На Западной Украине начали борьбу с памятниками советским воинам. Львовская областная рада решила снести монумент Воину-освободителю, «уродующему рыночную площадь» города Стрый».

До обеда отец и сын сажали в огороде картошку...

ТЕПЛО

– Теперь, Василёк, тепло вернётся только после того, как в лужах искупаются воробьи, – сказала мать, и, прихватив зонтик, ушла в магазин.

А дождь всё лил и лил...

И луж за окном было много.

Серые, холодные, рябые от дождя, с плавающими в них желтыми листьями.

И ни одного при этом воробья. Ни единого!..

Из дома через дорогу вышел дядя Ефрем в зелёном плаще с капюшоном, в сапогах; прикрыл за собою калитку и пошёл по грязным лужам. Наверно, на станцию пошёл. К поезду. Поезд повезёт его в город. За чем-то. Может, за воздушными шариками для своей дочки Алёнки. А, может, за таинственной атмосферой для матери своей дочки Алёнки, которая один раз говорила маме Василька: «Мне в вашем селе, Фрося, не хватает своей атмосферы!» Может, сегодня дядя Ефрем ей привезёт и эту атмосферу. Алёнке – разноцветные воздушные шарики, а тёте Анжеле – её атмосферу. Да-да-да! Он такой, дядя Ефрем. Не зря он прихватил с собой большую красно-синюю сумку. Шарики для Алёнки будет держать за ниточки в руке, а атмосферу для тёти Анжелы засунет в большую красно-синюю сумку... И семья его будет счастливой.

Если бы не этот дождь, Василёк тоже бы сделал что-то такое. Например, сбежал бы на речку, наловил пескарей или в поле нарвал голубых васильков. Мама пришла бы из магазина, а в банке на столе – целый букет, а в жёлтом ведёрке – море живых пескарей. И в семье Василька – тёплое, доброе счастье.

– Ах ты, счастье моё! – сказала бы весёлая мама.

Если б только не этот холодный дождь!..

И, главное, – ни одного воробья ни в единой луже!

Ни одного синего просвета в лохматом скучном небе!

А весёлого счастья хотелось...

Конечно, не выйди со своего двора дядя Ефрем в зелёном плаще с капюшоном, не направься он к станции с сумкой в руке и, не знай Василёк, что всё это в результате означает, шестилетний мальчонка так бы и просидел у окна до прихода матери из магазина. Но он всё-всё знал...

«Если тепло приходит, когда воробьи купаются в лужах, – осенило его, – то что же будет, если?..»

Василёк поспешно оделся, обулся, вышел из дома и побежал под навес.

Там, прижавшись друг к другу, сидели задумчивые куры...

Когда мать пришла из магазина, Василёк уже пять из них искупал в грязной луже...

ГЕННАДИЙ РУДЯГИН

Геннадий Рудягин (Украина) – сценарист, прозаик, поэт, драматург, переводчик, Лауреат Всесоюзного конкурса на лучший сценарий художественного фильма для детей (фильм «Рыжая фея», киностудия им. А. Довженко). Родился в Северной Осетии. Окончил ВГИК (сценарный факультет). Работал редактором Молдавского ТВ, корреспондентом молдавских республиканских газет, членом сценарной мастерской киностудии «Молдова-филм», заведующим литературной частью Черновицкого музыкально-драматического театра им. О. Кобылянской.

Спектакль по пьесе Г. Рудягина «Гніздечко», поставленный в этом же театре режиссёром Зигмундом Белевичем, был признан на Украине «ПРЕМЬЕРОЙ ГОДА» (1995 г.).

Автор пяти книг. Пишет на русском и украинском языках.

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

СЕРГЕЙ ПАГЫН

* * *

Однажды подумаешь ночью бессонной
о том, что невидимый Бог –
сияющий мальчик, счастливый, огромный,
вложивший тебя в коробок,

чтоб ночью до снов, что лебяжьего пуха
белее и легче, ты в нём
цикадою цыкал у Божьего уха,
светился у глаз светляком,

чтоб утром, дитём златокудрым забыты
под тяжкой подушкой небес
шуршал в коробке перекошенном быта
без света и музыки без.

АНДРЕЙ РУБЛЕВ

В пустом не расписанном храме,
чьи стены светлее, чем снег,
под вставшими грубо лесами
в смятенье стоит человек.

И мнятся ему Откровенья,
нешадные трубы и вой,
и судное пламя... В смятенье
стоит он пред чистой стеной.

* * *

«Сухая вода,
золотая тщета...»
Александра Юнко

Мне не надо воды полновесной,
полнозвездной, студеной, ночной.
Дай мне, Господи, в снеге отвесном
из ладони водицы сухой.

В снах похмельных, тупых, окаянных
не студила она мне нутро –
хоть хлебай ее там из стаканов,
хоть вливай себе в глотку ведро.

Но и в яви она – лишь горенье,
легче воздуха, пуха светлей.
Пусть не будет мне в ней утоленья –
только пить из ладони Твоей.

Лишь порою касаться губами
жаркой ряби в широкой горсти,
чтоб потом с золотыми словами
в темноте безымянной брести,

уж не зная, куда и откуда,
бормотать, напевать, заклинать...
И в надежде на милость и чудо
даже смерть свою матушкой звать.

* * *

М.М.

Последнее дерево вотчины речи,
последний прогнивший мосток...
А дальше... а дальше – на кроткие плечи
молчанья тяжелый платок.

Ещё оглянуться успеешь с пригорка,
тоской соляною не став,
на воздух грачиный, ветвистый и горький,
на говор кладбищенских трав,

на город, в котором ночная,
сквозная
музЫка спасала от бед...
И дальше... и дальше, в ладони сжимая
шершавый занозистый свет.

* * *

Я знаю, знаю – этот снег
белить наладился не век
дома, дворы, ограды.
От силы – день,
от скуки – ночь.
А мне дnevать да спать невмочь
в утробе снегопада.

Засыплет памяти закут,
и мыши белые сгрызут
зерно воспоминаний.
Погаснет вспыхнувшая речь,
и мне бы прошлое сберечь
в ладони ли, в кармане.

И всё же, всё же... Как хорош!
В нём – дочь,
воробушек-Гаврош
кричит на ветке тёрна,
задирист, вихрем распушён,
восторгом детским освещён,
и этого довольно.

* * *

Квёлый воздух моего захолустья,
беглый почерк над деревьями дыма.
Вот и дней зимы – многогрустье,
вот и сны мои дождливые – мимо.

Пахнет хлебом и горелой щетиной –
верно, борова палят по соседству,
чтобы в праздник пожевать свеженины.
Все знакомо... Как обычно... Как в детстве.

И подумаешь: открытия, бойня
революций, крах великих империй –
чтоб я снежной колеёю сегодня
пёр дрова колоть к бабе Вере.

Потеплело... В небе чуть запотевшем
рек вороньих шелестенье и бремя.
И качнулось тихим снегом пошедшим
вертикальное, Господнее время.

У БАБУШКИ

Не припомню толком иконы той:
Иисус...и голубь...реки волна....
Пахла старость кукурузной крупой,
за окном в саду стояла зима.

Снегопад качался и кот мурчал,
дверцу в сон открыв золотым ключом,
и с иконы голубь слетал...слетал
на больное бабушкино плечо.

НИКОГДА ПОСЛЕ...

1

За кукурузным полем – межа:
полоска не примятой травы
да четыре сливовых дерева.

Что ребёнком я знал о рае?
Что это сад,
в котором большой добрый Бог
привечает пришедших.

Я ложился в густую траву,
смотрел на ветки деревьев
с золотистыми сливами.
Где-то блеяли овцы,
кто-то звал кого-то обедать.

На плече зудела царапина
от острого листа кукурузы.

И мне казалось,
что это и есть рай.

2

Сумерки.
Бабушка у огромного чана
варит повидло.

Я строю домик из ящиков,
сладко пахнущих сливой.

В ласковой глубине вечера
в ящичном домике
при свете поминальной свечи,
вынутой из калачика,
что лежал на оконце кухни,
мне было так спокойно,
как, пожалуй, не было
никогда после....

* * *

О, если б мне в прозрачный пузырек
набрать чуть-чуть сегодняшнего солнца,
и чтобы этот благодатный сок
мерцал и жил, и трепетал на донце.

Я в темный полдень ставил бы на стол
его, где хлеб, солонка и чекушка,
иль ночью горклой, от кошмаров зол,
тихонько б клал на мокрую подушку,

чтоб жгучим светом захлестнуло сны...
Мой пузырек, ты, как настой чесночный,
спасешь меня от всех чертей зимы,
как водится, бесснежной и бессрочной.

* * *

Приходит час и страху увядать
иль рваться пряжей в темноте сердечной,
и скрипке сипло за окном играть
в глухом дворе о временном и вечном,

где плакальщиц воронья суета
у красного раскрытого футляра.
И станет вдруг доступна простота
твоим стихом зашептанного дара

неспешно жить,
смотреть в свое окно,
лущить фасоль,
тянуть за словом слово
и наблюдать, как светится вино
меж пальцами в стакане стограммовом.

Все хорошо...
Еще хранит тепло
сиротское, беспмятное, птичье
карман глубокий старого пальто,
в котором ты найдешь лишь пару спичек

да медный грош с табачинкой сырой,
прилипшей крепко к полустертой решке.
Все хорошо...
Над бездною с тобой
чертополох,
боярышник,
орешник.

СЕРГЕЙ ПАГЫН

Родился в 1969 г. Окончил филфак Госуниверситета города Бельцы. Автор трёх поэтических книг: «Обретения», «Прогулка в ноябре» и «Сверчок в радиоприёмнике». Печатался в республиканской периодике, коллективных сборниках, приложениях к «Литературной газете» «Европейская муза», в журналах «Дружба народов»(Москва), «Бродячий заяц» (С-Петербург), в сетевых ресурсах. На сайте ПОЭЗИЯ.ру его стихи неоднократно заносились в «Избранное», на СТИХИ.ру – в шорт-листы Большого литературного конкурса, заняли первое место в шорт-листе Вадима Ямпольского.

Прошёл в полуфинал конкурса «Заблудившийся трамвай». Живёт на севере Молдовы, в Единцах, главный редактор газеты «NORD-INFO». Член Ассоциации русских писателей Република Молдова.

ПАМЯТИ ДРУГА

Январь стал для нас месяцем горькой утраты. Ушёл безвременно Сергей Пожар, полный жажды жизни, надежд, творческих сил и неосуществлённых желаний. Помимо других творческих союзов, он был в составе и нашей Ассоциации. Серёжа, Сергей, Серёженька – обаятельный, искренний, жизнерадостный, до самого конца не веривший, что так мало земных мгновений отпущено ему... Но у жизни свои расстояния, свои сроки и пределы.

За неполные 49 лет он, увлечённый вдохновенным творческим трудом, музыкой, созданием книг о музыкантах и многочисленных статей, успел сделать столько, сколько хватило бы на полную длинную жизнь. Ни дня, ни минуты не потратил зря. В его голове постоянно зрели новые творческие идеи и замыслы, он мог целыми днями рыться в архивах, чтобы добыть нужные сведения. Его восхищали люди мира искусства, он был и жил среди них, говорил и писал о них. Всё успевал – и творить, и преподавать, и участвовать в концертах, поездках. Жить для него – значило отдавать целиком всего себя, не жалея времени и не жалуясь на бытовые неурядицы.

Как нам теперь не хватает его улыбчивого доброго лица, душевной отзывчивости, тёплых одобрительных слов, его по-детски наивного и восхищённого взгляда на мир!

Он ушёл, но с нами остаются его музыка, его книги и статьи, где живёт его душа, полная жизненной энергии и позитивного отношения ко всему на земле.

Спасибо, Серёженька, за то, что ты был здесь с нами и учил нас так любить искусство, жизнь и людей, как любил ты, как умел радоваться в жизни даже самому малому. Мы будем помнить тебя, а память и есть, наверное, продолжение жизни.

ТВОИ ТОВАРИЩИ

ВИКТОРИЯ АЛЕСЕНКОВА

БЕСЕДЫ О ТЕАТРЕ

Театр – это лучшее, что может произойти с нами после музыки. Ну как с этим не согласиться? Ведь если условно разложить основные виды искусства в порядке активности, самой действенной окажется музыка, потом поэтика слова, обладающая магическим воздействием; пластическое искусство танца, поскольку приближается к ритуальности; литература, имеющая развитие сюжета; живопись, в перспективе рождения мыслей и ощущений; потом скульптура и архитектура как один из видов скульптуры. А театр? Театр – это чудесное сочетание и взаимодействие всего перечисленного, разве можно сравнить что-либо по силе возможностей и силе воздействия с театром? Даже кинематограф, которому прочили пальму первенства, НИКОГДА не сможет сравниться с театром, потому что действие в нем подменено понятием движения. Действовать в кино может музыка, слово, опять-таки живописная картинка на плоскости экрана, но сама энергия человека, творящая в театре, в кино недоступна для зрителя. Театр всегда был и останется лучшим творением человечества.

Дорогие читатели! Центральной фигурой и главным персонажем наших бесед будет Кишиневский Русский драматический театр им. А.П.Чехова, которому в прошлом году исполнилось 75 лет. Мы будем рассказывать о знаменательных событиях, замечательных актерах и режиссерах, об истории, проблемах и чаяниях театра, с которым нас связывает преклонение перед русской культурой. И мы надеемся, что сможем возбудить к театру, который переживает сейчас не самые лучшие времена, искренний интерес, почитание и любовь, которых он достоин.

В юбилейный год 150-летия со дня рождения А.П.Чехова, который отмечает весь театральный мир, в рамках фестиваля «Балтийский дом» в Санкт-Петербурге, была создана специальная программа показа лучших спектаклей русскоязычных театров СНГ по произведениям великого писателя. Первого апреля спектакль Русского драматического театра «Вишневый сад» по пьесе А.П.Чехова в постановке Ильи Шаца представил на фестивале нашу страну.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ВИШНЕВОГО САДА»

Если предположить, что вся наша жизнь состоит из привязанности к прошлому – к событиям, предметам, людям, отношениям и т.д. – то каждый из нас в той или иной мере не способен расстаться с этим «мертвым» грузом, чтобы двинуться вслед за бегущей вперед жизнью. Вместо того, чтобы начать новую жизнь, мы цепляемся за то, чего уже нет в реальности, но что еще живо в нашем воображении, в нашей памяти.

Воспринимая лучшие образцы чеховской драматургии, как «баланс жизни и смерти», режиссер Питер Брук отмечал, что ощущение *смерти* в чеховских

пьесах уравнивается желанием *жить*. Чтобы родиться для новой жизни, нужно умереть прошлым. Разве это не ирония, не сатира на глобальную нелепость человеческих действий, на их затяжную детскую беспомощность, суетливость, отсутствие ориентации в собственной жизни?

«Постаревшие дети» – именно такую характеристику завоевали разорившиеся владельцы вишневого сада – Гаев и Раневская. Примеров человеческой несостоятельности в пьесе «Вишневый сад» целое множество. «Вечный» студент Петя Трофимов говорит, что вся Россия наш сад, значит, есть и другие красивые места, но в них постепенно происходит то же самое – упадок и запустение. Каждый такой сад в отдельности представляет собой конкретное место, взаимосвязь конкретных людей и отношений, и если картина целого повторяется одинаково скучно, то индивидуальный анализ с близкого расстояния интересен, поучителен и даже вызывает понимание и сочувствие. «Каждый человек в отдельности мил, но все вместе – скука», – так говорил сам Чехов.

Наверное, мы не всегда готовы смеяться над теми недостатками, которые в нас еще слишком живы, поэтому до сих пор выясняем, зачем Чехов упорно называл драму комедией и расстраивался, что его понимают не совсем так, как он этого хотел. На вопросы отвечал: «Я все написал, там все сказано». Значит, каждое действие, каждое слово были им тщательно обдуманы и отточены до поэтичности. Поэтичность Чехова отмечена многими, и Антон Павлович заслуженно носит звание *поэта*. Вот почему Владимир Немирович-Данченко часто упоминал о «тонкости» чеховских пьес и считал, что театр берет его «слишком грубыми руками». Если поэзия стремится к образному сочетанию слов, то поэтичность Чехова – это образное сочетание событий и действий, которые в тесной взаимосвязи с объектами создают мифический язык метафор и символов чеховского «Вишневого сада».

Жанром комедии, на мой взгляд, Чехов хотел подчеркнуть тот иронический и сатирический оттенок, который характерен для классической «высокой комедии». «Эту пьесу нужно ставить в сатирическом разрезе», – говорил Немирович-Данченко о «Вишневом саде»; «Чехов скрупулезный наблюдатель комедии человеческой жизни», – писал П.Брук. Рано или поздно каждый человек прибегает к самоиронии, и тогда мелкие проблемы и бытовые глупости, страстные привязанности и бессмысленные стремления становятся ему бесконечно смешны. Вероятно, Чехову посчастливилось увидеть и запечатлеть их такими. Кто будет сомневаться в истинности чеховского свидетельства того, что жизнь наша – комедия? И все-таки мы не сможем воспринимать «Вишневый сад» как комедию до тех пор, пока нам жаль этого сада, как своей собственности, к которой мы привыкли до неспособности воспринимать ее ветхость, или молодости, которую мы теряем с паническим страхом. Страх парализует наше сознание, заставляя бездействовать, сдаваться перед малейшими трудностями, порождая неодолимое желание спрятаться, затаиться, переждать, авось пронесет как-нибудь, или будь что будет.

Ирония заключается как раз в том, что Природа преподносит нам трудности для нашего же блага, для возможности внутреннего роста, для обретения новых творческих сил, для победы над самим собой, а победа не дается без страданий. «Чтобы начать жить в настоящем, – уверяет Петя Трофимов, – надо

сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом». Похоже, прежние обитатели усадьбы действительно *обречены* на страдание и, если не смогут жить иначе, – на вымирание.

Надо отметить, что Чехов писал «Вишневый сад» специально для МХАТа, значит, был уверен, что режиссерский гений Станиславского правильно разгадает замысел автора и извлечет его. Чехов надеялся найти во мхатовцах единомышленников, людей, которые смогли бы понять образ Сада не трафаретно, но широко и глубоко, в перспективе развития значений. Однако поставленный сто лет назад во МХАТе «Вишневый сад», до сих пор несущий на себе печать эталона, А.П.Чехову понравился не очень. Поскольку советы и разъяснения он давать не любил, хотя поначалу охотно посещал репетиции, выходит, что даже первая постановка была не совсем «чеховская», как же теперь можно делать безапелляционные выводы – Чехов на сцене или не Чехов? Нет единого взгляда на вещи, каждый художник отражает мир по-своему, обогащая искусство многообразием форм. Даже портрет одного и того же человека изменяется не только во времени (потому что меняется сам человек), но и от настроения, освещения, ракурса, стиля и техники, наконец, и материала, в котором его выполняют. У скульптуры, живописи, литературы перед театром есть преимущество – они могут дожидаться своего ценителя, но театр, зависимый от зрителя, должен быть в постоянном поиске новых форм, соответствующих восприятию своего современника, лишь бы цель его оставалась неизменно высокой – «передать зрителям в художественной форме новые знания о человеке и о мире» (1).

Идея Сада – не просто метафора, а философия. Если принять во внимание тот факт, что «Вишневый сад» вынашивался Чеховым два последних года перед смертью, которую он, врач, предвидел и к которой психологически готовился, то надо предположить, что «Вишневый сад» – не только завещание автора; это итог, пророчество, это гигантская по своим смысловым масштабам и философскому значению пьеса, идею которой нельзя сужать до субъективного значения России.

Чеховский Сад, безусловно, включает в себя ассоциацию с Россией того времени – царской, дворянской Россией, которая на стыке XIX–XX веков уступала место новому классовому обществу, новым политическим, экономическим, социальным и культурным отношениям. Также можно провести аналогию с ныне не существующим государством – Советским Союзом или любой другой супердержавой, вследствие исторических причин разделенной на отдельные государства, которые стали подчиняться собственным законам. Но в образе Сада можно увидеть и любое абстрактное понятие, как Духовность, Красота, Культура, Идеал, которые в процессе эволюции тоже подвержены тенденции абстрактного разделения, чтобы перерасти в новое качество. Даже самое понятие Философии может быть отражено идеей Сада, и она первоначально была некой идеальной моделью Знания, а в процессе развития выделила все свои составные части в отдельные самостоятельные науки. С религией во все времена происходит то же деление. Первоначальное Учение рано или поздно начинает распадаться на отдельные направления, ответвления, секты и даже противоборствующие группировки. (То, во что превратилась религия в некоторых странах за послед-

ние сто лет – это тот же вырубленный «вишневый сад», который нужно теперь сажать заново.)

Воспринимая Сад буквально, можно вполне рассудительно заметить, что вишневому саду в пьесе должно быть не меньше ста лет, поскольку полвека назад он был в полном расцвете, давал хороший урожай, приносил немалый доход и даже попал в энциклопедию. Если на протяжении долгих лет сад постоянно не обновлялся, то, рано или поздно, он все равно погибнет. Старый Сад никому не нужен до тех пор, пока не выставляется за долги. Тогда в душе «блудной» хозяйки Л.А.Раневской, наконец вернувшейся из Парижа, вдруг просыпается любовь к родине, и воспоминания счастливого детства отождествляются с весенним цветением, и все самое прекрасное в жизни оказывается именно Садам и именно тогда, когда его практически нет, не существует. Сад – почти фантом. Что стоит за этим таинственным образом?

Все события пьесы, начиная с названия, содержат немало поводов рассматривать пьесу как послание в символах. Образы цепочку точных связей, они взаимодействуют и, будучи носителями универсальных смысловых значений, привлеченных автором как сознательно, так и благодаря его гениальной интуиции, создают ту самую символическую концепцию Сада, которая вызывает непрекращающийся интерес у теоретиков и практиков театра. Особенность всех великих произведений заключается в том, что они могут одинаково органично восприниматься и буквально, и символически, то есть иносказательно, скрывая за вполне реальными событиями и перипетиями множество смысловых слоев, ту самую мудрость или истину, которую иначе выразить нельзя. Именно по такому принципу создано величайшее произведение христианского мира – Библия. Написанная языком притч и аллегорий, она одинаково сильно впечатляет и буквально воспринимаемыми событиями, и их глубоким символическим смыслом. Это вовсе не значит, что любой ее исследователь должен непременно считывать все слои значений, нет, – ясным становится лишь то, что уже открылось в нас в процессе жизненного опыта.

Так и «Вишневый сад» – почти натуралистическое произведение, как будто списанное с самой жизни, но «в «Вишневом саде» менее всего возможны прямые, житейские мотивировки событий и поступков. Пьеса наполнена символами, метафорами...» (2).

Символичность Чехова не имеет ничего общего с современной ему символической драмой и присущим ей элементом фантазии. Чехов – безусловный классик, а действительность символов, воплощенных в классическом искусстве, есть сама природа, а не фантазия. Художник черпает «зов Вечного» из образов природы и воспроизводит это Вечное в формах же, данных природой. Мастерски соединяя разбросанные в ней черты, он поворачивает привычные вещи новой гранью. Известные нам с детства природные явления и закономерности становятся символами, несущими образные характеристики и откровения автора.

Например, в таких обычных явлениях, как смена дня и ночи, зимы и лета можно ничего необычного не увидеть, а можно распознать суть *цикличности* жизни и смерти. Тогда наполнится новым смыслом приезд хозяйки – Раневской – весной во время цветения сада, и ее проживание с момента продажи имения вплоть до отъезда за счет нового владельца, и то, что сад начали рубить не сразу после аукциона в августе, а осенью, с наступлением заморозков, *таких же, с*

каких пьеса начинается. С позиции проведения аналогий можно разглядеть ту же цикличность в рождении дерева из маленькой, брошенной в землю косточки и совсем короткий, но восхитительный период его цветения, который станет зачатием новой жизни. Одна семья, в три поколения, выделена Чеховым в целый мир. *Цивилизация*, которая родилась, познала свой расцвет и медленно пришла в упадок, чтобы быть завоеванной новыми формациями, наполниться новыми (политическими, экономическими и др.) отношениями, которые неизвестно когда и как тоже достигнут своего расцвета и своего распада. Случайно ли в пьесе, как заметили многие критики, все возможные связи и отношения между персонажами сведены до минимума?

«Вишневый сад» – это не символическая пьеса, это – художественный Образ; но она символична в той мере, в какой этот Образ создается именно посредством символических связей объектов и действий. В этом смысле, в пьесе не может быть случайностей, в ней каждая мелочь художественно вплетена в канву основной идеи, идеи Сада. Поэтому режиссер, который выбирает для постановки эту многослойную по содержанию пьесу, должен не только прозреть в ней философию драматурга, но и добавить к ней свое собственное осмысление, поделиться своим видением, создать свою философскую концепцию.

Премьера «Вишневого сада» на сцене Кишиневского Русского драматического театра имени Антона Павловича Чехова вызвала противоречивые отклики: от приветствия новаторских идей режиссера, открывшего в образе «Сада-гроба» неожиданный взгляд на пьесу, до негативных ассоциаций с «кладбищенским мраком». Несмотря на то, что второе действие пьесы у Чехова действительно происходит возле разрушенной часовни на старом заброшенном кладбище, от которого тянется дорога прямо к усадьбе, надо отметить, режиссер добился нужной атмосферы, не используя ни одной примитивно иллюстративной декорации. Его выразительными средствами стали цвет, звук, знак, символ, которыми насыщена не только сценография спектакля, но и само сценическое действие.

Тема *выбора*, по словам режиссера-постановщика Ильи Шаца – ключевая тема спектакля. Шац говорит о том, что каждый человек делает свой жизненный выбор – или перечеркивает идею Сада или пытается что-то предпринять, чтобы Сад жил в нем. Нельзя, говорит нам режиссер, сохранить Сад, не живя по его закону.

Режиссер – не последняя инстанция истины, он имеет право на эксперимент, и нет ничего неестественного в том, что он попытался выстроить свою концепцию на контрасте. Другой вопрос, насколько ему это удалось, и, возможно, нам, зрителям, задействованных в спектакле аргументов не всегда было достаточно.

Принцип *контраста* стал для режиссера ключевой нотой спектакля. С самого начала он как бы договаривается со зрителем на языке театральной символизации. Сада больше нет, говорят нам висящие доски с редкими пучками цветов. Черное и белое – двойная природа бытия, две стороны медали. Бильярдные шары, игрушки разбросаны на черном полотне среди прочего хлама – беззаботные *игры* на развалинах духовных и материальных основ человеческой жизни. Мечты о лучшем будущем, которое никто не спешит строить. Щедрость за чужой счет. Детские забавы стариков, не желающих взглянуть в зеркало на свой истинный облик.

Контраст, отсюда и внутренний конфликт, вообще является основой нашего существования, он же – принцип чеховского мировоззрения. В пьесе помещица Раневская часто говорит о своей любви к родине, к саду, к детям, а на деле ее поступки можно рассматривать как поступки предательницы всего того святого, что она, по ее словам, так нежно любит. Ораторство студента Трофимова напоминает вдохновенные похоронные речи, с щемящей тоской по идеальной действительности, с истерическими порывами к любви и в конце концов ленивым смирением перед неизбежностью. Кто же боле причастен святой жизни – тот, кто у всех на виду лобызает иконы и подает милостыню за чужой счет, или тот, чья святость не выставляется напоказ, а потому не только не видна обывателю, но часто унижена и осмеяна?

Искусство, говорит Илья Шац, это попытка осмысления. Театральное действие – это аргументы, которые использует режиссер в пользу своей идеи, своей концепции. Он приводит в движение механизм символических связей, чтобы создать динамику развития от одной характерной грани до противоположной. Слова в постановке органично сосуществуют в контрасте со сценическим действием. Не нужно слепо верить тому, что говорят и думают о себе персонажи, гораздо важнее то, что они *делают*.

Сентиментальность Раневской (в исполнении К.Шанцевой) рождается из жалости к себе, детской, упрямой, где жажда обожания и чувственной красоты заставляет ее забывать, что время молодости давно ушло. В спектакле Трофимов (С.Кирюшкин) довольно резко протягивает ей кусок зеркала, предлагая «хоть раз в жизни взглянуть правде в глаза». Любовь Андреевна сознательно не замечает перемен, прячется от реальности в счастливом детстве, где все за нее делали другие. Она убеждает себя, что «ничего не изменилось» со времени ее детства, и до сих пор именно эти ее слова вводили в заблуждение зрителей, которые верили, что сад все так же молод и красив, как сорок-пятьдесят лет назад. Она, как будто по своей воле, не желает отрываться от собственных иллюзий и втайне лелеет надвигающуюся катастрофу, как пугающий, но неизбежный конец ее пожизненных безвольных метаний из огня да в полымя, из одной беды в другую. Она и сейчас разрывается между любовью к саду – «без вишневого сада я не понимаю своей жизни» – и неодолимой любовью к человеку, который обманул и обобрал ее в Париже. «Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу», – признается Раневская, минуту назад готовая быть проданной вместе с садом. Из взятых в долг у Лопухина денег подавать золотой прохожему, когда слуги голодают – безрассудство, но еще большее безрассудство – истратить последние средства на парижского пройдоху-любовника, даже не вспомнив о тех, кто ближе и больше нуждается в заботе и помощи. Сбежать и бросить все на произвол судьбы – вот ее позиция, полная слов любви.

Гаев (Г.Зуев) разменял шестой десяток, но до сих пор «помешан» на бильярде. Игра, которую он даже комментирует вслух, постоянно занимает его воображение, не давая сосредоточиться на насущных проблемах. Зачем он в сердцах швыряет игрушки, вернувшись с неудачных торгов – расстроен, что зря пожертвовал игрой ради «серьезного» дела: все равно не вышло? Оранжерейное растение, он не приспособлен к самостоятельной жизни. В своих фантазиях он,

конечно, герой, сражающийся за все прекрасное и справедливое, а в реальности без няньки-Фирса – растяпа. «Баба», – так сгоряча его называет Лопахин.

Вольный слуга Фирс (С.Тиранин) продолжает по собственному желанию ухаживать за своими господами, хотя они давно уже не дети, а он дряхлый старик, и никому не приходит в голову, что он теперь сам нуждается в уходе. Понятно, что Фирс – часть умирающего Сада, и очевидно и предсказуемо, что он должен умереть вместе с Садам, но тот факт, что он забыт господами, как старая ненужная вещь, определяет и их отношение к самому Саду, выявляет всю показную господскую любовь и заботу. В контрасте с этим его собственная любовь освещает Сад недолгим светом памяти, ведь свечи, которые зажигаются от его дыхания в макете Сада, ставят на праздник или на помин души. Сбывается его пророчество насчет воли. Он помнит это *несчастье*, когда вольную дали. «Все рады, а чему – не знают», освободили народ от обязательного труда, от привязанности к определенному месту, а как жить дальше, не научили, вот и начались беды. Так и теперь, повторяется то же несчастье – хозяева Сада получают свою «вольную», а как жить дальше, не знают.

«Немка» Шарлотта, очевидно, получающая жалованье за «фокусы», завязывает молодым слугам глаза, а на господских детей, Варю и Аню, нацеливает ружье. Что удивительного в том, что они «под прицелом» – самой жизни, обстоятельств, перемен? Их родители прожили жизнь «за чужой счет», за их, детей своих, счет, который им теперь придется оплачивать «из собственного кармана». В пьесе Лопахин напевает: «...и за деньги русака немцы офранцузят», только вот смысл этой песенки вдруг приобретает несвойственную ей первоначально глубину и ... трагичность, выявленную в спектакле другими выразительными средствами.

Петя Трофимов в исполнении С.Кирюшкина – не просто «вечный студент», бывший учитель, он – поучатель. Во всем видит грязь, нечистоту, ложь, грубость, констатирует позорную праздность интеллигенции, но сам только разглагольствует о труде. Он *кружит* Аню (М.Сташок) на роликовой доске, внушая ей свои новаторские идеи, как потом кружит мать сама Аня, и, обещая открыть «новый чудесный мир», складывает ей на груди руки, как покойнице. Демагог Трофимов убежден, что, не прилагая усилий, шагает к «высшему счастью, какое только возможно на земле», счастью, которое, вероятно, построит за него другие, Вари и Лопахины, над которыми Трофимов больше всего насмехается. В спектакле он «набрасывает» на Лопахина бильярдный кий, словно желая продемонстрировать, как надо обращаться с «хищниками», а набожную Варю напутствует крестом из игральных карт, произнося «благолепие» с козлиным бляньем.

Лопахин (в спектакле его играет К.Харет), может, и сердцеед, но вовсе не «хищник», а «мужик» искренний, самокритичный, способный и пошутить, и принимать решения, и действовать. Он немногословен, если заметить, но он единственный читающий и посещающий театр персонаж в пьесе. Сам выучился грамоте, своим умом и трудом заработал состояние, и, если он признается, что ничего не понял в книге, так кто же «Гамлета» с первого раза понимает? Сильное чувство к Раневской сыграло немаловажную роль в его судьбе. Он даже готов дать ей взаймы крупную сумму, предлагая разумный вариант спасения имени, но его никто не способен услышать, и он делает свой выбор. Лопахин, вопреки всем, уверен, что человек сам *строитель собственной жизни*. Вырубая вишне-

вый сад, он прекрасно понимает, что на его долю выпадет только тяжелый труд, но вера в то, что «внуки и правнуки увидят тут новую жизнь» дает ему силы, которых нет у прежних хозяев сада.

К сожалению, с открытыми глазами в финале режиссер оставляет лишь отжившее прошлое в лице Фирса, остальные вступают в новую фазу своей жизни с повязками на глазах – не просто незрячими, но в слепоте своей пытаются схватиться за тот *багаж* прошлого, который вряд ли поможет им начать жить по-новому.

Символизации в спектакле в основном ассоциативные, вполне доступные для понимания, их нет надобности объяснять, тем более, что искать точности в определении значения того или иного символа неуместно по сути. Они для того и необходимы, чтобы каждый мог разглядеть именно то значение, которое символическая связь выхватывает из его сознания. По А. Шопенгауэру, «познание, совершающееся в процессе символизации, есть познание гениальное». Тем не менее, следуя брошенной режиссером фразе «пусть изучают», рассмотрим универсальные значения некоторых объектов в спектакле, как если бы они были выбраны режиссером, исходя из их символического смысла. Обопремся на спектр символических значений, данных в *Словаре Символов* Х.Э.Керлота, (Москва, 1994 г.).

«Сад» – место подчинения, упорядочивания, отбора и ограждения Природы. Поэтому он – символ сознания, противопоставляемого лесу как бессознательному».

Предложенный режиссером *макет Сада* на авансцене, вызвавший споры и непонимание – вовсе не ребус, а наглядное пособие, так сказать, ключ к разгадке *позиции* каждого персонажа по отношению к Саду, которая выявляется символическим действием – кто и что вкладывает в Сад, в понятие Сада, в его идею. Позицию Раневской надо искать в обрывках телеграммы из Парижа (другими словами, в обрывках ее парижского романа). Позицию Ани – в «возложении» цветов. Трофимов щиплет листья с деревьев, как забравшаяся в чужой огород коза. Прохожий? – да пройдем на все ... наплевать. Лопухин вкладывает в Сад деньги, а Фирс – согревает заботливым дыханием, зажигая свечи.

В рамках общего значения «деревя» как мировой оси и как символа неистощимых жизненных процессов (роста и развития) различные мифологии выделяют несколько оттенков значений, один из которых Дерево Жизни и Смерти. Дерево Жизни изображается цветущим, а Дерево Смерти, соответственно, сухим.

«Фонтан, источник» (пусть даже бьющий в цинковое ведро) – Юнг склоняется к мнению, что это образ души как источника внутренней жизни и духовной энергии. Он связывает это также со «страной детства», сообщающейся с бессознательным, и указывает, что потребность в этом фонтане возникает именно тогда, когда жизнь человека глохнет и высыхает. А режиссер, может быть, хотел создать ощущение текучести времени, которое вдруг остановилось в доме и снова потекло, когда персонажи вынуждены, наконец, подчиниться переменам.

«Пришелец» часто изображается как тот, кому суждено изменить существующую власть в стране или в какой-то ее части. Не позавидуешь Саду, в котором будет хозяйничать полупьяный прохожий, чьи шаги звучат в спектакле, как удары молота.

«Музыкант» – общепринятый символ очарования смерти (обычно в образе юноши). В спектакле роль такого музыканта достается влюбленному ревнивцу

Епиходову (актер Е.Богнибов), наигрывающему серенады, человеку по прозвищу «22 несчастья», который угрожает воспользоваться своим револьвером. Примечательно, что именно его нанимает Лопахин сторожить имение.

В пьесе семейство устраивает настоящий бал под музыку приглашенного еврейского оркестра. В спектакле бал даже приобретает оттенок *карнавала*. В том, что персонажи не прячутся под масками, а наоборот, выявляют масками свою сущность, есть еще одна режиссерская находка. Королевская мантия Епиходова, красная ткань Раневской, шляпа раввина на Трофимове, барская накидка горничной Дуняши, колпак Фирса, являясь яркими примерами символизации, не нуждаются в комментариях.

Язык театральной символизации, становясь все более востребованным, стремится к универсальности. Его универсальность заключается в исключительной возможности обращаться не столько к рассудку зрителя, который контролирует и сортирует поступающую информацию, сколько воздействовать на его чувства. Вызывая соответствующие эмоции, сценическое действие стремится временно парализовать рассудок, чтобы в этот момент «достучаться» до подсознательной способности *интуитивного мышления*, на уровне которого мозг не просто воспринимает текст, а единовременную объемную связь зрительных образов, стремительно возникающих в воображении и непосредственно создающих *впечатление*.

Если утверждать, что язык символизации – это язык театра будущего, то, приближая сценическое действие к мистерии, он, как и любой другой существующий язык, требует навыков овладения, и в этом смысле режиссер для нас, зрителей, является проводником в мир новых форм. Констатируя универсальность Чеховского образа Сада, обнаружим его символическую связь с *театром*, где старые, отживающие формы и средства стоически сопротивляются коренным изменениям, несущим им вечное забвение. «Дачи и дачники – это так пошло», – говорит Раневская, но язык символизации, такой сейчас многим не понятный и не знакомый, будет новой формой театра, его новой жизнью, новым *садом* для наших потомков, основы которого закладываются уже сейчас.

1. Михаил Чехов. Об искусстве актера. М., «Искусство», 1995, стр. 117.

2. М.Ю.Хмельницкая. Статья «А.П.Чехов» из книги статей «Русский Драматический Театр кон. 19 – нач. 20 вв.». М., 2000, стр. 43.

ВИКТОРИЯ АЛЕСЕНКОВА

Родилась в 1972 г. в г. Бендеры Молдавской ССР. Окончила факультет художественного творчества Орловского Государственного Института Искусств и Культуры (Орел, Россия); докторантуру кафедры театроведения и сценографии Академии Музыки, Театра и Изобразительных Искусств (Кишинев, Молдова). Лектор, автор научных статей по теории театра.

Дебют в литературе состоялся в 2003 году: вышел в свет поэтический сборник «Благословение». Затем была издана книжка-раскраска детских стихов «Огородные истории». Участвовала в альманахе АРП РМ «Как слово наше отзовется...», посвящённом 200-летию Ф.И. Тютчева. В 2005 г. был издан сборник «Радуга Лилу» (проза и поэзия).

Член правления Ассоциации русских писателей РМ.

ДРАМАТУРГИЯ

ЕЛЕНА КУШНИР

В ПОИСКАХ ХАПИ

Путешествие в 8-ми портретах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эхнатон (Аменхотеп IV), фараон XVIII династии
Нефертити, жена Эхнатона
Меритатон, их старшая дочь
Хоремхеб, полководец
Тутмос, скульптор
Нуб-Хаас, жрица и педагог из Фив
Эйи, визир фараона
Каапер, дворецкий
Заземанх, жрец и педагог из Мемфиса
Бен-Бен, ученик Заземанха, хотя еще не знает об этом
Итет, ученица Заземанха, хотя еще не знает об этом

ЗАЗЕМАНХ

Бен-Бен, многообещающий юноша, вышколенный и полный опасений, ходит взад-вперед, готовясь к важному и неприятному разговору.

Появляется Заземанх, бодрый старик. Похоже, и свою старость, и бодрость, и вообще все вокруг он воспринимает как некое утонченное развлечение. Ковыляя в джазовом ритме, Заземанх обходит вокруг Бен-Бена, которого рассматривает с неподдельным восторгом.

Бен-Бен. Я счастлив, что выбор досточтимого Заземанха пал на меня, но боюсь, что недостойн такого высокого удела. Моя подготовка имеет иную специфику...

Заземанх. Выбор действительно пал. Только это был вовсе не мой выбор. Я бы выбрал Снофру. Видишь ли, я с пяти лет его воспитывал и могу поручиться чем угодно, что он готов к поиску Хапи, прекрасного бога нашей прекрасной реки, который умер здесь, в Мемфисе, в облике черного быка с белым квадратом на лбу, с белым орлом на спине, с меткой скарабея под языком и с прочими 25-ю признаками. И который точно в том же облике и в неизвестном месте ждет, чтобы

мы нашли его за 70 дней, молясь и постясь, постясь и молясь. И привезли сюда, в Мемфис, его и корову, его породившую, и показали обоим народу в атмосфере, подобающей празднику.

Бен-Бен. Но кто же выбрал меня?

Заземанх. Тебя выбрал Хапи. Причем уже после того, как околел, так что мне было неловко ему возражать. Выходка вполне в его духе. Прости за каламбур. Ты даже в это не веришь, а, Бен-Бен? (Смеется). Я начинаю думать, что он прав.

Бен-Бен. Что в этом смешного?

Заземанх (*неудержимо хохоча*). Полным-полно, и будет еще больше!

Бен-Бен тоже невольно начинает смеяться, но сразу умолкает и погружается в уныние. Заземанх сочувственно хлопает его по плечу. Бен-Бен, опомнившись, негодуя косится на него и уходит в своей обычной манере. Заземанх очень точно передразнивает его уход, после чего удаляется ковыляющей походкой.

2. ХОРЕМХЕБ

Эхнатон. Атон! Что случилось, солнышко мое, сердце мое? Почему ты меня оставил? Уже три с половиной дня я тебя не слышу, Атон! Ну, хорошо, я знаю, я знаю, ты не мог меня оставить. Это я сам оставил тебя. Ну так верни меня себе! То есть тебе. Верни немедленно! Я же ничего не могу без тебя. Что я людям-то скажу? Вот сейчас непременно придет кто-нибудь... Эта стена с неплохим живописным фризом, полуденный свет, мое любимое кресло в мастерской Тутмоса, которое мне почему-то вспомнилось, эта река, это небо – все без тебя бессмысленно... Нет, ты не солнце... солнце здесь, а тебя со мной нет. Они идут. Верни меня скорее... (Укоризненно). Атон... (Оборачивается к входящему дворецкому). Только попроще, дорогой Каапер. Смири ради меня твой истинно фиванский стиль. Кто к нам пришел?

Каапер (*торжественно*). Полководец Хоремхеб дерзает припасть к стопам доброго бога.

Эхнатон. Чудесно, чудесно. В последнее время он что-то редко дерзает.

Принеси нам хорошего вина, мой дорогой – например, из Саиса. А впрочем, на твой вкус. Главное – поскорей.

Входит Хоремхеб, за ним по пятам – юная принцесса Меритатон, которая бродит по площадке, перетекая то в одну, то в другую красивую, но абсолютно неожиданную позу. У нее пластика девушки и непредсказуемость ребенка. Такое впечатление, что физические законы на нее не вполне распространяются.

Эхнатон. Атон, сразу двое?

Хоремхеб. Я помешал фараону...

Эхнатон. Нет-нет, не уходи. Выкладывай эту беду. Я читаю ее по твоим губам, они сжаты плотнее обычного. Уж лучше говори, Хоремхеб.

Хоремхеб. Атон, на границе служил мой старый друг.

Эхнатон. На границе?

Хоремхеб. На финикийской границе, Атон. Сегодня утром я получил его письмо. Оно добиралось до меня полгода.

Эхнатон. Я просто не думал, что ты сразу заговоришь о границе.

Продолжай. Ну что же ты молчишь? (*Хоремхеб оглядывается на Меритатон*). Не опасайся моей дочери. Я, например, перестал ее бояться, как только она научилась ходить.

Хоремхеб. Атон, тебе лгут. Уже пять лет с границ раздаются вопли о помощи. Наши колонии захвачены предателем Азиру. Люди устали менять правителей – ты знаешь, как это бьет по карману. Они оказывают аморитам сопротивление. Правда, достаточно слабое... И все же на площадях льется кровь верных тебе горожан. Наши солдаты держат оборону до последнего человека и шлюют гонцов в столицу, но их письма до тебя не доходят. Я говорю с тобой вместо них... Вместо людей, которых давно растерзали на чужбине. Хабиры атакуют Ханаан. Царь хеттов Суппилулиума поднимает мятежи на северных границах. Мы потеряли Симиру и Тир! Когда отправляли письмо, порт Библ еще держался, но теперь наверняка его поглотил этот бешеный человек, этот пес Азиру. А ты ничего не знал все эти годы, Атон! Глашатай Египта Тутту подкуплен мятежниками, но заговор идет не от бродяг-аморитов, он идет от фиванских щеголей, которые называют себя жрецами и хотят только одного – чтобы народ тебя возненавидел.

Эхнатон. Ну вот, Атон... Ты слышишь?

Хоремхеб. Куш... Ретену... Все завоевания твоего деда, все, что делало Египет великим и блистательным... Мы теряем все!

Эхнатон. Великий и блистательный Египет. Да, да. Завоевания деда и прадеда. Десяток городов, из которых три платят дань, а остальные кланчат у меня подачки и угрожают бунтами, если я их не ублаговторю. И это – величие? Тутмос Третий защитил страну с севера, а на юге по простоте душевной наложил свою могучую руку на все, что не очень ему сопротивлялось. И теперь я должен набирать новых рекрутов, отрывать крестьян от дела и посылать под стрелы бандитов, которые живут грабежом. Я должен воевать, чтобы соседи трепетали, а народ рукоплескал! Потому что ни в каком ином случае рукоплескать и трепетать у нас не принято. Это величие в прошлом, Хоремхеб, потому что его недостаточно.

Хоремхеб. Ты знал?

Эхнатон. Дитя мое, я не могу не знать. Хотел бы, но не могу. Мне приходится знать не только то, что знает глашатай Тутту и фиванские щеголи, но и другое. Да, совсем другое. (*Входит Каапер*). У тебя удивительное чувство ритма, Каапер. Тут как раз нужна была пауза. Какое вино ты принес? Только, умоляю, смири ради меня свой стиль.

Каапер. Это благородная кровь виноградников из Чару, Атон.

Эхнатон (*Хоремхебу*). Метафора слабенькая, но чувство ритма у него все-таки есть, а для дворецкого это основное. Проблема в том, что он переносит законы письменной речи на устную – кстати, неизбежная тенденция.

Каапер. Я вынужден предупредить, что вино никем не проверялось.

Хоремхеб. Как?!

Эхнатон. У меня другие методы беречь свое здоровье. Мое спасение – в последовательности. Я вношу изменения во все, что требует изменений. Пей, милый Хоремхеб. Ну как букет? Заметь, нам не пришлось топить этот Чару в его благородной крови, чтобы как следует выпить пополудни. Мы всего-навсего дали за хорошее вино отборную пшеницу. Никаких рекрутов! Мери, не так быстро, ты глотаешь вино из Чару, как пиво из Квида.

Хоремхеб. Прошу тебя, Атон... Отпусти меня на границы... Я верну все, что мы потеряли.

Эхнатон. Ну да, ну да... Империя – это ведь новая идея, которую Египет опробовал первым. Есть от чего потерять голову. Но подумай, Хоремхеб. Быть в роли завоевателя – успешного, конечно, – дело выгодное. Государство и армия утоляют свою алчность на стороне, народ доволен. А удерживать захваченное – ох, неблагодарная работа, и внук завоевателя – совсем другая роль. Напрасно, Хоремхеб, напрасно.

Хоремхеб. Напрасно... что?

Эхнатон. Напрасно ты думаешь, что я тебя морочу.

Хоремхеб. Докажи, что это не так!

Эхнатон. Доказать?...

Хоремхеб. Одно твое слово – и я захвачу для Египта столицу безалаберных хеттов, и Библ, и вообще все, до чего смогу добраться. Пусть твои внуки думают, как это удержать. А ты будешь жив, здоров, благополучен, как подобает фараону, и станешь без помех вносить изменения во все... до чего только сможешь добраться. И все увидят, что мы по-прежнему сильны, несмотря на...

Эхнатон. Несмотря на что, дорогой? Или – несмотря на кого?

Хоремхеб. Строительство новой столицы... и другие важные нововведения... многие думают, что все это ослабило страну. Я докажу, что они ошибаются.

Эхнатон. Милый Хоремхеб... Сколько дней пути до границы?

Хоремхеб. Я буду там через десять дней, Атон!

Эхнатон. А отсюда до Фив по реке – всего три дня. Ты еще не ступишь на финикийскую землю, как меня уже не будет в живых. Ты и твои люди – защита Атона. Если бы не твоя верность, мой друг... Египет стал бы великим и блистательным. Что скажешь?

Хоремхеб. Я был простым солдатом, Атон. Мне выпало счастье отличиться, и ты поднял меня и родил в новую жизнь. Ты поднял и других служилых людей. На свете существует благодарность. Я никогда не предаю тебя, но... я буду с тобой откровенен.

Эхнатон. Откровенность – это не оружие, мой милый. Она не уничтожит ни тебя, ни меня. Давай попробуем... *(Подходит к нему)*. Я был единственным сыном, Хоремхеб. Мой отец, несмотря на страсть к развлечениям, терпеть не мог фиванских щеголей, как ты их называешь. Вероятно, их точки зрения на щегольство не совпадали. В результате один добрый слуга швырнул меня в реку, как котенка. Я был настолько мал и глуп, что ничего не понял и даже не утонул. Я вынырнул и поплыл за лодкой. Тогда он взял весло и размахнулся, чтобы ударить меня. Я увидел, как другой слуга набросился на него, и они оба вцепились в это дурацкое весло. Тут я вспомнил, что, кажется, не умею держаться на воде, и стал тонуть. Под водой все было другого цвета, и это меня настолько удивило, что я перестал задыхаться и начал разглядывать сияние вокруг моих пальцев. Тот, другой слуга прыгнул в реку, вытащил меня и завернул в свою одежду. Одежда была еще теплая. Его звали Каапер.

Хоремхеб. Каапер?

Эхнатон. Каапер давно умер. Дворецкого на самом деле зовут Хемиун.

Просто он согласился быть Каапером. Я очень люблю давать новые имена, а он очень не любил свое имя. Это бывает.

Хоремхеб. Бывает.

Эхнатон. Ну вот. И мне приснился сон, в ту же ночь. Золотая стена тростника, на ней трепещет свет – речное отражение солнца. Этот свет как будто меня звал. Да, еще на тростник садились ласточки. По-моему, я вообще впервые их увидел в этом сне. Мне казалось, что, когда подойду к тростнику, отражение солнца исчезнет, но ничего не исчезло, даже стало ярче. А за тростником, за этим светом, там был город. Я не очень внимательно смотрел, потому что знал, что сейчас пойду туда. Чуть-чуть задержался перед тростником, это было хорошо – золотая стена, трепет солнца и город... и вдруг проснулся. Осталось только ощущение, что еще шаг – и я там.

Останавливается перед Хоремхебом. Они смотрят друг на друга. Хоремхеб, коротко поклонившись, уходит. Мери бросается к отцу и обвивает его, как лоза.

Мери. Я хочу быть твоим сыном, твоей женой, твоим Богом.

Эхнатон. Только не тем, что ты есть, Мери?

Мери. Неправда.

Эхнатон. Ты знаешь правду? *(Берет ее на руки)*. О моя правда, легкая, как перышко... Как перышко, которое ложится на чашу весов в царстве мертвых. Но мое сердце тяжелее лазурита, тяжелее свинца...

Мери. Царство мертвых мы оставили в Фивах.

Эхнатон. Да, я забыл.

Мери. А перышко взяли с собой.

Эхнатон. Ты родилась в Фивах.

Мери. Нет, я родилась здесь, в Ахетатоне. И ты родился здесь. И Хоремхеб.

Эхнатон. Здесь пахнет строительной пылью. Этот запах вьелся в твою кожу.

Мери. И в твою.

Эхнатон. И сквозняки... Ужасные здесь сквозняки. Твои сестры не вылезают из насморка. Но по утрам этот молочный свет... Там, за полукругом холмов... Ты видела?

Мери. Да, конечно.

Эхнатон. Ты понимаешь, о чем я?

Мери. Да, да.

3. БЕН-БЕН

Бен-Бен тащит на себе громко стонущего Заземанха. Оба выглядят потрепанными и обносившимися. Заземанх основательно побит. Бен-Бен отделяется от своей ноши, и Заземанх, стая, ищет позу, в которой бы у него ничего не болело. В конце концов ему приходится чуть ли не на голову встать, при этом он продолжает издавать стенания – видимо, голове тоже досталось.

Бен-Бен *(говорит, то и дело сбиваясь с задыхающейся речи беглеца на привычный размеренный тон академического диспута)*. Вы не могли бы потише стонать?.. Если они нас услышат, получим еще. И правильно! Ну кто, кто в наше время ищет священного быка в чужом хлеву?! Как будто нет других способов!

Есть, и проверенные. Неужели Хапи угодно, чтобы его служители терпели побои от тупых простолюдинов? (*Заземанх громко стонет*). Ну ничего, мы тоже в долгу не остались. Видали, как я того лягнул? Если бы не проклятый пост, еще неизвестно, кто кого... (*Заземанх падает*). Учитель! Учитель! Что делать? Сейчас, сейчас вспомню, у нас были специальные занятия... (*Заземанх подозрительно быстро приходит в себя*). Ну вот... Ему лучше... Учитель, я человек крепкий, молодой, но я больше не могу, а вам точно этого не выдержать. Давайте вернемся домой, а? Учитель... Я... я даже согласен выслушивать время от времени ваши наставления и... хотя бы формально... принадлежать к вашей школе, которой, собственно, пока не существует... Более того. Если нет другого выхода, я готов подтвердить, что, следуя вашему методу, мы нашли Хапи. Учитель, я – современный человек, терпимый и с широким кругозором, все считают меня добрым малым, потому что я хорош в любой компании и никогда никого не подводил... (*Заземанх хихикает и смотрит на него с прежним выражением искреннего восторга*). Вы что... Вы надо мной смеетесь?! Да я был лучшим третьим помощником посвященного пятой ступени! Если бы не вы, я был бы сейчас вторым помощником! И это еще не все! Моя тетушка – жена преподобного Рамоса. Ему стоило слово сказать, и накрылась бы вся эта затея! Я просто вас пожалел. Кроме того, мне было лестно, что меня выбрали для достаточно ответственной работы. Но почему мы не прибегли к обычным невинным ухищрениям, которые вполне допустимы в сакральной практике любого уровня и, несомненно, служат благим целям? Как могло случиться, что ваша точка зрения взяла верх?! Вот уж точно – когда у власти безумец, вся страна сходит с ума... Эй... Вы меня слышите? Он окончательно впал в детство... Ну почему это ничтожество прицепилось именно ко мне? Почему? Потому что вся моя жизнь состоит из сплошных неудач... Я с самого начала знал, что меня ждет поражение... (*Заземанх хватает его за руку. Бен-Бен вопит от неожиданности*). А, учитель... Вы опять ожили. Ну что, пошли дальше? Нам теперь куда? Хотите, угадаю? Вон в то болото... (*Заземанх отрицательно мычит и машет в другую сторону*). Надо же. Опять не получилось. (*Взваливает Заземанха на спину. Они уходят*).

4. ТУТМОС

Мастерская Тутмоса. Эхнатон блаженствует в кресле, не замечая мрачного настроения хозяина. Тутмос – настолько крепкий, что кажется приземистым, с крестьянской хваткой ко всему устойчиво-прочному и тайной страстью к пугающей новизне.

Эхнатон. Знаешь, Тутмос, я недавно вспоминал это кресло... как ни странно, в очень тяжелую минуту. Наверное, потому, что здесь для меня – средоточие радости. Я могу смотреть одновременно на Нефертити, на детей и на то, как ты работаешь. Надеюсь, тебе это не мешает?

Тутмос. Я твой ученик.

Эхнатон. Как странно это звучит.

Тутмос. Да, это странно. Ты больше Тутмос, чем Тутмос. Неужели так плохо быть Эхнатоном?

Эхнатон. Я тебе расскажу. Это очень забавно. Сколько себя помню, красота была для меня знаком присутствия Бога. Даже не присутствия – прикосновения.

Знакомо тебе это чувство, а, Тутмос? Гармония существует во всем, но иногда все превращается в гармонию. Лепка женского локтя или оттенок солнечных ковров на земле – это откровение. Оно мгновенно и неповторимо, Тутмос, и еще оно бессмертно. Я научился благоговеть раньше, чем верить. Особенно часто на закате... Когда день совсем раскрылся и клонится в объятия покоя, из которого потом родится утро. День уходит, лаская деревья, их тела превращаются в неповторимый свет, который равен плоти. Все завершено, все состоялось, все начинается. Начало и конец настолько слиты, что непонятно, чего же мы боимся больше – конца или начала. Я – завершение накопленных богатств, я – начало нового блага. Какое нужно бескорыстие, чтобы любить и мягкий финальный аккорд, и пронзительный крик новой жизни! Ах, вот оно что. Здесь была прелестьная скульптура оглянувшейся Нефертити. Ты куда-то ее переставил?

Тутмос. Я ее разбил.

Эхнатон. Какая ужасная случайность!

Тутмос. Это не случайность, Атон. Я просто взял молоток и разнес ее вдребезги.

Эхнатон вскакивает, кресло опрокидывается. Он бережно поднимает его.

Эхнатон. Кого же из нас тебе хотелось разбить, сынок? Ее или меня?

Тутмос. Я думаю, себя, Атон. Но даже это мне не удалось. Я бы хотел уехать.

Эхнатон. В Фивы?

Тутмос. Неважно.

Эхнатон. Лишь бы от нас подальше?.. Ты хочешь вернуться к старому стилю?

Тутмос. К старому я не смогу вернуться, и не о чем здесь говорить.

Эхнатон (с искренним возмущением). То есть как – не о чем говорить?

Тутмос. Атон, ты требуешь невозможного. Мы просто мастера, а тебе нужны гении. Надеюсь, ты видишь, что новые барельефы справа от дворца выполнены ужасно?

Эхнатон (жалобно). Эти милые домашние сцены с ожерельями... Я думал, что сама идея...

Тутмос. Идею нужно воплотить. И чем лучше идея, тем лучше должно быть воплощение.

Эхнатон. Но у меня есть ты.

Тутмос. Я тоже не могу этого сделать! Ты требуешь видеть красоту в мгновении, в том, что исчезает... В неуловимом и хрупком своеобразии форм. Ты хочешь, чтобы в человеке меня восхищало не величие его роли, а его собственная, не оправданная ничем неповторимость. Это больше меня. Это работа, неизвестная предкам.

Эхнатон. Как-как? Замечательно сказано.

Тутмос. Вот видишь, тебя радует случайное слово. А я не умею радоваться так бескорыстно. В старом стиле я бы мог добиться большего. Мои работы не превращаются в самостоятельные, живые вещи. Они – муляжи твоих идей.

Эхнатон. У тебя просто хандра, мой милый. Меня вполне устраивают твои произведения.

Тутмос. Зато меня они не устраивают. Уж настолько-то я художник. И вообще мне кажется, что я работаю на тех, кто придет после меня. Прокладываю путь для других! Ужасное чувство!

Эхнатон. Позволь объяснить... Да, я хотел бы показать величие неповторимого. Его божественность. Мне кажется, здесь все очень логично. От единственности Бога мы приходим к его неповторимости. От его неповторимости – к его индивидуальности. А от его индивидуальности – к своей собственной, к индивидуальности других людей. Разделять индивидуальное и божественное – это недоразумение, ошибка. Ты меня понимаешь?

Тутмос. Нет, Атон. Когда человек хочет, чтобы его поняли, он говорит о более простых вещах. Зато я понимаю другое: ты хочешь, чтобы мы изменились, а сам изменяться не согласен.

Эхнатон. Я согласен изменяться, но только в лучшую сторону.

Тутмос. Вот! Именно это я и имею в виду.

Эхнатон (*чувствуя, что гроза миновала, с вызывающей беспечностью*). Надеюсь, ты не собираешься возвращаться в Фивы?

Тутмос. Это было бы глупо, учитывая, сколько ты платишь.

Эхнатон. А Нефертити?

Тутмос. Да, Нефертити – еще один серьезный аргумент в пользу новой столицы.

Эхнатон. Как хочешь, но такой модели нигде не найти. Удивительное сочетание природной силы и тонкости. Она такая разная все время!

Тутмос. Особенно анфас и в профиль.

Эхнатон. Это из-за линии рта. Я могу смотреть на нее час, и каждую секунду меня поражает в ней что-то другое. А тело, Тутмос!

Тутмос. Ну да, и тело тоже.

Эхнатон. Мне кажется, самое главное в скульптуре – полностью отказаться от воспроизведения. Создать что-то свое.

Тутмос. Но позволь, Атон, ведь ты же предлагал следовать за природой.

Эхнатон. Это и означает следовать за природой. Она ведь никому не подражает.

Тутмос. Я кое-что слышал о мире идей, отражением которых являются любые формы...

Эхнатон. Ох, милый Тутмос, ну подумай сам: как может природа копировать идею? У них же разный материал! Она не подражает – она любит, тяготеет, познает и в результате выстраивается определенным образом.

Входит Нефертити, удивительно красивая женщина лет тридцати, для которой существует только любовь и гармония. Это придает ее лицу своеобразный оттенок решимости. Плавные движения могут сменяться резкими, но ни секунду не утрачивается равновесие и гармоничность. Все, что бы она ни делала, превращается в явное, спокойное цветение красоты.

Эхнатон. А вот и Нефертити. Здравствуй, милое небо, которое во дворце. Предупреждаю, у Тутмоса хандра. Я сегодня не могу быть с вами, дела накопились – беспорядки на границах, знаете ли. (*Значительно*). Рад, что мы поговорили, Тутмос.

Тутмос. Поговорили?!

Эхнатон уходит. Тутмос подходит к Нефертити, закрывает глаза и проводит пальцами по ее горлу и подбородку.

Тутмос. Да, он прав. Эта линия – настоящее откровение. *(С закрытыми глазами ласкает Нефертити, проводя по линиям ее тела).*

Нефертити. Что ты делаешь?

Тутмос. Смотрю.

Нефертити. Ты сумасшедший.

Тутмос. Я самый нормальный человек в Ахетатоне. Верю только в то, что можно потрогать руками.

Нефертити. Ты завидуешь ему.

Тутмос. Он фараон, моя радость. Ему нельзя не завидовать, это было бы прямым оскорблением.

Нефертити. Тогда я хочу, чтобы ты его оскорбил. *(Уходит).*

Тутмос. Надо бросить все, пока не поздно. В Фивы, упрямый жадный осел... Вон отсюда! Дорвался до придворной жизни... В Ахетатоне мне не хватает Фив, в Фивах будет не хватать Ахетатона. Неужели он прав? Неужели я могу измениться?

Подходит к креслу, внимательно осматривает его, пинает ногой. Кресло послушно опрокидывается.

5. ИТЕТ

Бен-Бен, окончательно утративший лоск, плетется вдоль дороги. За ним крадется Итет, деревенская девушка, похожая на ивовое деревцо, играющее светом и тенью. Она в любой момент готова к любому движению, не только внешнему, но и внутреннему. Итет глаз не может оторвать от Бен-Бена – видимо, даже в таком плачевном состоянии он выгодно отличается от ее знакомых парней. Она подбирается поближе, рассматривает незнакомца, стараясь, чтобы он ее не заметил, немного отстает и снова его догоняет.

Бен-Бен. Добраться до какой-нибудь пристани... И домой, домой! Я правильно сделал. Так лучше. Вот он проснется один, меня нет. Тут уж, хочешь – не хочешь, одна ему дорога – обратно в Мемфис. А иначе помер бы, старый дурак. *(В сомнении останавливается, смотрит через плечо).* Нет... так лучше. Так лучше.

Вдруг осознает, что за ним наблюдают. В испуге оборачивается. Итет делает вид, что смотрела на него просто от скуки. Бен-Бен успокаивается и продолжает путь, но она тут же догоняет его. Теперь он утвердился в своих опасениях и ускоряет шаг. Итет не в силах его отпустить; она забегает вперед и останавливает Бен-Бена.

Итет. Погоди...

Бен-Бен *(испуганно).* Что? Ты меня с кем-то перепутала!

Итет. Нет. Ты – не здешний.

Бен-Бен. Еще бы.

Итет. И ты ищешь Хапи.

Бен-Бен. Я не ищу! С чего ты взяла?

Итет. Здесь все об этом знают. Вас двое, но один совсем старый. Вы пришли в деревню и спросили у Сеннуи-первой, где можно переночевать, а Сеннуи-вторая отвела вас к пасечнику, и по дороге старик все время говорил. Потом старик уснул, а ты решил от него убежать. Только он не спал. Когда ты ушел, он открыл глаза и сделал так *(изображает беззвучный смех).*

Бен-Бен в ужасе смотрит на нее и стремительно уходит. Итет замирает на месте, даже не оглядывается ему вслед. Бен-Бен возвращается и, обессиленный, опускается на землю. Она с готовностью садится рядом.

Бен-Бен. Послушай... у тебя еда есть?

Итет. Какая еда?

Бен-Бен. Все равно.

Итет. Если все равно... Тогда пойдем. *(Вскакивает и уходит. Теперь Бен-Бен идет за ней).*

Бен-Бен. Не так быстро! Еще одна сумасшедшая... Когда же это кончится? Эй! Погоди!

6. НУБ-ХААС

Терраса дворца. Вбегает Мери, застывает на месте, жадно вбирая в себя пейзаж, который отсюда предстает в особенно выгодном ракурсе. Входит Тутмос.

Тутмос. Барышня собирается унести этот пейзаж с собой?

Мери. Она собирается.

Тутмос. Оставь хоть немного гостям. Сегодня во дворце настоящее столпотворение.

Мери. Я не люблю столпотворений. Особенно – когда много знакомых.

Тутмос. Я тоже. Особенно – когда много художников.

Мери. Ты не сделал ни одной моей статуи.

Тутмос. Ты не умеешь позировать, Мери. Это невыносимо.

Мери. Тутмос, увези меня отсюда. Я не хочу видеть, как все закончится.

Убегает, оставив Тутмоса в растерянности, что случается с ним крайне редко. Входит Нефертити.

Нефертити. Ты не видел Меритатон? *(Взглянув на него).* А, значит, видел. Куда он девалась? *(Тутмос показывает в сторону).* Ужасный сквозняк.

Уходит, ей навстречу попадается Эйи. Это жизнерадостный, обаятельный, пожилой делец от политики. Настолько верит в серьезность своих занятий, что иногда выглядит по-детски.

Эйи. Здравствуй, здравствуй. Как малышка?

Нефертити. Как обычно – насморк.

Эйи. Ну что ж, слава Атону. После рождения четвертой дочери на тебя уже можно смотреть. Раньше ты ослепляла. А что, я правду говорю.

Тутмос. Вот почему я люблю Эйи – с ним всегда знаешь, чего ожидать.

Нефертити смеется и уходит.

Эйи. Надеюсь, Хоремхеб явился на этот прием? Не мчаться же в казармы по такой жаре!

Тутмос *(сочувственно).* Ты совсем себя не бережешь.

Эйи. Ничего, ничего. На меня работает отличная лаборатория при фиванском храме. Ублажить трех женщин в одну ночь – не проблема. Позаботься лучше о фараоне. *(Подмигивает).*

Тутмос *(томно, прикивая к Эйи).* Ах нет, он не в моем вкусе!

Эйи (*отпрыгивая в сторону*). Однако здесь все вверх ногами.

Тутмос, хохоча, уходит и встречается с входящим Хоремхебом.

Хоремхеб. Напрасно ты над ним смеешься. Эйи опасный субъект.

Тутмос. Это просто дружеская помощь – сам он не умеет над собой смеяться. (*Уходит*)

Эйи. А, наконец-то! Я, собственно, ради тебя приехал. Не правда ли, красивый пейзаж?

Хоремхеб. С каких пор ты начинаешь издалека?

Эйи. Да, верно. Здешняя атмосфера способна развратить кого угодно. Слушай, Хоремхеб: как тебе известно, преподобный Нахт готов был молитвы читать за здоровье еретика-фараона, лишь бы тот окончательно выбил из седла его двоюродного брата и главного соперника по фиванской кормушке. Теперь, когда братец Нармер лежит в пыли, преподобный Нахт желает, чтобы Ахетатон растаял, как мираж. Он рыдал у меня на плече, описывая, как славно будет жить при фараоне Эйи.

Хоремхеб. Я тебе уже говорил...

Эйи. Я не хочу, чтобы ты говорил; я хочу, чтобы ты просто слушал. Момент сейчас, конечно, невыгодный: хаос уже начался, но еще не достиг нужного уровня. Поэтому я съездил в Мемфис, наведаясь в храм и убедился, что там по-прежнему любят фараона, который разобидел их фиванских конкурентов. Все мое время, Хоремхеб.

Хоремхеб. Я сейчас пойду к фараону и расскажу ему, какой хлопотун его первый министр.

Эйи. Да знает он. С его точки зрения, мы с ним отлично дополняем друг друга. В плохие минуты мне кажется, что я действительно ему необходим. (*Приободрившись*). Ничего, ничего. Мы освободим Эхнатона от участия в политических дрязгах. И после этого мне будет очень нужен такой верный человек, как ты. (*Ласково хлопает Хоремхеба по плечу*).

Хоремхеб. Иногда мне кажется, что он тебя придумал, Эйи, как свои гимны и сюжеты для Тутмоса. (*Уходит*).

Эйи. Придумал... Ну уж нет. Куда ему меня придумать. Сам себе иногда удивляюсь. Кажется, насморк начинается. Не на пользу мне эти холмы. А жаль, красиво здесь. (*Всматривается в пейзаж, и, с чувством высморкавшись, удаляется*).

Входят Эхнатон и Каапер.

Эхнатон. Я начинаю бояться твоих появлений. Ты выглядишь внушительнее, чем весь Ахетатон.

Каапер. Кто-то должен здесь поддерживать порядок.

Эхнатон. А что это торчит у тебя из-под мышки?

Каапер (*протягивает рукопись*). Если фараон позволит... Для меня было бы счастьем узнать мнение такого мастера поэзии..

Эхнатон. Хемиун!.. Каапер! Чтоб вас обоих... Ты поэт?!

Каапер. Это лишь скромные попытки отразить нашу полную нововведений повседневность.

Эхнатон. Ну что ж, с конъюнктуры начинают многие. Оставь, я прочту.

Каапер. Могу я рассчитывать на совет?

Эхнатон. Можешь рассчитывать, что, если не остережешься, станешь хорошим поэтом.

Каапер. Мне бы хотелось всего-навсего подправить стиль...

Эхнатон. Давно пора, я же тебе говорил. Но литература – это не стиль и даже не текст, Каапер. Это река, а слова – узоры лепестков на воде.

Каапер (*забирая у него рукопись*). Может быть, в другой раз...

Эхнатон. Как хочешь.

Каапер. Я могу объявить о визите?

Эхнатон. Давай, я уже привык к твоим штучкам.

Каапер (*громко*). Преподобная жрица Нуб-Хаас из фиванского храма Амуна!

Эхнатон. Нуб?! Нуб в Ахетатоне?! Надо было сразу сказать! Чего ты тянул?

Каапер. Ну... кто знает, будет ли потом возможность побеседовать о литературе.

Эхнатон. Позови Нуб. И позови еще кого-нибудь... Нефертити, Тутмоса, Мери... Нет, никого больше не надо. (*Каапер, поклонившись, уходит*).

Появляется Мери. Эхнатон вздрагивает.

Эхнатон. Я же сказал никого больше не звать!

Мери. Меня не звали. Просто я ее видела.

Эхнатон. Ты не знаешь, кто эта женщина. Уходи отсюда, Мери.

Мери. Опасность грозит не тебе.

Эхнатон. Вот как? А кому же?

Мери. Ей.

Входит Нуб-Хаас. Это опытный, успешный маг и педагог в полном расцвете сил и красоты. Даже пребывая в покое, она чувствует струение мира, и это видно. Все ее движения точны, как у человека, привыкшего к ритуалу, и в то же время как бы не заканчиваются, потому что она ощущает изменения, вносимые ими в пространство. У нее пристальный и ясный взгляд существа, не боящегося жизни, и мягкая ирония, которая не раздражает, а успокаивает окружающих.

Нуб. И все же давай обрадуемся этой встрече.

Эхнатон. Ты знаешь, как я по тебе скучал. Было время, когда разлуки с тобой я боялся больше смерти.

Нуб. Я горжусь тобой, Мени. Я рада, что ты начинал под моим руководством.

Эхнатон. Иначе говоря, ты меня создала, а потом я отбился от рук.

Нуб, я просто теряюсь. 10 лет я искал и создавал свой мир, и в результате школа, которая взрастила меня, утратила свое могущество. А теперь мне кажется, что все это было затянувшимся экзаменом, и ты пришла сообщить мне оценку.

Нуб. Это твоя старшая? Способная девочка.

Эхнатон. Не понимаю. Ты хочешь забрать Меритатон?

Нуб. Ты никогда меня не понимал. А тебя понимают, Мени?.. Ну то-то же.

Эхнатон. Ты не могла бы... Я отвык от этого имени.

Нуб. Зато оно к тебе привыкло. Ты довольно долго был Аменхотепом и Мени, прежде чем стать Эхнатоном. У имен своя жизнь, дорогой.

Эхнатон. Как тебе город?

Нуб. Ты выбрал хорошее место.

Эхнатон. Правда?! Ну вот... Знаешь, я думал, что ты приедешь раньше. А потом стал думать, что не приедешь никогда.

Нуб (*жестко*). Сколько ты еще намерен продержаться?

Эхнатон. Продержаться?

Нуб. Ты мошенник, дорогой. Ты подсовываешь людям метафизику под видом политики.

Эхнатон. Я ничего не подсовываю. Я прямо говорю, что метафизика и есть моя политика.

Нуб. Ну хорошо. Предположим, ты пророк у власти, который к тому же вплотную занимается искусством. Но ведь ты больше не слышишь Атона, Мени. Сейчас ты уж точно мошенник.

Эхнатон. Нельзя создать нечто новое и ни разу не оказаться при этом мошенником, Нуб.

Нуб. Ты жертвуешь всем ради идеи, которая нежизнеспособна. В твоей системе отсутствует страх. Фивы веками держались на ужасе, который человек испытывает перед воротами смерти. И этот ужас облагородил многие поколения. Ты хочешь лишить людей страха, но что же заставит их стремиться к совершенству?

Эхнатон. Любовь к совершенству, конечно. Можно стремиться к радости, а не бежать от смерти.

Нуб. Идея Единого Бога, на которой ты основал свое царство, это вершина фиванского тайного знания. Как по-твоему, Мени, почему мы до сих пор ее утаиваем? Ведь она не только истинна – она еще и удобна! Но люди не готовы к этому. Самые разные боги легко уживаются вместе, когда их много. Как только люди осознают единственность Бога, каждый начнет отстаивать своего. Или, по-твоему, они поймут, что разнообразие Бога так же бесконечно, как его единственность? Что можно обращаться к Единому, называя его разными именами?

Эхнатон. Вряд ли войны могут быть религиозными. А что касается имен... Мы ведь даже друг друга называем по-разному, Нуб.

Нуб. Я уже сказала, что горжусь тобой, и могу повторить это снова.

Эхнатон. Что случилось? Зачем ты приехала?

Нуб. Через несколько дней тебя убьют. Я больше ничего не знаю, Мени, и... ничего не могу с этим сделать. Кто-то хочет обставить всех остальных игроков. Его сила – в неожиданности, и мне не удастся его разглядеть. Может быть, поэтому, что я слишком боюсь за тебя.

Эхнатон. И ты приехала, чтобы меня предупредить? Значит, это правда, Нуб, мы по-прежнему вместе!

Нуб. Мени, послушай...

Эхнатон. Я тоже ничего не могу сделать, родная моя. До сих пор меня не трогали, потому что для нескольких прожженных шельмецов моя жизнь была чуть выгоднее моей смерти. Собственно, это можно сказать о любом фараоне... И я пока что мог играть в свою игру. Как только пошатнется это равновесие, меня не станет. Все возвращается к началу. Ты здесь, и я счастлив.

Нуб (*плачет*). Мени... Давай продумаем уступки Фивам... и будет еще время поиграть.

Эхнатон (*обнимает ее и уговаривает*). Умиряющего не обманешь, Нуб. Я знаю: тот, кто хочет меня проглотить, проглотит и Фивы, и Мемфис, и бедного глупого Эйи в придачу. Вот погляди, Мери не страшно.

Нуб. Ты правильно ее воспитал.

Эхнатон. Я ее вообще не воспитывал.

Нуб (*смеется*). Это моя недостижимая мечта... (*Всматривается в Эхнатона*). Я говорю в третий раз, что горжусь тобой, Мени... Иди, оставь нас вдвоем.

Эхнатон. Ты сказала, что ничего нельзя сделать.

Нуб. А что я сказала тебе в наш первый день, когда мы смотрели на ирисы?

Эхнатон. Ты сказала: «Запомни, я могу ошибаться». (*Уходит*).

Нуб. Тебе интересно? Подойди поближе. Я буду делать и объяснять. Если получится – должно получиться, – ты ему скажешь. Хорошо? (*Мери кивает и перемещается поближе к ней*). Благодарю за эту тайну, Амун! От единственности Бога – к единственности человека... Я ощущала ее, а теперь вижу, хотя именно о ней мы не сказали ни слова. Ты заметил?.. Ей придется долго ждать признания. Во-первых, хлопотно, во-вторых, для интриг не годится. Но она уже здесь, сквозняки Ахетатона переносят ее из одного недостроенного зала в другой и выдувают наружу. Спасибо, Амун. И спасибо за то, что она проникла через моего ученика, моего лучшего ученика. Я знаю Мени, тебе это нелегко далось. Еще одна просьба, Амун... Ему грозит гибель. Я знаю, что никто не может помочь. Даже его учитель. А как насчет учителя, который стал учеником, Амун? Подумай, эта ситуация тебе наверняка пригодится! Обычно в таких случаях предлагают одного человека за другого. Но тут нужен новый подход. Я не говорю – этот человек вместо того человека, я говорю – жизнь вместо смерти. Это не мошенничество, Амун! Хорошо, пусть мошенничество, но другой, высокой пробы. Мошенничество в стиле Мени. Я хочу создать реальность, в которой его смерти нет, Амун. В которой он уцелеет. Выше мне уже не подняться. Это будет завершением моей работы. Что ж, пусть я изменюсь и смогу то, чего не могла никогда – просто жить. Я не просила об отдыхе, но, может быть, отдых – тоже работа. Может быть, это и значит подняться выше? Посмотрим. Дело не в движениях, Меритатон. Движения могут быть любыми. Главное – чувствовать пространство, которое ты создаешь. Чем глубже чувствуешь, тем глубже изменения. (*Делает несколько медленных, спокойных движений. Опускает руки. По ней проходит волна изменений – так же спокойно и медленно. На Мери смотрит другая женщина – тихая, добрая, с осанкой королевы и усмешкой крестьянки. Мери вскакивает и убегает. Нуб делает глубокий вдох*). Пахнет жасмином. (*Уходит*).

7. ХАПИ

Заземанх. Вот что я тебе скажу, дорогой Хапи: ходить – это самое простое.

Как выяснилось, труднее всего – повернуться с боку на бок, когда просыпаешься. Ах! Где мои семьдесят пять лет? Кстати, Хапи, почему ты прячешься от нас? Что это за шуточки? Ладно, не хочешь говорить – не надо. Пусть будет по-твоему, Хапи. Но соблаговоли утихомирить мой геморрой, а также сделай что-нибудь с мозолями и ломотой в правом плече, иначе я сегодня же подохну тут в пыли на радость твоему милейшему избраннику. Вернись, пожалуйста, вернись! Именно потому, что мы – слабые, упрямые, трусливые и мелочные, ты не должен отлучаться надолго. Хватит! Слышишь? (*Издает вопль*).

В ответ раздается крик Итет. Она вбегает, таща на себе Бен-Бена, который мычит и размахивает руками.

Итет. Дедушка! Дедушка! Посмотрите, что с ним случилось!

Заземанх (*с интересом изучая Бен-Бена*). Что случилось, я вижу. А теперь рассказывай, как тебе это удалось.

Итет. Мы ничего такого не делали. Я просто хотела на него посмотреть. Сеннуи сказала, что он из Мемфиса.

Заземанх. Посмотреть?..

Итет. Ну, еще поговорить, если получится. Я вообще-то с любимым могу поговорить.

Заземанх. А потом?

Итет. Потом он спросил про еду. Я ему дала молока, половину лепешки и сыр. Он заплакал и все съел.

Заземанх. Ага... но это было не твое?

Итет. Почему не мое? Это была еда моего брата.

Заземанх. Так вас брат, что ли, застучал?

Итет. Нет, брат работает в поле, а мы пошли туда, где заросли. Там луг недалеко.

Заземанх. Ну, ну?

Итет. У нас говорят, что, если девушка ляжет с каким-нибудь жрецом, она потом тоже непременно станет жрицей. Я его спросила, правда это или нет.

Заземанх. Ты веришь в такую ерунду?

Итет. Надо же было о чем-то говорить. Мы легли в траву, она как раз цветет, и, знаете, такой горячий запах.

Заземанх. В траву?

Итет. Мы даже не разделись, мы только легли. Я слышала, что он идет, но я-то его знаю.

Заземанх. Кого?

Итет. Может быть, это потому, что он черный? А он поднял голову и как закричит...

Заземанх. Да, Хапи, это действительно смешно.

Итет. Это нашего соседа бык, его зовут Уголек, быка, а не соседа.

Заземанх. Белый квадрат на лбу, белый орел на спине и остальные 26 признаков.

Итет. У этого соседа есть еще свинья, вот она злая, хуже собаки. А Уголек... он просто любопытный.

Заземанх. Да, Хапи, и девушка как раз в твоём вкусе. Кстати, верни парню речь и прочие полезные привычки. Насколько я знаю, ты не склонен разочаровывать женщин.

Итет. Может быть, его сглазили? Девчонки мне завидуют, потому что я с любимым могу поговорить.

Заземанх пытается оторвать от нее Бен-Бена. Она не отдает. Заземанх, ковыляя, обходит вокруг Итет, рассматривая ее с восхищением, так же как в начале он смотрел на Бен-Бена.

Заземанх. Как твое имя?

Итет. Итет.

Заземанх. На рассвете приходи сюда. Поедешь с нами в Мемфис.

Итет (*отпускает Бен-Бена, который валится на землю*). Приду! (*Убегает*).

Заземанх (*плюхается на землю рядом с Бен-Беном*). Да, Хапи, неплохо получилось. Я бы даже сказал, максимальный эффект. Уже 200 лет тебе не удавалось так повеселиться. Никто не хочет играть по твоим правилам, а? Ну, их можно понять, Хапи. Их можно понять. Найти за 70 дней точно такого же быка... со всеми 28-ю признаками... невозможно, Хапи! Невозможно! Теперь-то я могу сказать об этом прямо.

Хочет. Бен-Бен вторит ему слабо, но настойчиво.

8. НЕФЕРТИТИ

Нефертити стремительно идет куда-то, держа за руку Эхнатона.

Эхнатон. Нефер... Это уже второй круг по дворцу, включая недостроенные помещения. Зачем я приказал расширить левое крыло! Нефер, я сбился с дыхания, и вообще я ненавижу бег. Куда мы идем, любовь моя?

Нефертити (*резко останавливается*). Не говори так.

Эхнатон. Но... почему?

Нефертити. Потому что я не чувствую твоей любви.

Эхнатон. Но, лю...

Нефертити. Нет.

Эхнатон. Послушай... оглянись вокруг. Барельефы лучших резчиков... скульптуры Тутмоса... моя поэзия, в конце концов... Я окружил тебя доказательствами...

Нефертити. Мне не нужны доказательства.

Эхнатон (*испуганно*). Плохо дело. Если не нужны доказательства, значит, дело плохо.

Нефертити. Все эти публичные объятия – он не настоящие.

Эхнатон. У нас были настоящие объятия. У нас четверо детей, Нефер.

Нефертити. Мени, ты можешь делать то, чего другие никогда не делали. Ты можешь кричать о нашей любви на всех перекрестках Египта.

Эхнатон. Я делаю это не только ради твоей красоты. Я заявляю о любви как о высшем начале, которое происходит в непосредственном присутствии Бога. И потом, я не кричу о любви, а скорее беседую о ней.

Нефертити. Но ты ее не чувствуешь.

Эхнатон. А ты? (*Нефертити кивает*). А я?.. (*Нефертити качает головой. Он пытается ее обнять*).

Нефертити. Нет.

Эхнатон. Ты не можешь подождать еще немного? (*Нефертити качает головой*). Что, прямо сейчас? (*Она кивает*). А если ничего не получится?

Нефертити. Я перейду в Северный дворец, когда его достроят.

Эхнатон. Чтобы забыть меня?

Нефертити. Нет. Чтобы любить. (*Медленно уходит*).

Эхнатон. Но я не понимаю, как это делается. Ты не могла бы мне помочь?

Он не видит, как Нефертити, остановившись вдали от него, совершает безмолвное объятие: она прикается к невидимой сущности Эхнатона и раскрывает его способность любить. Это ее движение может быть любимым, в том числе – незаметным. Затем она уходит.

Эхнатон. Каапер! Каапер! (*Вбегает дворецкий*). Немедленно прекратить строительство Северного дворца! (*Дворецкий убегает*). Вот этого я и боялся всю жизнь. Нефер говорит правду. Я знаю эту правду в лицо. Как странно, кажется, я больше не боюсь. Я вернулся, Атон. Я вернулся. Кто кому помог, Атон? Кто кого спасал? Я их или они – нас с тобой? Теперь не отличишь. Да и неважно. Вот оно, закатное солнце. Мы почти одного роста. Мы смотрим друг другу в глаза. Это настоящее объятие. Давай всегда будем вместе. Она спросила: вместе навсегда? Я спросил, что это значит. Она объяснила. Вы себе это представляете? Навсегда. Не только в этой жизни, но и дальше. Я не смог ответить. Наверное, от неожиданности... Нет. Я испугался что-то при этом потерять. Зачем же, думаю, навсегда. Это уж слишком. Но ведь на самом деле это навсегда. Почему я не сказал ей сразу? Да, любовь моя, мы вместе навсегда. Вместе. Навсегда. Какое счастье. Значит, это возможно? Да. Возможно. Да.

ЕЛЕНА КУШНИР

Родилась в Кишиневе в 1963 году. В 1985-м окончила Всесоюзный Государственный Институт Кинематографии (Москва), сценарный факультет. Пишет прозу, стихи, пьесы. Была награждена Почетной премией Национального конкурса по драматургии 1999 года за цикл пьес «Тысячелетнее Царство». В 2005 году выиграла соросовский конкурс на дебютную книжку. Сборник называется «Белый мяч».

С 1985 года принимает активное участие в культурологических изысканиях на темы искусства, творчества и восприятия. Результаты разработок получили одобрение К. Э. Разлогова (Российский институт культурологии). Как педагог и второй режиссер Студии театральной импровизации, Е. Кушницкая разрабатывает и осуществляет в Кишиневе современные формы ритуально-драматического театра, а также карнавала (на основе карнавального концепта М. Бахтина).

ПРОЗА

Поле притяжения

ТАМАРА АРТЕМЬЕВА

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Анна очнулась от боли. Иван спал не раздеваясь, уткнувшись лицом в подушку. Сначала ей показалось, что он почти не дышит. Она встала на колени, опираясь на постель, и прислушалась.

«Нет... дышит». Гнетущую тишину комнаты изредка нарушал прерывистый, приглушенный храп мужа. В доме пахло ванилью, испеченными куличами.

Попыталась встать с холодного пола, но резкая боль в правом боку не позволяла ей подняться. Она с усилием прислонилась к кровати, стараясь выпрямить спину.

Весь праздник испортил, проклятуший. Опять он избил её. Она тихо заплакала, с усилием сдерживая рыдания, рвущиеся наружу, чтобы не разбудить дочь. Она ненавидела этого человека, который вот уже восемь лет был ее мужем, хотя когда-то любила его больше жизни. Он – такой большой и сильный, казался ей надежной защитой и опорой.

Шесть лет после свадьбы они жили душа в душу. Двоих детей подарила она мужу – старшему Ванятке, было пять лет, Иринке – три года.

На седьмой год в дом пришло большое горе – утонул в реке Ванятка. Иван целыми ночами где-то пропадал, заливая горе самогоном, а, возвращаясь, вымещал всю боль на ней, что недоглядела, не уберегла сына.

С тех пор в доме не стало праздников, и угрожающая тишина изредка нарушалась ее стонами и пьяным храпом мужа. Постепенно вытесняя любовь, закралась в сердце ненависть. «Пусть бы совсем, ирод, перестал дышать», – подумала вдруг Анна. Сердце сильно застучало, противясь этой внезапно появившейся мысли, но она уже не покидала ее. «Лучше совсем, раз и навсегда избавиться от этого изверга. Господи, грех-то какой! А какой грех? Разве это жизнь? Разве так живут люди?»

Ей стало жаль себя, и она еще сильнее зарыдала, кусая зубами краешек одеяла, чтобы удержать крик изболевшей души. Почти три года жила, как в аду, и ни одного светлого денечка. Анна тихо, еле сдерживая стон, поднялась с колен и долго смотрела на помятое, осунувшееся лицо мужа. Вытащила подушку, обхватила руками, полная решимости осуществить задуманное, но вдруг услышала перезвон колоколов. Он словно разбудил её от дурного сна, ворвался в мысли, постепенно наполняя сознание этим звоном. Это звонили в соседнем селе: начался пасхальный крестный ход.

Она стояла, прижимая к себе подушку, слегка покачиваясь то назад, то вперед, вслушивалась в этот звон, ощущая призывную мощь праздничного благословения, чувствуя, что внутри нее словно открывается какой-то клапан и становится легче дышать. Все мысли растворялись в этих звуках, радостно набирающих силу и высоту и разлетающихся в разные стороны божественным напевом.

Анна машинально набросила на себя платок и тихонько проскользнула на крыльцо. Было еще темно, ярко светили звезды, умиляясь призывному звону. Она вышла за калитку и пошла на этот звук, с каждым шагом все больше распрямляя плечи. И черная тоска, с годами сжимавшая сердце, стала вытесняться этим звоном. Анна смахивала ее с тела, резко отбрасывала в сторону, чтобы освободиться от нее навсегда.

Она шла легко, даже не шла, а парила над землей, будто перышко. На миг остановилась, машинально сорвала зеленую былинку и пожевала. У травы был приятный горьковатый вкус. Запах ночного поля опьянял. Она пошла по тропе мимо поля, словно хотела выпить в себя всю его силу. Все вокруг казалось таким прекрасным, что невольно вызывало восторг в душе.

По дороге повстречала Авдотью с мужем.

– Христос Воскресе!

Анна ответила поспешно и радостно:

– Воистину Воскресе!

За поворотом встретила свою первую учительницу.

– Христос Воскресе, Анна!

– Воистину Воскресе! – Она отвечала, улыбаясь, ликующе, каким-то торжественным, певучим тембром, давно забытым ею.

– Христос Воскресе, тетя Аня! – поздоровался с ней Мишаня, сын тети Агафьи.

– Воистину Воскресе! Воистину Воскресе! Воистину Воскресе!

Анна только теперь прочувствовала весь смысл этой фразы, которою машинально повторяла из года в год. Красота звучания переполняла её, очищала, высветляла душу.

Она свернула в березовую рощу, чтобы побыть одной. Бродила среди деревьев и, поддавшись их очарованию, прислонялась щекою к коре, нежные листья касались лица, ласкали ее. Анна совсем потеряла ощущение действительности: места, времени, пространства. Опустившись на мягкую, пушистую траву, прислонилась к стволу молодой березки и устремила глаза к небесам, откуда разливалась, умиротворяя, безмолвная музыка. Майское солнце поднималось высь и пригревало землю своим теплом, и она не заметила, как задремала. Разбудил ее тот же колокольный звон. Волнующий волшебный благовест, осеняя все вокруг, рассыпался мельчайшими осколками чудесных чистых звуков. Был первый день Пасхи.

Через тончайшее кружевное плетение березовых веток просвечивали золотые лучи солнца. Природа была словно заколдована, кругом все перешёптывалось тысячами голосов, звенело, ликовало от восторга. «Господи, хорошо-то как!» – воскликнула, поднимаясь, Анна и, засмеявшись, как в детстве, бросилась бежать, напевая веселую мелодию. Она неслась по дороге, зажигаясь радостью,

кружилась, пританцовывала, удивляясь всему, что её окружало. И только перед деревней, немного сбавив темп, пошла быстрым, уверенным шагом.

Анна думала о том, что сейчас сядет за праздничный стол и скажет родным, что любит их. А Иринка с дедом Василием будут бить пасхальные яйца.

У дома перед калиткой стоял Иван и Иринка.

– Мама, – побежала навстречу ей заплаканная дочь, – где ты была?! Мишаня сказал, что ты пошла на реку.

– Христос Воскресе, доченька! – Она прижала девочку к себе, поцеловала и стала нежно гладить её волосы, стараясь успокоить.

– Христос Воскресе! ... Анна! – услышала она тихий голос Ивана.

Она подняла глаза. На нее смотрели такие близкие и родные глаза мужа. Она только молча глядела на него, словно впервые увидела.

– Христос Воскресе, Анна!

Она подошла к мужу. Иван прижал ее к себе. Нежно, легкими касаниями он целовал ее лицо, руки, тело, которое еще ночью с таким остервенением бил. Анна не замечала стоящих вокруг соседей, а видела только родное, давно забытое лицо мужа.

И, раскрывшись навстречу этой скупой мужской радости и покаянию, произнесла:

– Воистину Воскресе!

ЧУЧА

Они поселились в нашем доме ранней весной. После евроремонта весь первый этаж в подъезде стал принадлежать приезжим. «Новые русские» – так окрестили их местные бабули. Грузчики заносили красивую мебель, экзотические цветы и многое другое, чего не было в наших квартирах.

Затем у подъезда остановился шикарный перламутровый «мерседес». Из него вышел высокий худощавый мужчина средних лет. Нагнувшись, он взял на руки мальчика, на вид лет десяти, и вошел с ним в подъезд. Следом грузчики занесли инвалидную коляску.

– Вот горе-то, – покачала головой тетя Зина, моя соседка. – Денег, видать, много, да счастья маловато.

– Бедный ребенок, – поддержала ее всезнающая Варвара Петровна. – Что, за границу дитя повезти не могут? Машина-то, смотри, какая!

– Да что им ребенок, – съязвила тетя Зина. – Главное, чтобы все вокруг блестело и переливалось.

Недели через две совсем растаял снег, и на улицу, словно грибы после дождя, высыпали малыши. Радостный весенний гомон детворы доносился в квартиры и наполнял их обитателей желанием чего-то нового.

Теперь я подолгу гулял с Бимкой, щенком английской породы – кокер-спаниелем, и не раз видел отца мальчика. Выходя из машины, он спокойно, с достоинством захлопывал дверь, затем подходил к подъезду и здоровался с сыном, поджидавшим его на лоджии.

– Никита, привет!

– П-п-при -ввет, па-па, – серьезно, по-взрослому, но сильно заикаясь отвечал мальчик. Никиту заносили в комнату, дверь лоджии затворяли, скрывая за стенами чужой, незнакомый мир.

Однажды перед школой, около семи утра, я вышел прогуляться с Бимкой и внезапно остановился, засмотревшись на нежные побеги травы, покрывающие новым узором ещё прохладную землю. Щенок радостно помчался по двору, обнюхивая каждый куст.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, я оглянулся. На лоджии, за резной решеткой, в инвалидной коляске сидел мальчик с вьющимися белокурыми волосами и пристально смотрел на меня, словно звал к себе.

Подойдя к нему, я протянул руку через ограждение лоджии: «Давай знакомиться. Я – Сергей, живу в соседнем подъезде, в этом году заканчиваю двенадцатый класс». Никита молча, не сводя с меня больших серых глаз, вложил свою маленькую холодную руку в мою.

– Ниики-та. Т-тт-ы.. те-п-лы-й. А... м-м-не.. в-сег-...да хо-..хо-ло...дд-но. Я...– у-ч-у-сь до-ма. с...ам. В н-о-яб-ре м-не буууу-дет д-дев-ять летт...

Таких больших глаз, полных печали и боли, я никогда не видел. Страдание наложило свой отпечаток на его лицо, и он казался намного старше своих лет. Так мы познакомились. Теперь по утрам я всегда отпускал Бима одного и подходил к Никите.

Как-то утром, возвращаясь домой после ночного Интернета, я увидел растерянного Никиту. Сжимая руками прутья решетки, он недоумённо разглядывал пустынный двор, а, увидев меня, стал радостно махать рукой. Мне стало не по себе, когда я заметил, что мальчик обрадовался моему появлению. Я чертыхнулся, удивляясь своей сентиментальности.

– Привет!

– З-зз-д-рав-с-т-вуй, тттты, г-де б-ыл?

Его рука, держащая железную решетку, была совсем холодной. Неожиданно для себя, взяв обе его руки, я осторожно, словно боясь причинить боль, стал растирать озябшие пальцы.

– С-ппа-си-бо, те-ппп-ло, – поблагодарил Никита.

Дверь подъезда хлопнула. На улицу вышел его отец.

– Никита, значит, это и есть твой знакомый? Доброе утро, молодой человек. – Он протянул мне руку. – Николай Иванович. А Вас, я знаю, зовут Сергей. Сегодня приедет наша бабушка и поможет Никите спуститься во двор.

Позже от бабушки, Марии Анатольевны, мы узнали, что Никита упал с качелей в полтора года и с тех пор не ходит, сильно заикается, и три раза в неделю к нему приходит врач-логопед.

Пролетело два месяца. Никиту ежедневно, если не было дождя, вывозили на улицу.

Я готовился к госэкзаменам и редко выходил гулять. Однажды утром, разговаривая с Никитой, мы услышали залиvistый лай Бимки, который бегал вокруг жасминового куста. Подбежав, я увидел маленького кутенка, сжавшегося в комок.

– Бимка, а ну, отойди! – Я взял щенка на руки: его глаза заплыли от грязи и крови, на надбровье была глубокая рана, передняя лапа кровоточила.

– Никита, посмотри, – я поднес его ближе к мальчику, – ему нужна помощь.

Никита напрягся всем телом, глаза заблестели, и он ласково, едва касаясь шерстки, погладил щенка. Я занес малыша к себе в дом. Бимка тихо терся о мои ноги, понимая важность происходящего. Пока я промывал и обрабатывал рану найденышу, он тихо поскуливал и вскоре, полностью доверившись мне, уснул у меня на руках.

Смастерив что-то вроде собачьей будки, через три дня я вынес щенка на улицу.

Дети сразу окрестили его Чучей – такой он был смешной и неуклюжий, весь измазанный зеленкой, – и стали подкармливать его.

Так у нас во дворе появился Чуча. Но прижился щенок только благодаря стараниям Никиты. Эти два существа прекрасно понимали друг друга. Едва завидев мальчика, Чуча выбирался из кустов, хромя, подползал к коляске и, радостно повизгивая, пытался встать на задние лапы. Каждый раз Никита доставал из кулька колбасу или мясо и бросал их Чуче.

Как-то раз бабушка захотела отогнать собаку, но Никита страшно закричал булькающим гортанным звуком: «И.....и. Н и.....и..», приподнялся на ноги и с силой рухнул в коляску.

– Ну, хорошо, хорошо! Пусть это чучело лежит возле тебя, – сказала бабушка. – Тебе купят другого щенка, породистого.

Но Никита отрицательно покачал головой.

– Дурачок, – пожалела его Мария Анатольевна. – Сам больной и зверя больного пригрел.

Однажды после экзаменов мы с ребятами отдыхали во дворе возле дома. Никита сидел в коляске в тени каштана и кормил Чучу, который быстро поправлялся на «деликатесных харчах».

– Сергей, – подошла ко мне Мария Анатольевна, – посмотри за Никитой, я схожу за кефиром.

Я кивнул: – Посмотрю, посмотрю. Да никуда он не денется.

И, взглянув на Никиту, который с улыбкой наблюдал за щенком, гоняющимся за бабочкой, тут же увлёкся разговором с друзьями.

Потом соседи рассказывали, что неожиданно из-за кустов вышел помятый, грязный мужик. Он поймал Чучу и попытался запихнуть в мешок. Щенок отчаянно взвизгнул и укусил мужчину за руку. Тот грязно выругался, но не выпустил его из рук.

Все остальное, что я видел и слышал, вижу и сейчас как наяву.

Я оглянулся, когда услышал страшный крик Никиты. Опешив, я сначала не смог двинуться с места. Мальчишка заговорил! Его отчаянный крик стоял в моих ушах.

– Нет! Чуча! Нельзя! – он резко бил по воздуху руками, делая отчаянные усилия, чтобы встать на ноги. Еще раз – и Никита рывком поднялся, но, не удержавшись, упал на землю. Секунды, которые он полз по земле в сторону бомжа, показались мне вечностью.

Опомнившись, ребята кинулись к мужику, я – к Никите, поднял его и попытался усадить в коляску.

– Нет! – кричал он, вырываясь. – Чуча! Чуча!

– Да здесь твой Чуча, на, возьми, – протянул щенка подошедший Толян.

Никита прижал собаку к груди и сразу резко обмяк. Мне удалось наконец посадить его в коляску.

– Чуча! – всхлипывал он, обнимая щенка, даже не осознавая, что говорит. Никита произносил слова четко, ясно и понятно, словно и не заикался никогда. А Чуча лизал ему лицо. Мальчик только сильнее прижимал его к груди. «Чуча! Хороший Чуча!» И не было силы, способной их разлучить.

Раньше я никогда не плакал, но тут меня пробрало. Я отвернулся, вытирая катившиеся по щекам слезы.

– Сережка, вот здорово! Никита заговорил, – сказал Толян.

Здорово! Конечно, конечно, здорово! Но я представил, как, если бы нас не было рядом, Никита полз бы за мужиком, полз так долго, насколько бы хватило сил...

Никита заговорил, а через три месяца понемногу начал вставать на ноги. Чуча живёт в его квартире и стал счастливым ухоженным псом, чем-то напоминающим сибирскую лайку. Теперь я выгуливаю обоих: Бимку и Чучу.

Никита стал реже появляться во дворе. «С утра до ночи занимается на тренажере», – с гордостью говорит Мария Анатольевна. «Убеждён, что скоро будет гулять с Чучей сам!»

ТАМАРА АРТЕМЬЕВА

Родилась 3 апреля 1950 года в Молдове, п. Рышканы. Окончила Кишиневский политехнический институт. Работала в «Каса Националэ» экономистом. В девяностых годах начала писать для детей. В 2005 г. вышла первая книга «Лучистые сказки». В 2007 г. – книга «Радуга», в соавторстве с Т. Орловой и Н. Родиной. Статьи публиковались в газетах «Столица» и «Новое время». Член Ассоциации русских писателей РМ.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Один в поле - воин

ПЁТР ШОРНИКОВ, доктор истории

ИЕРЕМИЯ ЧЕКАН, СВЯЩЕННИК И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Личность и деятельность И.Чекана, священника и публициста, более трех десятилетий выступавшего на общественной арене Бессарабии, привлекла внимание общественности и исследователей в 90-е годы XX века. Выдвигаются предложения о его канонизации. Кем же был этот человек?

«Журнал священника Иеремии Чекана, – полагал в 30-е годы историк Бессарабской Церкви Н.Поповский, – был, кажется, единственным во всей России явлением своего рода, привлечшим своим содержанием даже внимание центральных властей Петербурга»(1). Советский молдавский философ А.И. Бабий квалифицировал И. Чекана как «старого молдавского черносотенца», а его взгляды на устройство общества – как «яркий образец смычки клерикального антикоммунизма и немецкого фашизма»(2). Воспев И.Чекана как церковного оппозиционера дореволюционных времен, «неизменной точкой опоры» при оценке «всей бессарабской публицистики» провозглашает его современный автор Ю.Колесник(3). Представляется необходимым рассмотреть общественную деятельность священнослужителя в период революции и в 20-е – 30-е гг., когда Бессарабия находилась под властью Бухареста.

Как у каждого из пишущих, у Иеремии Чекана имелся личный архив. Но когда его деятельностью заинтересовалась сигуранца (румынская политическая полиция), материалы этого архива стали пополнять «дело», заведенное на него этой службой. Агенты были безграмотны и нерадивы, чиновники – предвзяты, малокомпетентны и неряшливы, и все же год за годом подшивая в досье доносы, рапорты, справки, докладные записки функционеров и, что важнее, попадавшие в их руки письма, записки, черновики статей, газетные публикации поднадзорного, они создали документальный фонд, позволяющий судить о его воззрениях и деятельности. Досье И.Чекана превратилось в досье на него(4). Кем же был в действительности этот фигурант истории Молдавии, обильно увешанный ярлыками?

Иеремия Федотович Чекан, следует из имеющейся в «деле» его «Автобиографии», родился 31 мая 1867 года в селе Беляевцы Хотинского уезда в семье бедных крестьян-молдаван. В 1889 году окончил Кишиневскую семинарию. Женился, родились дети: Людмила, Зинаида, Александр, Николай, Борис. Назначен на священническое место в церковь села Котылево Хотинского уезда. Рукоположен во диаконы, а вскоре – во священники. Назначен учителем и законоучителем

в им открытой и им содержащейся церковно-приходской школе грамоты. Служил в церкви села Старый Рошкан Бендерского уезда. Переведен в церковь села Нишканы Оргеевского уезда. Здесь И.Чекан проявил себя на общественной стезе гораздо шире: открыл для крестьянских детей регентскую школу грамоты, где стал заведующим и законоучителем. Организовал сбор средств и строительство приходской школы при Нишканской церкви. Позднее организовал строительство церковно-приходских школ также в селах Речула и Паулешты.

Этой деятельностью И.Ф.Чекан снискал доверие общества. Он был избран председателем комитета по постройке в Нишканах новой церкви в память 100-летия присоединения Бессарабии к России и утвержден духовным следователем по пятому округу Оргеевского уезда и нес это послушание три года. Работал – разумеется, без оплаты –делопроизводителем Кишиневского епархиального комитета по борьбе с народной нетрезвостью. Более четверти века прослужив в Нишканах, был переведен в Кишинев в церковь Рождества Богородицы и назначен редактором издаваемой сиротским приютом газеты «Наш долг» и заведующим открытой им церковной школы при Рождество-Богородичной церкви. На этом посту, уже в зрелые годы, открыл Иеремя Федотович в себе талант публициста. С этого момента начинается его политическая биография.

Молдавский патриот и российский государственный

Иеремя Чекан принадлежал к сословию, по своим государственно-политическим ориентирам решительно отличавшемуся от церковного клира соседней Румынии и тем более Трансильвании, находившейся тогда в составе Австро-Венгрии. «Бессарабское духовенство, – отмечал в 20-е годы румынский историк О.Гибу, – никогда не было национальным духовенством в том смысле, в каком было национальным румынское духовенство Трансильвании»(5). Последнее служило проводником идеологии румынского национализма и было враждебно Австро-Венгрии, в составе которой находилась их родина. Бессарабские священнослужители, выходцы из крестьянства, знали и разделяли его заботы и горести. Но они чтили русскую культуру, ценили знание славянского и русского языков. Российскую империю они, подобно одному из них, историку и поэту Алексею Матеевичу, считали не «тюрьмой народов», а цитаделью молдавской национальной самобытности, своим государством. Быть молдавским патриотом означало для них быть также российским государственным.

Российский этатизм и молдавский патриотизм определяли и политическое сознание И.Ф. Чекана. Он любил свой народ и служил его благу. После революции 1905–1907 гг. в Бессарабии наступили времена национальной свободы. Беспрепятственно действовали молдавские национально-культурные кружки, выходили более 10 печатных органов на молдавском языке, бессарабский депутат Гулькин и руководство Бессарабского земства ставили вопрос об организации школьного обучения на молдавском языке. «В тех условиях, – признавал в 20-е годы даже ненавистник России резидент румынского правительства в Бессарабии Онисифор Гибу, – было можно сделать многое. Обстоятельства в Бессарабии были того порядка, что позволяли очень широкую культурную деятельность»(6). Используя ситуацию, в 1909 году И.Чекан начал выпускать в Кишиневе газету

«Наше Объединение», цель которой была сугубо социальной – защита интересов сельских священнослужителей.

Но молдаване переживали период национально-культурного подъема. В 1911 году, откликаясь на общественную потребность, предприимчивый священник начал публикацию в газете материалов «на нашем молдавском языке». Как и многие современники, он совершил ошибку, отождествив интересы государства Российского с интересами монархии. Поэтому, вступив на общественную арену после революции 1905–1907 гг., он примкнул к консерваторам. «Священник Иеремия Чекан, – установили впоследствии агенты сигуранцы, – несколько лет был известен в Кишиневе как директор церковной газеты «Объединение» и сотрудник различных местных русских газет подрывного характера, в том числе газеты «Друг», на страницах которой вместе с Витольдом Якубовичем, директором «Друга», известным своей знаменитой антирумынской статьей «Слушай, Румыния!», вел горячую кампанию против русского архиепископа Серафима». Кроме знакомства с Якубовичем, доказательством политической правизны Чекана служили имеющиеся в досье сообщения о его уважительных отзывах о Владимире Пуришкевиче и других молдаванах – деятелях правых партий.

Епископа Серафима чины сигуранцы задним числом обвиняли в том, что он якобы «был против любых молдавских тенденций». Но составленный И. Чеканом в 1912 году текст, подписанный большой группой бессарабских священнослужителей – и молдаван, и русских – и отправленный в Петербург Священному Синоду, представлял собой письмо протеста против административного самоуправления бессарабского архиепископа, а не его национально-политических прегрешений. Другие имеющиеся в «деле» материалы о деятельности Чекана в те годы представляют его подвижником общественного долга, демократом в истинном смысле слова. Он организовал сбор средств и строительство школ в селах Нишканы, Паулешты и Речула. В Нишканах его стараниями была построена величественная церковь. Еще одна церковь, в селе Петичены, также возведенная при его участии, осталась недостроенной из-за начала мировой войны. Священник-публицист защищал униженных и оскорбленных. До конца своих дней гордился тем, что добился увольнения земского начальника, ударившего по лицу крестьянина.

Сельский священник, издающий независимую от церкви и властей газету, был явлением уникальным. И.Чекан получил известность и в Петербурге. Министр внутренних дел А.А. Макаров оценил его влияние на сельских священников, в свою очередь влияющих на крестьянство, и попытался использовать в политических целях. В 1911 году министр лично привлек его к пропагандистскому обеспечению выборов в IV Государственную Думу. При содействии И.Чекана бессарабские деятели, пытавшиеся разыграть на выборах националистическую карту, потерпели поражение.

Общественное признание не обошло о.Иеремию. Он был удостоен церковных наград: набедренника, скуфии, камилавки, наперсного креста; благодарности Оргеевского отделения Кишиневского училищного совета. Был награжден медалями в память царствования императора Александра III, в память 25-летия церковных школ, 100-летия Отечественной войны 1812 года, 300-летия царствования Дома Романовых, нагрудного креста в честь 300-летия царствования Дома Романовых и даже ордена Анны III степени – по военному ведомству.

Но правящий класс империи утрачивал концептуальный суверенитет и чувство ответственности за судьбы страны. Политиканы, стараниями И.Чекана потерпевшие поражение на выборах, церковные иерархи, чьи злоупотребления он разоблачал, травили его в печати, изгнав из прихода, оставили без средств к существованию, отстраняли от руководства созданных им газет. «Редактор журнала, священник И. Чокан, – еще при его жизни отмечал в своей «Истории бессарабской церкви» молдавский историк Н.А. Поповский, – душой и телом принадлежал правому лагерю Епархии и, при всем том, самые сильные его враги были именно люди из этого лагеря». Однако, несмотря на гонения, в годы Мировой войны И.Чекан занял патриотическую позицию. Раз уж война началась, она, полагал о.Иеремия, должна быть доведена до победного конца. Священник-молдаванин выпускал на русском языке газеты «Бессарабец» (1914), «Бессарабия» (1914), «Бессарабская почта»(1915) и журнал «Наш долг» (1915), как тогда говорили, «оборонческий».

В составе «Комитета спасения Бессарабии»

Когда грянула революция, этот деятельный человек явно растерялся. Но лозунг единой и неделимой страны, позаимствованный белым движением у французских революционеров XVIII века, выражал и его политическое кредо. Трусом он не был. Весной 1917 года И.Ф. Чекан, подобно своему современнику поэту Алексею Матеевичу, стал полковым священником русской армии и ушел на фронт.

В 1918 году И. Чекан не принял румынскую оккупацию Бессарабии. Капитулянтское поведение своего старого единомышленника священника Александра Балтаги, который, став членом «Сфатул цэрий», 27 марта 1918 года проголосовал за присоединение Бессарабии к Румынии, Чекан решительно осудил. Более того, он предал гласности красноречивый факт, дополняющий историю рокового заседания Краевого Совета. Поставленный властями во главе Бессарабской церкви румынский архиепископ Никодим, войдя в долю, позволил Балтаге присвоить свыше 1 млн. рублей церковных средств – «эмеритальный и пенсионный капиталы духовенства», а также средства свечного завода в сумме 0,5 млн. рублей. Голосование против «объединения» грозило члену «Сфатул цэрий» не только потерей этих сказочных сумм, но и пожизненным тюремным заключением. Хотя законы Румынии позволяли это, А.Балтага не привлек Чекана к суду, по сути, подтвердив справедливость выдвинутых им обвинений.

Сам Чекан включился в подпольную работу. «Когда граница была открыта, – установила впоследствии сигуранца, – священник Еремия Чекан совершал частые поездки на Украину, доставляя в Бессарабию антирумынские газеты и корреспонденцию». Долго это продолжаться не могло. Жителей Бессарабии, даже членов «Сфатул цэрий», румынские военные и чины сигуранцы расстреливали по приговору трибунала и без такового, по вздорным наветам или за взятку. Вымогая взятки, людей арестовывали, истязали, а упорствующих либо несостоятельных убивали «при попытке к бегству», вывозили к Днестру и спускали под лед, объявляя, что такой-то бежал в Одессу. 24 января 1918 года в числе 45 членов президиума крестьянского съезда в Кишиневе были расстреляны члены «Сфатул цэрий» Ф.Которос, Д.Прахницкий, И.Панцырь, В.Рудьев.

В феврале были убиты еще два члена Краевого Совета – Николай Ковсан и Надежда Гринберг. И.Чекан слишком много знал о неблагоприятных делах румынских политиканов из руководства «Сфатул цэрий», кроме того, он опасался репрессий за свою дореволюционную общественную деятельность и, явствуя из материалов «дела», обоснованно. «За свои деяния, – читаем в составленной в 1929 году справке сигуранцы, – он должен был быть выслан из Бессарабии, однако он, чувствуя это, в ноябре 1918 года бежал на Украину»(7).

Во имя освобождения родного края он впервые в жизни вступил в политическую организацию – «Комитет спасения Бессарабии», лидеры которого – бывший депутат Государственной Думы Александр Крупенский, врач Александр Шмидт, избранный весной 1917 года градоначальником Кишинева, другие земские и церковные деятели еще в начале 1918 года бежали из Кишинева в Одессу. Осенью 1919 года руководители Комитета выехали в Париж, где проходила конференция стран-победительниц, подводившая итоги Мировой войне, и развернули во французской печати кампанию протеста против намерения правительств Франции и Англии признать аннексию Бессарабии Румынским государством. О деятельности И.Чекана в те годы имеются две версии. Сам он, освещая в «Автобиографии» этот период своей жизни, был необычайно лаконичен: «В 1918–1920 годах находился в Одессе. Издавал газету «Слово Тирасполя». Был арестован, сидел в 16 тюрьмах, присутствовал при расстрелах».

Повествование, явно предназначенное для румынских властей, должно было внушить сочувствие к жертве большевиков. Но враждебные И.Чекану «биографы» из политической полиции собрали о его деятельности на Украине не менее впечатляющие сведения. «С ноября 1918 до 31 мая 1920 года, – докладывал в Бухарест шеф кишиневской бригады сигуранцы, – священник Чекан жил на Украине, большей частью в Одессе, занимался пропагандой против объединения Бессарабии с Родиной-матерью и имел задание, частично им выполненное, собирать подписи под протестом бессарабского духовенства и мирян против румынского правительства и церкви. [...] Находясь в Одессе, проповедовал с алтаря борьбу за «спасение Бессарабии», активно участвуя в одноименном комитете. Его сын Николай Чекан был схвачен при перевозке писем и антирумынских газет своего отца из Одессы в марте 1919 года».

Во имя освобождения родного края И.Чекан попытался сотрудничать даже с революционерами. В мае 1919 года он предложил большевистским властям Одессы сформировать для действий против румын в Бессарабии партизанский отряд. Он подобрал добровольцев и, что было гораздо сложнее, собрал для снаряжения отряда у бессарабских беженцев солидную сумму денег. Успех этого предприятия свидетельствует, что сомнений в честности о.Иеремии у земляков не было. Однако священник-патриот, обратившийся с просьбой обеспечить отряд оружием, не внушил доверия одержимому классовый борьбой комиссару Особого отдела. 52-летнего И.Чекана взяли под стражу. Вскоре освободили, потом снова арестовали. Тем не менее, о большевиках он сохранил не слишком мрачные воспоминания. «Вообще должен сказать, что все время, проведенное в России с 1918 по 1920 год, – отмечал он в «Автобиографии», – большевики обращались со мной довольно хорошо и благородно. И если держали меня в тюрьмах, то только как «контрреволюционера», поскольку, по их мнению, если ты священник, то в обязательном порядке контрреволюционер. По выяснении причин ареста меня освобождали очень быстро, хотя знали, что я монархист».

Партизанский отряд И.Чекана все же вооружили, но отправили не в Бессарабию, а на фронт гражданской войны – против петлюровцев. Священник попал в часть Красной Армии, с согласия ревкома Одессы сформированную Михаилом Винницким, Мишкой Япончиком. Но легендарный бандит оказался никудышным командиром, а набранная им уголовная братва – плохими солдатами. В бою под Вознесенском бригада Япончика была петлюровцами разбита. По утверждению информатора сигуранцы, Чекан спасся бегством. Но бывший сотрудник одесской ЧК Ф.Фомин засвидетельствовал иное: бегущих расстреливали солдаты рабочего полка, брошенного к месту прорыва противника красным командованием. Мишку Япончика пристрелили чекисты(8). Уцелели не беглецы, а те, кто сохранил присутствие духа. Видимо, отряд бессарабцев остался на боевых позициях. Тем не менее вознесенским эпизодом участие И.Чекана в гражданской войне и ограничилось. Это была не его война. В июле 1919 года, когда большевики под давлением войск Деникина отступили на Север, он остался в Одессе. Вскоре, опасаясь, что белые проведут о его службе в Красной Армии, Чекан перебрался в Тирасполь. Избежав разоблачения как бывший боец Красной Армии, борьбу за освобождение Бессарабии он продолжил, редактируя газету «Тираспольское Слово».

В январе 1920 года части Красной Армии вновь вышли к Днестру. Тирасполь освободили земляки – укомплектованная бессарабцами кавалерийская бригада Григория Котовского. Намерения изгнать из Бессарабии румын у большевиков имелись, но сил для новой войны не хватало. Николай Чекан по-прежнему находился в Кишиневской тюрьме, где его морили голодом и избивали, и отец Иеремия решил возвратиться в родные места. «После двух лет антирумынской деятельности в Одессе, – читаем в справке сигуранцы, – в 1920 году при посредстве своей семьи он добился разрешения возвратиться в страну, где по прибытии начал подрывную пропаганду». Хотя возвращению И.Чекана способствовал архиепископ Гурий, поставленный во главе Бессарабской церкви румынскими властями, через Днестр он перебрался на лодке, по существу нелегально.

Трудный путь к «Свету»

Политическая обстановка в Бессарабии была и простой, и сложной. Опираясь на революционное крестьянское и рабочее движение, бескомпромиссную борьбу против оккупации вело коммунистическое подполье, руководимое такими деятелями как Павел Ткаченко, Григорий Борисов (Старый), Александр Гуров, Александр Ключников и другие. И. Чекан прибыл в Кишинев в августе 1920 года, когда большевики подняли рабочих на всеобщую забастовку и в городе повяло ветром революционного 1917 года. И.Чекана это не радовало. Революцию он считал прелюдией краха российской государственности. Но против оккупации Бессарабии выступали и противники большевиков – монархисты. Они издавали газеты, в которых обличали румынскую политику в Бессарабии, направляли жалобы в международные организации, снабжали информацией о положении в Бессарабии зарубежную прессу. Священнослужители, связанные с монархической организацией бывшего генерала русской армии Евгения Леонова, устраивали в церкви Св. Пантелеймона и Чуфлинском храме богослужения в честь Николая II, собирая тысячи верующих. Румынская политическая полиция

не без основания усмотрела в этих богослужениях демонстрацию российского патриотизма. Деятельную группу оппозиционеров составляли бессарабские регионалисты-молдаване, боровшиеся за свое место на политической арене Румынского государства.

Для включения в общественную жизнь следовало занять определенную политическую позицию. Это с успехом проделал старый знакомец Чекана Александр Балтага. Проголосовав в 1918 г. за «объединение» Бессарабии с Румынией, он счел себя свободным от каких-либо обязательств перед Румынией и возглавил движение за автономию Бессарабской церкви. Это обеспечило ему необычайное влияние среди духовенства. В начале 1921 г. И.Чекан с завистью признал, что «о. Балтага и Ко в настоящее время являются самодержцами в епархии»(9). Намереваясь выпускать газету, И.Чекан не принял предложенный ему бедный сельский приход и остался в Кишиневе. Это нарушало его договоренность с Гурием, который содействовал его возвращению при условии служения в приходе села Бахмут. Но чтобы выручить из тюрьмы сына, И.Чекан нуждался в доверии румынских властей. В октябре 1920 г., ссылаясь на свою известность в бессарабском обществе, он обратился к властям с просьбой о выделении ему 500 тыс. леев на пропаганду среди рабочих и крестьян, которых он обещал «вырвать из-под влияния демагогов».

Содействием архиепископа можно было заручиться, выступив на его стороне по политически важному вопросу об автономии Бессарабской церкви. В марте 1921 г. И.Чекан выпустил листовку, в которой обвинил «отцов Александра Балтагу, Андроника, Бежана и Гавриловича» в том, что они: «1) Под видом автономии бессарабской церкви создали в ней свое самодержавие. 2) Растратили полмиллиона на признание какой-то автономии, которая не только не дала преобладающих результатов (а духовенство общественно и материально низведено ниже народного учителя), но в близком будущем грозит банкротством наших финансовых учреждений. 3) Явно допускаемый грабеж свечного завода и швейцарской гостиницы, как это было при покупке для нее мебели. 4) Расхитили власть правящего архиерея и стали выше его. 5) Ввели в епархии террор против инако с ними мыслящих и для достижения своих целей пользуются всякого рода незаконными средствами». В апреле в записке «Наша платформа», переданной им человеку, которого подозревал в связях с сигуранцей (подозрения подтвердились), И.Чекан вновь высказался против борьбы за церковную автономию. «Всякая борьба бессарабцев с румынским правительством за какую-то эфемерную автономию, – указано в записке, – только ухудшает положение жителей Бессарабии; она бесцельна и непроизводительна во всех случаях»(10).

Выступление против автономистов скомпрометировало И.Чекана в глазах клириков. В 1920 году Чрезвычайный Епархиальный Конгресс отстранил его от священства и лишил права носить крест. В апреле 1921 года церковная консистория квалифицировала его как «провокаatora и агитатора, опасного для спокойствия и доброго порядка в жизни Епархии». Церковно-политическая ниша оказалась для Чекана закрыта. Кроме того, отец Иеремия недооценил осведомленности румынских властей. Агенты сигуранцы доносили, что он восстанавливает старые связи, особенно среди священников, собрал средства на выпуск газеты на русском языке. Один из агентов даже предположил, что конфликт с церковными автономистами Чекан затеял с целью «встать во главе

подрывных движений с большевистскими тенденциями». «Священник Еремия Чекан, – заключил генеральный секретарь МВД Румынии, – является одним из лиц, всегда проявлявших враждебность к нашей стране». Денег румынские власти ему, разумеется, не дали, а Николая Чекана оставили в тюрьме. Авторитет о.Иеремии в обществе пал. Начатый было им выпуск газеты «Наше Объединение» пришлось прекратить из-за отсутствия читательского спроса.

Осуществляемый большевиками мобилизационный проект был И.Чекану непонятен. Несмотря на индустриализацию СССР, ликвидацию безработицы, культурную революцию, большевики оставались для него только разрушителями традиционной российской государственности и врагами Церкви. И.Чекан критиковал проводимую в СССР антицерковную политику. Разоблачал Общество дружбы с СССР как организацию коммунистов. В начале 20-х годов стоящего вне партий публициста обманула социальная демагогия румынских правых, яростно обличавших «плутократию». При содействии «Железной гвардии» И.Чекан якобы даже выдвигал свою кандидатуру на выборах в румынский парламент. Позднее он положительно отзывался о праворадикальных политиках Румынии, полагая, что они «освободят царан от поземельного налога» и предоставят крестьянам дешевые кредиты. Допускал и высказывания, направленные против еврейской буржуазии, многими истолкованные как антисемитские. При этом выпускал русскую газету «Христианский телеграф», в которой критиковал румынскую политику в Бессарабии, требовал ликвидации в Бессарабии «всего того, что возмущает честных людей, которые, отчаявшись, говорят: пришли бы скорее большевики и навели порядок».

В середине 20-х годов публицистическая деятельность о.Иеремии все определеннее входила в русло движения бессарабских регионалистов. Он поддержал движение за автономию Бессарабской церкви. Выступал за «соборное самоуправление» церкви, против вовлечения священников в политику. «Участие священника в партиях, – утверждал он, – гибель Церкви, гибель священства». Как акт политического преследования осудил отстранение знаменитого молдавского просветителя М.М. Чакира от преподавания в кишиневской духовной семинарии, а избрание архиепископом Гурия, проведенное под нажимом румынских властей, публично квалифицировал как «насилие и бандитизм». Публиковал статьи против легализации абортов. Стремясь к сплочению многонационального населения Бессарабии, заявлял: «Наша газета лояльна ко всем нациям, кроме безбожников». Румынию И.Чекан именовал капиталистическим государством, которым «управляет не трудовой народ, не царане, не рабочие, а капиталисты. Трудовой народ обречен на рабство». Цель издания газеты священник формулировал почти как коммунист: «Защита обиженных и оскорбленных против эксплуататоров».

Его социально-политические взгляды можно определить как левоцентристские. В семьдесят лет своей жизненной целью И.Чекан ставил: «1. Распространить среди бессарабского народа 400–500 тысяч Евангелий на молдавском и русском языках. [...] 2. Удвоить плодородие бессарабской земли, что дало бы возможность бессарабскому народу улучшить его материальное положение». В обществе, еще в сентябре 1933 г. утверждал он в статье «Социализм национальный и интернациональный», многое должно быть общественным: религия, управление, воспитание, образование, дороги, армия, деньги и т.д. Следующим шагом по пути

такой социальной общности явились бы объединения по типу христианских монастырей, а также христианский, национальный социализм германского народа (11). Но иллюзии по поводу социальной миссии нацизма он вскоре отбросил. В 1934 г. И.Чекан публично осудил введение в Германии трудовой повинности и убийство хорватскими фашистами югославского короля Александра, а роспуск эстонского парламента президентом К.Пятсом определил как установление диктатуры. Ликующей статьей «Союз с Россией» он приветствовал подписание советско-румынского соглашения, сулившего восстановление дипломатических отношений между двумя странами. В своих публикациях И.Чекан, случалось, возвышался до прозрений. «Будет ли война? – вопрошал он, – Война будет обязательно, так как она нужна прежде всего Германии, Италии и Японии»(12). Гитлера он презирал, печатно именуя его «немецким маляром»(13). Публиковал карикатуры на Гитлера, Муссолини, праворадикальных деятелей Румынии Октавиана Гогу, Титулеску, Вайда-Воеводу(14).

И. Чекан сохранил верность молдавской национально-культурной традиции. Родной язык он и в 20-е–30-е годы, когда такое поведение расценивалось властями как политическое неповиновение, продолжал называть молдавским, а себя молдаванином. «Никогда я не был и не могу быть румынским националистом», – донес сигуранце слова Чекана агент Нику 31 марта глухого 1934 года. Однако в 30-е годы на общественную арену Бессарабии вышло новое поколение, не имеющее политического опыта революционных времен, этнически дезориентированное румынской школой. Поколение это, названное впоследствии «поколением на перепутье», оказалось восприимчивым к антисемитской пропаганде румынских национал-радикалов. 10 февраля 1930 года на улице Александровской в центре Кишинева группа студентов-теологов устроила погром в кондитерской «Варшавская», а затем разбила стекла в рентгенкабинете доктора Друтмана, в ювелирном магазине Хасилева, в фотографии Ташнера и т.д. В ночь на 16 сентября 1930 года в вагон поезда Черновцы-Кишинев ворвались студенты-кузисты и с криком «Смерть евреям!», «Евреи – в Палестину!» на ходу выбросили из поезда супругов Шнеерсон. На следующий день 20 студентов-теологов избili сверстника-еврея. Полицейский чиновник Евицкий, задержавший погромщиков, был уволен со службы, а задержанные немедленно освобождены(15).

В этих условиях И.Чекан занял граждански корректную позицию. «Вчера, – донес агент сигуранцы, – о. Еремия Чекан пришел в типографию Авербуха [...] Чекан сказал, что он никогда не был антисемитом от всей души». Сказанное можно расценить лишь как слова. Но вот составленная и бесстрашно подписанная И.Чеканом двуязычная листовка от 25 августа 1935 года: «Братья! Не слушайте тех больных людей, который кричат «Бей жидов» и обещают разделить еврейское имущество, так как это ни в каком государстве не разрешают ни законы, ни религия, ни людская совесть. При том евреи и государственные налоги платят». В статье «Еще по еврейскому вопросу», опубликованной в октябре 1935 года, он осудил тех, «кто кричит, что спасение румынского народа – в изгнании и уничтожении евреев»(16). Это уже было дело.

В конце 20-х годов ход политических событий привел его к мысли учредить в Кишиневе, униженном и румынизируемом, «настоящую русскую газету» – «Свет».

Защитник русской речи

До конца жизни остался И.Чекан подвижником русской речи. На протяжении двух десятилетий он упорно учреждал печатные органы на гонимом, вытесняемом, запрещаемом румынскими властями русском языке. В октябре 1930 г., когда победившие на выборах в парламент Румынии национал-царанисты отменили в Бессарабии режим чрезвычайного положения, он выпустил пробный номер малоформатной газеты на русском языке «Свет». На собрание учредителей пригласил руководителей «Союза Бессарабского клира». На собрании было решено выпускать двуязычную газету «Раза» («Свет»), а Чекан утвержден редактором русского варианта. Добиться издания газеты от имени общественной организации священнослужителей – это был успех! Однако в дело вмешалась политическая полиция. Связанный с ней председатель «Союза» вскоре известил редактора о том, что выпуск газеты прекращается из-за отсутствия средств и что он уволен. Однако газета продолжала выходить. На недоуменный вопрос Чекана глава «Союза» цинично ответил: «Иногда и ложь хороша в утешение». Чекан также утешился, едва ли не кустарным образом выпустив на русском и румынском (скорее все-таки на молдавском) языках несколько номеров газеты «Христианская победа», в которых довел эту некрасивую историю до сведения бессарабской общественности.

Выпуск «Союзом» газеты «Раза-Свет» вскоре был прекращен. Это позволило И.Чекану вместе с другим священником, Иоанном Штюкэ, предпринять в 1931 году вторую попытку выпускать русско-молдавскую газету под тем же названием. Но на этот раз инициаторы столкнулись с более жестким отпором. Уже огласка намерения выпускать газету на русском языке вызвала яростные протесты румынских национал-радикалов, привычно обвинявших молдаван в антирумынизме и русофилии. «К нашему стыду, – возмущался на страницах бухарестского официоза «Универсул» учитель-румын Г.Обрежа-Яшь, – бессарабские священники, в большинстве молдаване, предприняли выпуск газеты на русском языке, [...] давая волю своему русизму. Смотреть, как они переходят к делу, выпуская на русском языке для молдавского народа газету «Свет» – этого допускать нельзя!»(17).

Молдаване были иного мнения. 17 священников-участников «Союза православных клириков Бессарабии» поддержали выпуск русско-молдавской газеты, выступив с открытым письмом в поддержку «Света». Первой стояла фамилия о.Александра Балтаги, во имя бессарабской солидарности переступившего через личную неприязнь к И.Чекану. Газета все же вышла. «Мы, – пытаюсь объяснить с оппонентами доступными им аргументами, отвечал И.Чекан, – гордимся тем, что знаем русский язык почти так же, как румынский; гордимся, что, зная этот язык, мы сразу узнаем, чего хотят и что делают представители русского меньшинства в Бессарабии, также имеющие свою прессу; мы гордимся, что сможем на этом же языке отвечать на ошибки, заблуждения, измышления и нападки миноритарной прессы»(18). Однако эти доводы не могли оказать воздействия на шовинистически настроенных румынских клириков. Против выпуска газеты на русском языке выступили церковные иерархи-румыны: епископ Юстиниан, директор кишиневской семинарии, декан теологического факультета, шеф военных священников 3-го армейского корпуса. Согласился с ними и епископ-молдаванин Виссарион Пую(19). Митрополит Гурий запретил выпуск газеты.

Среди священнослужителей И.Чекан стремился сохранить дух национально-культурной терпимости. В октябре 1931 года в Епархиальном зале Бессарабской митрополии он обратился к аудитории из 200 клириков и мирян с речью на русском языке. Но церковный клир в основном уже состоял из молодых людей, воспитанных румынской семинарией; власть Румынии в Бессарабии казалась им вечной, а постулаты государственной идеологии – не подлежащими критике. Большинство присутствующих покинуло помещение; некоторые из выступивших после И.Чекана ораторов потребовали репрессий против русских газет.

Традиция двуязычия и корректных межэтнических отношений уходила в прошлое, церковь Бессарабии превращалась в учреждение румынского государства, инструмент румынизации населения. На съезде «Союза Бессарабского клира» в июле 1934 года вопрос о выпуске двуязычной церковной газеты, поднятый единомышленниками И.Чекана священниками молдаванином Павлом Гучужной и болгаринном Стойчевым, не нашел поддержки. Стойчева, выступавшего «за то, чтобы газета выходила на румынском и русском языках, чтобы понимало все население», лишили слова; газету решили выпускать только на румынском.

Но вопрос о создании печатного органа, выходящего на русском языке, не был снят. В 1933–1935 годах неутомимый проповедник от случая к случаю выпускал газету «Объединение» и журнал «Наше Объединение». В начале 1934 года 67-летний И.Чекан собрал пожертвования на выпуск в Кишиневе «действительно русской газеты», намереваясь вновь назвать ее «Наше Объединение». Поскольку русское название газеты румынские власти отказывались регистрировать, Чекан как директор и журналист Сергей Флореску как редактор зарегистрировали ее перевод на румынский.

Газета «Наше Объединение» находилась в сфере пристального внимания сигуранцы. 25 июня 1934 года румынская полиция конфисковала ее тираж за то, что русский вариант был выпущен редактором в обход цензуры. 6 октября сигуранца вновь донесла в Бухарест, что И.Чекан не исполняет распоряжения областного инспектора полиции, «продолжая печатать название города и улицы, где находится редакция, на миноритарном языке», т.е. на русском. Были приняты меры, призванные разорить Чекана, вынудившие его прекратить выпуск газеты. Однако в 1935 году И.Чекан опять возобновил издание газеты «Христианская победа». Некоторое время спустя удалось возобновить и выпуск «Нашего объединения».

На этих перипетиях общественной борьбы Иеремии Чекана в 30-е годы «дело», заведенное на него румынской политической полицией, заканчивается.

Конец жизни Иеремии Федотовича оказался для него неожиданным, но, учитывая дух эпохи, закономерным. После воссоединения Бессарабии с СССР/Россией давний «черносотенец» и критик церковной политики большевиков был арестован. За «контрреволюционную деятельность» приговором Кишиневского окружного суда от 13 марта 1941 года он был по статьям 54-11 и 54-13 Уголовного Кодекса Украинской ССР приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Времена были суровые, приговоры приводились в исполнение незамедлительно. Однако у 74-летнего священника, видимо, и в ведомстве Лаврентия Берия нашлись влиятельные заступники. Чекана не расстреляли ни на следующий день, ни через месяц, ни через два. Но тут грянула война. Отстаивать право столь именитого «контрреволюционера» на жизнь стало смертельно опасно. 27 июня 1941 года, когда на Тирасполь пятый день падали

бомбы, И.Ф. Чекан был расстрелян. Высшей судебной палатой Республики Молдова он реабилитирован*.

* * *

О человеке можно судить по его словам. И.Чекану, как ни странно, при всех режимах удавалось обеспечить себе немалое пространство духовной свободы. Он позволял себе и заявления конъюнктурного, и просто эмоционального характера. Поэтому его высказывания дали основания для появления различных о нем суждений. Дела оценить труднее. Но из материалов, собранных румынской политической полицией, складывается портрет человека сложного, энергичного и волевого, посвятившего жизнь служению Богу и общественному долгу. Иеремия Чекан был ярким представителем своего сословия, самобытным деятелем бурных времен, видным борцом духовного сопротивления. Его взгляды и деятельность подлежат дальнейшему изучению.

Источники

1. Colesnic Iu. Basarabia necunoscută. – Chişinău. Universitas. 1993. P. 198.
2. Бабий А.И. Православие в Молдавии: история и современность. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1988. С.73, 74.
3. Colesnic Iu. Op. cit., P.2001.
4. Национальный архив Республики Молдова. Ф.680. Оп.1. ДД. 3597, 3401. Здесь и далее постраничные ссылки на материалы этих дел опущены.
5. Ghibu O. De la Basarabia ruseasca la Basarabia românească. Analiza unui process istoric inositita de 186 documente. Vol. I. – Bucureşti. 1926. P.CLIV.
6. Ibidem. P. XCVIII.
7. НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д. 3993.Л.63об.
8. Фомин Ф. Записки старого чекиста. М.1962. С.71–73.
9. НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д. 3993. Л.63. об.
10. Там же. Л. 63.
11. Христианский телеграф. 1933. 24 сентября.
12. Христианская победа.1934. 5 октября.
13. Христианская победа. 1930. 30 июля.
14. Наше объединение/Unirea noastra. 1936. 31 мая.
15. НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д.3457. ЛЛ. 63, 336, 528, 556.
16. Наше объединение. 1935. октябрь.
17. Universul. 1931. 9 ianuarie.
18. Светъ (Raza). 1931. 1–7 februarie.
19. Universul. 1931. 25 ianuarie.

* Автор признателен секретарю Комиссии по канонизации Тираспольско-Дубоссарской епархии Л.П. Алферьевой за предоставленный архивный материал о последних месяцах жизни И.Ф.Чекана.

ПЁТР ШОРНИКОВ

Родился в 1949 г. в селе Пересечина МССР.

Закончил исторический факультет Молдавского Госуниверситета.

Преподавал в школе, университете, редактировал газеты и журналы.

В 1990–1994, 1994–1998 был Депутатом Парламента Республики Молдова. Автор 500 публикаций, посвящённых истории Молдавии. Доктор истории.

Заместитель главного редактора по науке журнала «РУСИН».

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

ИНФО-поле

АРП РМ

АССОЦИАЦИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Двенадцать лет назад в Молдове в общественную творческую организацию объединились люди, пишущие поэзию и прозу на русском языке и связанные с Россией духовными узами. В условиях яростных гонений на русский язык, националистической истерии и прорумынского курса Союза писателей Молдовы, Ассоциация русских писателей Молдовы взяла на себя миссию защиты чести и достоинства, творческих и человеческих прав русских литераторов, сохранения и пропаганды достижений великой русской литературы на территории Молдовы.

В ряды Ассоциации входят авторы из разных городов и сел Молдовы: Кишинёва, Бельца, Единец, Бричан, Яблони, Слободзеи, Дондюшан и др.

За прошедшее десятилетие Ассоциация подготовила к печати десятки книг на русском языке, которые вышли в свет в издательстве Конгресса русских общин РМ «Инесса».

Заметным событием в культурной жизни страны стали: «Возвращение» – посмертный сборник избранных стихов поэта-воина, одного из идейных вдохновителей создания Ассоциации русских писателей Молдовы Виктора Кочеткова; альманах к 200-летию Ф. Тютчева «Как слово наше отзовется»; 5 выпусков альманаха «Лицей» (поэзия молодых), «Фронтальная муза» (произведения, посвящённые Великой Отечественной войне), книга поэзии Александра Миляха «Тепло России», получившая премию Союза писателей России «Традиция»; книга романсов Сергея Пожара на стихи В. Костишар «Кому мне счастье одолжить?»; книга критических статей Валентина Ткачёва «Нелёгкая стезя»; поэтические сборники Ирины Ремизовой, Валентины Костишар, Олеси Рудягиной, Сергея Пагына, книги литературных пародий Юрия Харламова.

Издан не имеющий аналогов на постсоветском пространстве библиографический словарь-справочник «Русская литература Молдовы в лицах и персоналиях: XIX – начало XX веков» (творческая идея К.Б. Шишкана).

Ассоциация русских писателей Республики Молдова ведёт огромную общественную работу. Ежегодно, вот уже на протяжении семи лет, осенью при поддержке Конгресса русских общин РМ проходят *Дни русской литературы и духовности в Молдове*. К участию в них привлекаются ведущие исполнители и творческие коллективы Республики. В течение недели Ассоциация проводит творческие

встречи с писателями и поэтами, музыкально-поэтические вечера, посвящённые русской литературе Молдовы и России, «круглые столы» по проблемам состояния и развития русской литературы в стране. Настоящим явлением культуры стали мастер-классы профессоров и доцентов Литературного института им. М. Горького (Г.Седых, С.Казначеева, А. Торопцева, А. Тиматкова), известных литераторов России (О.Николаевой, Ан. Курчаткина); Дни журнала «Знамя», представленного аудитории его главным редактором С. И. Чуприниным; представление альманаха «Братина» и антологии «Современное русское зарубежье», проведённые главным редактором Фёдором Черепановым, которые проходили в рамках Дней русской литературы и духовности в Республике Молдова.

Осенью 2009 года в рамках этих Дней, впервые в Молдове, по инициативе АРП РМ состоялся «круглый стол» «Православие и литература», который привлёк внимание интеллигенции города, верующих и служителей церкви.

АРП РМ проводит творческие отчёты, презентации новых книг своих авторов, тематические вечера, посвящённые памятным датам и творчеству классиков русской литературы (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.А.Ахматовой, Ф.Тютчева, Б. Пастернака, поэтов Серебряного века, С.Есенина, А. Твардовского, В. Шукшина, Н. Рубцова, В. Высоцкого), женщин-поэтов военного времени (О. Берггольц, Ю. Друниной, М. Алигер), участвует в мероприятиях русских общественных организаций.

Литераторы АРП РМ свято чтят память о Великой Отечественной войне, о беспримерном подвиге советского народа, ежегодно проводя День Памяти 22 июня, выступая на Мемориале Воинской славы 9 мая, проводя музыкально- поэтические вечера фронтовой поэзии и песни. Каждое лето, начиная с 22 июня, члены Ассоциации выезжают на встречи с воинами в гарнизоны и воинские части Молдовы, где, впервые за последние 19 лет, звучит русская речь. Привлекая к своим выступлениям профессиональных музыкантов, певцов и бардов, Ассоциация стремится неформально и ярко донести до каждого сердца русское слово, привить интерес и любовь к нему.

В юбилейном 2010 году Ассоциация Русских писателей и Конгресс русских общин РМ объявили республиканский Литературный конкурс «Шерпенский плацдарм», посвященный 65-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Члены АРП РМ, заботясь о преемственности, о воспитании подрастающего поколения в русле русской духовности, постоянно выступают в интернатах, лицеях, вузах. Наша творческая находка – праздничные «поэтические утренники» для детей. В 2008 г. такой утренник был посвящен творчеству Бориса Заходера. Осенью 2009 г. состоялся яркий, веселый праздник памяти Сергея Владимировича Михалкова, познакомивший ребят с замечательными произведениями разных жанров классика детской литературы (автор сценария, режиссёр В. Алесенкова).

Некоторые члены АРП РМ, вовсе не богатые люди, пытаются возродить в республике детскую литературу на русском языке, издают свои книги для детей на собственные средства: Н. Родина, Н. Дёмина, Н. Киселёва, В. Алесенкова, Т. Артемьева, Т. Орлова.

Правление Ассоциации думает о литературной смене, рекомендуя к изданию дебютные сборники молодых (С. Рязанцева, В. Ганевой, С. Кавнацкого, В. Карякина, Е. Белеванцевой, К.Тарлевой, А. Дигоре, Т. Орловой, В. Чембарцевой), поддерживая и привлекая молодых авторов к активной общественной работе АРП РМ. Молодые поэты, члены Ассоциации русских писателей РМ Е. Тарлева, Т. Орлова, Е.

Брагина, с «благословения» АРП участвуя в международном литературном конкурсе, стали его лауреатами и были приглашены в Санкт-Петербург на Фестиваль русской литературы «На ветру времён», по итогам которого вышел одноимённый сборник.

Ирина Ватаманюк приняла участие в Совещании молодых писателей в Москве. Член АРП РМ Виктория Чембарцева, пройдя интернет-конкурс Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ С. Филатова, была приглашена в Москву на Международную книжную выставку-ярмарку и Форум молодых писателей в Липках с участием в мастер-классах.

Третий год каждое первое воскресенье месяца в стенах муниципальной библиотеки им. М. Ломоносова актив Ассоциации проводит «Литературное воскресенье», которое превратилось в своеобразную творческую мастерскую, где представить на обсуждение свои произведения может каждый начинающий автор.

Творчество членов Ассоциации русских писателей Республики Молдова известно как в Республике Молдова, так и за её пределами. В. Ткачёв (ныне покойный), О. Максимов, А. Милях, В. Костишар, И. Ремизова, О. Рудягина, Ю.Харламов, С. Пагын, Н. Дёмина, Н. Родина, С. Сулин, О.Авдеева-Мокрак, А. Лабунский – стихи, проза и публицистика этих авторов печатались в журналах «Простор», «Балтика», «Московский вестник», «Знамя», «Дружба народов», «Родная Ладога», альманахах «Братина», «Невский альманах», «София» и др., в «Литературной газете», приложении к «ЛГ» «Евразийская муза», в «Литературной России», «Учительской газете», антологии «современное русское зарубежье».

Недавно делегация Ассоциации вернулась из Киева, где 26 марта замечательному поэту Валентине Костишар был торжественно вручен Диплом Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого. Переполненный зал Музыкальной Академии им. П.И. Чайковского рукоплескал удивительно ёмким, пронзительным стихам Валентины «Русская речь».

С прошлого года АРП РМ активно сотрудничает с Российским Центром Науки и Культуры, в стенах которого провела вечер русской поэзии с привлечением лицейстов и библиотек ведущих русских лицеев Кишинёва; Вечер Памяти Анны Ахматовой (сентябрь 2009 г.); вечер, посвящённый 120-летию Бориса Пастернака (11 февраля 2009 г.).

АРП РМ постоянно пополняется новыми членами. Наряду с молодыми авторами, в Ассоциацию подают заявления и зрелые литераторы. Совсем недавно в АРП РМ вступили шестеро членов творческого объединения «Белый Арап» – авторы сборника рассказов «Толстый журнал», выпущенного при содействии газеты «Аргументы и Факты» в Молдове редактором, писателем и публицистом Олегом Красновым. Среди них такие известные авторы, как Олег Панфил и Елена Кушнир.

Следует отметить, что всю работу члены Ассоциации проводят на общественных началах, словом и делом отстаивая право русского языка быть на земле Молдовы, пропагандируя достижения великой русской культуры.

В Молдове – это единственная активно действующая профессиональная русская писательская организация, потенциал которой год от года возрастает.

Деятельность АРП РМ активно поддерживает Конгресс Русских Общин РМ в лице его председателя Валерия Ивановича Клименко.

Особую признательность за тёплое внимание к нашей деятельности хочется выразить Международному Совету Российских Соотечественников и Советнику посольства Российской Федерации в Республике Молдова Юрию Петровичу Трушину.

Нельзя не поблагодарить наших российских друзей, активно поддерживающих Ассоциацию: Московский Фонд поддержки соотечественников им. Ю. Долгорукого в лице Василия Зуева и Олега Санина; председателя Исполкома МСПС Ивана Ивановича Переверзина, заместителя председателя Исполкома МСПС Владимира Бояринова; наших давних друзей, профессоров Литинститута Сергея Казначеева и Александра Торопцева; главного редактора журнала «Балтика» Владимира Илляшевича; главного редактора журнала «Знамя» Сергея Ивановича Чупринина; главного редактора альманаха «Братина» Фёдора Черепанова; редактора приложения к «Литературной газете» «Евразийская муза» Анастасию Ермакову. Благодаря поддержке и позиции этих замечательных людей АРП РМ, отделённая от России тремя границами, вырвалась из безнадёжного замкнутого пространства «ближнего зарубежья» и, наконец, приобщается к жизни литературного «материка», участвуя в литературном процессе.

В течение последних четырёх лет деятельностью Ассоциации руководит член СП Молдовы и СП России, поэт, публицист Олеся Рудягина.

В ноябре 2007 г. Ассоциация была принята в Международное Сообщество Писательских Союзов. В феврале 2009 руководитель АРП вошла в состав Исполкома этой организации, в планах которой активная совместная работа с писательскими организациями «ближнего зарубежья». Уже создана Общеписательская литературная газета, на страницах которой в ближайшее время планируется публикация произведений авторов АРП РМ.

В 2009 г. статья о деятельности АРП РМ была опубликована в №2 альманаха «Вестник МСПС».

* * *

«ГУЛ ЗАТИХ. Я ВЫШЕЛ НА ПОДМОСТКИ...»

– Вечер, посвящённый 120-летию Бориса Пастернака, 11 февраля провела Ассоциация русских писателей Республики Молдова в Российском Центре Науки и Культуры.

Непревзойдённая лирика, эпохальный роман об интеллигенции и революции «Доктор Живаго» – главный в творческой жизни Бориса Леонидовича; яркая, полная удивительных встреч, любви и горечи жизнь Поэта, подвергшегося в конце пути беспрецедентной травле; столкновение его с неумолимой властью; триумф и трагедия всемирно известного Нобелевского лауреата – до сих пор не оставляют равнодушными читателей.

Ведущая вечера – председатель АРП РМ Олеся Рудягина, следуя вехам творческого пути мастера, прикоснулась к тайне притягательности и вневременной актуальности его произведений.

Глубокая христианская религиозность Бориса Пастернака, обусловившая неистребимую любовь к жизни во всех её проявлениях, к животворящей природе, к родной стране, осознание миссии поэта в обществе – многократно подтверждена лучшими творениями Бориса Пастернака.

В проведении вечера, посвящённого 120-летию Поэта, приняли действенное участие Заслуженный артист РМ, актёр театра им. А.П. Чехова Владимир Кирюханцев, представивший почитателям поэзии отрывок из своего моноспектакля, посвящённого Б. Пастернаку; поэт и прозаик Татьяна Орлова, рассказавшая об истоках

творчества Бориса Леонидовича; член кишинёвского клуба авторской песни «Товарищ гитара» Сергей Малышев, исполнивший замечательные песни на стихи Пастернака и Александра Галича – на смерть поэта; известный журналист и поэт Борис Мариан, для которого знакомство в молодости, во время пребывания в ГУЛАГе, с творчеством Бориса Пастернака стало знаковым, определившим последующую судьбу.

В вечере также приняли участие старшеклассники лицея «Оризонт» Анна Тёмная и Ирина Соколлых, исполнившие композицию «Разлука» по стихотворению Б. Пастернака и воспитанники республиканского музыкального лицея им. С. Рахманинова Ксения Мальцева и Вадим Тимотин, завершившие встречу пронзительным дуэтом скрипки и трубы.

Для Ассоциации русских писателей РМ это третий вечер, проведённый в гостеприимном доме РЦНИК. Первые два – поэтическая встреча с молодыми поэтами-лицеистами и Вечер памяти Анны Ахматовой прошли в прошлом году.

ПИСЬМО МУСЕ ДЖАЛИЛЮ

Четыре горящие свечи...Треугольник письма.

Адрес: «Походно-полевая почта 1550, редакция газеты «Отвага», Мусе Джалилю».

Это мы, твои потомки, Поэт, пишем открытое письмо тебе.

Туда, где пытки, издевательства, боль, кровь, унижение и голодные ненасытные глаза смерти.

Туда, в застенки концлагеря, где было явлено твоё мужество, искренность, преданность Родине, стойкость, братство и великое терпение.

В дни преддверия праздника Защитника Отечества в библиотеке им. Ломоносова Ассоциация Русских Писателей Республики Молдова провела встречу памяти советского татарского поэта Мусы Мустафовича Джалиля (Залилова), который родился 15 февраля 1906 года.

Он старше моего папы на 20 лет и 7 дней.

Я была потрясена трагизмом и величием его судьбы. Тяжело раненный в грудь, в июне 1942 попал в плен, долгое время находился на грани жизни и смерти, его выходили военнопленные, прошёл фашистские застенки тюрем и концлагерей. Моабит... Шпандау... Плетцензее...В лагере под Радомом, в Польше, возглавил подпольную организацию военнопленных. И творил!

Сердце с последним дыханием жизни,
Выполнит твёрдую клятву свою:
Песни всегда посвящал я отчизне,
Ныне отчизне я жизнь отдаю.
Пел я, весеннюю свежесть почуяв,
Пел я, вступая за родину в бой.
Вот и последнюю песню пишу я,
Видя топор палача над собой.

Долгое время Джалиля считали предателем Родины.

Андре Тиммерманс, бельгийский антифашист, сидевший в одной камере с Джалилем, передал в 1947 году в Советское консульство в Брюсселе тетрадь со стихами, датированную 1943 годом.

Джалиль писал: «Я не боюсь смерти. Это не пустая фраза, когда мы говорим, что презираем смерть. Если я делал что-то важное, нужное людям, то я заслужил эту другую жизнь – «жизнь после смерти». Цель-то в жизни в том и заключается: жить так, чтобы после смерти не умирать».

На обрывках бумаги огрызком карандаша «на плахе под топором палача» были написаны стихи, наполненные жадной свободой:

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждёт меня палач, и вырыта могила,
Я ко всему готов. Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила.

Мы по очереди зачитывали факты из биографии поэта. И те, кто старше, вспоминали родных, воевавших или погибших на войне, расстрелянных, сожженных, замученных.

И ещё мы слушали довоенную поэзию Джалиля. О любви. Целомудренной, нежной, безответной. Как долго плакало его ранимое сердце. И это был другой Муса. Влюбчивый и любящий. Настоящий джигит – «поэт татарского народа».

Таким, любящим, он и остался до последнего смертного часа. 25 августа 1944 года в Берлинской тюрьме Плетцензее в 12 часов 18 минут на гильотине перестало биться его сердце. С немецкой педантичностью было выведено в его карточке: «Причина смерти – отсечение головы».

Война всегда страшна и уродлива. Лик Смерти уродлив и безобразен. Но память должна быть остра, как заточенное перо. И чем дальше от нас война, тем острее должна становиться наша память и слова поэта, дошедшие до нас, живых, как завещание:

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь!
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!
Если кровь твоя за родину лилась,
Ты в народе не умрёшь, джигит,
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

*НАТАЛЬЯ РОДИНА,
член Правления АРП РМ,
ответственный секретарь*

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЁННЫЙ 100-летию М. ИСАКОВСКОГО

17 января Ассоциация русских писателей Республики Молдова провела в муниципальной библиотеке им. М.В. Ломоносова музыкально-поэтический вечер, посвящённый 100-летию Михаила Исаковского.

Это событие – первое в ряду запланированных мероприятий, посвящённых празднованию 65-й годовщины Великой победы советского народа над фашизмом, которые Ассоциация проведёт в течении 2010 года.

Песни Михаила Васильевича Исаковского, ставшие в годы советской власти, поистине, народными, являются музыкальным символом времени. Подробности жизненного и творческого пути Михаила Васильевича – большого русского со-

ветского поэта – неотделимы от истории страны и народа, которым он осознанно истово служил.

«Дан приказ ему на Запад», «В лесу прифронтовом», «Катюша», «Услышь меня, хорошая», «Одинокая гармонь», «Враги сожгли родную хату», «Каким ты был...», «Ой, цветёт калина», «И что он моргает» – поколения советских людей с этими песнями любили, радовались и горевали, трудились и шли в бой.

Стихи Исаковского – мудрые, негромкие, проникновенные и простые, что отмечали и Максим Горький и Александр Твардовский, – самоценны и без мелодий. «Исаковский не «автор текстов» и не «поэт-песенник», а поэт, стихам которого органически присуще начало песенности, что, кстати сказать, всегда было одной из характернейших черт русской лирики» (А Твардовский).

17 января в этом смогли убедиться многочисленные слушатели. Вели юбилейный вечер Борис Благовещенский и Олеся Рудягина, познакомившие собравшихся с вехами биографии поэта, воспоминаниями о нём современников и наиболее яркими его стихами.

В проведении вечера, организованного Ассоциацией русских писателей РМ, с большим энтузиазмом приняли участие вокальный ансамбль комитета ветеранов ВОВ Кишинева (руководител Евг. Кройтору, худ. рук Лариса Аркадьевна Калинина), подготовивший для этой встречи целую программу из незабвенных песен Исаковского и лауреат многих Международных конкурсов вокалистов Сергей Варсанов, спевший с Ансамблем трогательную и мелодичную «Одинокую гармонь».

Члены АРП РМ, как обычно, неформально и искренне постарались воскресить образ ушедшей эпохи. Новелла Киселёва поделилась своими детскими воспоминаниями военных лет о ярчайших впечатлениях от песен Исаковского. В исполнении актрисы Светланы Бахрушиной прозвучали горькие, пронзительные строки, ставшего в 50-годы великой песней, стихотворения «Враги сожгли родную хату...» Татьяна Орлова рассказала об истории создания и триумфальном шествии по планете знаменитой «Катюши» Михаила Васильевича Исаковского.

Единственный оставшийся в АРП РМ ветеран войны, полковник в отставке Иван Иванович Сухоруков поделился мыслями о роли советской песни на фронте, воспоминаниями о том, как услышал «Катюшу» впервые в госпитале и радость и оптимизм, исходящие от её бесхитростных слов и музыки, помогли встать ему на ноги и вернуться в строй, как сотням других раненых.

А потом... потом и слушатели, и выступавшие вместе пели и танцевали, не удержавшись, вальс: «В лесу прифронтовом»...

*Данные события были освещены на сайтах Россотрудничества,
“НОВОСТИ-МОЛДОВА”, в газетах “Русское слово”,
“Кишинёвские новости”, альманахе “Вестник МСПС”.*